ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ

Борис Ярцкий

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

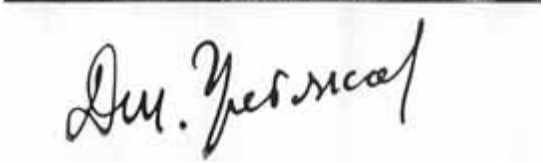
Дмитрий Ильич Ульянов — представитель замечательной семьи Ульяновых. Младший брат В. И. Ленина, врач по профессии, он включился в революционную работу еще будучи студентом. Д. И. Ульянов входил в организацию искровцев, работал в Подольске, Симбирске, Крыму. Он был одним из организаторов подполья в Феодосии, после Октября находился в гуще революционных событий в Крыму после изгнания оттуда оккупантов, был заместителем председателя Совнаркома и наркомом здравоохранения Крыма. С 1921 года Дмитрий Ильич работал консультантом в различных медицинских учреждениях Москвы.

- Борис Яроцкий
  - ○
  - ○ ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ○ СТАНОВЛЕНИЕ
    - ■ ЗАЧЕМ ЖИТЬ!
    - ■ ПЕРВЫЕ ШАГИ В РЕВОЛЮЦИЮ
    - ■ СТУДЕНТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
    - ■ ПРОПАГАНДИСТ РАБОЧЕГО КРУЖКА
    - ■ УЗНИК «ТАГАНКИ»
  - ○ ПЛАМЯ «ИСКРЫ»
    - ■ «ФОРМЕННЫЙ СТУДЕНТ»
    - ■ АГЕНТ «ИСКРЫ»
    - ■ ДЕЛЕГАТ ГЕРЦ
    - ■ ПО ПОРУЧЕНИЮ ЦК
    - ■ НА ВОЛНЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА
    - ■ ЛИПИТИНО
    - ■ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ
    - ■ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С КРЫМОМ
    - ■ «ДАР БОГОВ»
    - ■ ОПЫТ КОНСПИРАТОРА
    - ■ А МЫСЛИ В СЕВАСТОПОЛЕ…
    - ■ ДАЧА МИТИ
    - ■ КРЕПОСТНОЙ ГАРНИЗОН
    - ■ 1916-й. ТОЛЬКО ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ
    - ■ ВЕТЕР ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
  - ○ НАРОДНЫЙ КОМИССАР
    - ■ ОКТЯБРЬ
    - ■ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ТАВРИДЫ
    - ■ ЕВПАТОРИЙСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

        - ВО ГЛАВЕ КРЫМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
        - ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ
        - ОТДЫХ В ГОРКАХ
        - ВОЗГЛАВЛЯЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ…
    - ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
        - ОРГАНИЗАТОР КРАСНОЙ ЗДРАВНИЦЫ
        - ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ С ЛЕНИНЫМ
        - СИЛЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ПОРОДЫ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. И. УЛЬЯНОВА
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

Борис Яроцкий
ДМИТРИЙ УЛЬЯНОВ



ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Бориса Яроцкого посвящена жизни и деятельности Дмитрия Ильича Ульянова, старейшего революционера, члена партии большевиков и государственного деятеля, отдавшего всю свою жизнь делу трудового народа. Он активно боролся за Советскую власть, стоял у колыбели народного здравоохранения.

Борис Яроцкий не впервые пишет о младшем брате Ленина. Известны его публикации в газетах, в книге «Годы борьбы и побед». Он изучил большое количество статей и рукописей, исследовал разнообразные архивные материалы. Ему удалось найти ранее неизвестные документы, характеризующие Д. И. Ульянова как стойкого и последовательного революционера, страстного пропагандиста марксистских идей и организатора-практика. Воспоминания старых коммунистов, знавших Дмитрия Ильича по совместной партийной работе в годы гражданской войны, позволили установить многие важные факты непосредственного участия Д. И. Ульянова в руководстве большевистским подпольем. Итогом этой работы явилась книга «Ульянов-младший», получившая положительную оценку в печати и нашедшая живой отклик среди молодежи.

После выхода этой книги автор многие годы работал над созданием более полного образа Дмитрия Ильича, изучил его переписку с Владимиром Ильичем, красноармейцами, рабочими и крестьянами, статьи в специальных медицинских изданиях, большевистских газетах.

Широко использованы и материалы из книги моего отца «Очерки разных лет», где наиболее полно представлены его воспоминания, переписка, статьи, стенограммы.

Поэтому в новой книге Бориса Яроцкого довольно обстоятельно отражены основные периоды жизни Дмитрия Ильича.

В разделе, посвященном детским и юношеским годам, автор рассказывает о родителях Дмитрия Ильича — Марии Александровне и Илье Николаевиче, глубоко образованных и душевно щедрых людях. «Илья Николаевич был оптимистом, — писал в редакцию журнала «Молодая гвардия» Дмитрий Ильич, — страстно любил дело народного образования. Во всем и всегда чувствовалось его увлечение работой, его любовь к народу, его заботы о нем, о школах, об учителях. Всю семью, можно сказать, вдохновляло и воодушевляло создаваемое им дело. Заострял внимание всех детей на мужике, крестьянине, на тяжелой доле его, на тяжелой доле вообще всех трудящихся». В этом же разделе

повествуется об учебе в университете и начале революционной деятельности Дмитрия Ильича в Москве. Как в ранние годы, так и потом, на протяжении всей своей жизни, младший брат всегда чувствовал любовь и поддержку Владимира Ильича.

Во втором разделе показана деятельность Дмитрия Ильича в рядах большевистской партии, его активное участие в работе II съезда РСДРП.

В центре третьего раздела — подполье и борьба за установление Советской власти на юге России. Автор подробно описывает крымский период, с которым связана большая революционная работа Дмитрия Ильича среди рабочих Таврии и моряков Черноморского флота. Подробно рисуется участие Дмитрия Ильича в гражданской войне в Крыму и на Украине, деятельность на партийных и государственных постах. Этот период охватывает всего лишь несколько лет. Но каждый день равнялся неделе, а то и месяцу. «…Спать удавалось не больше 3–4 часов в сутки», — писал отец Марии Ильиничне в апреле 1919 года. Это был период интенсивного труда «на пределе физических возможностей). Вполне естественно, что этому времени в книге отведено значительное место. Именно тогда в полной мере раскрылся организаторский талант Дмитрия Ильича. Документы, дополненные воспоминаниями товарищей и соратников, дают наглядное представление о нем как о человеке, для которого высшее счастье и смысл жизни — борьба за освобождение рабочего класса.

В заключительных главах книги, охватывающих последние двадцать лет жизни, рассказывается о научно-врачебной, а также публицистической деятельности Дмитрия Ильича.

В целом Борис Яроцкий отразил основные периоды жизненного пути младшего Ульянова, сумел создать многогранный образ Дмитрия Ильича — пламенного революционера и крупного государственного деятеля.

Хочется надеяться, что эта интересная и содержательная книга будет прочитана широким кругом читателей.

О. Д. УЛЬЯНОВА

СТАНОВЛЕНИЕ

ЗАЧЕМ ЖИТЬ!

Дмитрию Ильичу Ульянову, или, как его тогда называли, Мите, было тринадцать лет, когда в Симбирск пришла весть о казни его старшего брата — Саши. Такой приговор вынес суд особого присутствия Сената с участием сословных представителей по делу покушения на царя Александра III. Пять участников покушения, в их числе и Саша, были повешены…

Еще в гимназии он мечтал служить науке. И своего почти добился: поступил в Петербургский университет на естественный факультет. На третьем курсе за блестяще выполненную студенческую работу получил золотую медаль. Правда, уже тогда в семье кое-кто догадывался: в Петербурге Саша занимается не только наукой. Эта догадка подтвердилась, когда отец, Илья Николаевич, поучал Аню, уезжавшую в Питер: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя, хоть для нас…»

Летом 1885 года, незадолго до смерти отца, Саша приехал в Симбирск на каникулы. Он и отец частенько прогуливались в саду и о чем-то сосредоточенно беседовали.

«Я совершенно убежден, — много позже писал Дмитрий Ильич, — что разговор был на политические темы, и, несомненно, он был не единичный и не случайный… Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичом были… самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения».

Своей главной задачей Александр Ульянов считал революционное преобразование общества. «Я убедился, — сказал он на суде 15 апреля 1887 года, — что единственно правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом. Но… жизнь показывала самым наглядным образом, что при существующих условиях таким путем идти невозможно… Невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная… даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна. Для интеллигентного человека право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, которые ниже его по развитию, есть не только неотъемлемое право, но даже потребность и обязанность…»

Многие мысля старшего сына разделял и Илья Николаевич.

Внук крепостного крестьянина Нижегородской губернии, сын бедного астраханского мещанина, он с невероятным трудом выбивался «в люди». Ни отцу его, ни тем более деду учиться не

довелось.

Когда Илюше исполнилось семь лет, умер отец. Единственным кормильцем семьи остался семнадцатилетний Василий. Он, по существу, отказался от личной жизни ради младшего брата. И вот сын человека из «податного сословия» благодаря своим природным способностям и исключительному трудолюбию поступает в Астраханскую гимназию и заканчивает ее с серебряной медалью. Василий Николаевич ломал перед астраханскими чиновниками шапку, просил, унижался, только бы определить брата на дальнейшую учебу.

Но те с презрением удивленно восклицали: как, сына портного — в университет?! В Астрахани такого еще не бывало.

И все же Илье Николаевичу удалось поступить на физико-математический факультет Казанского университета. Большую часть своего заработка Василий Николаевич отсылал в Казань, себе же оставлял ровно столько, чтобы не умереть с голода.

Блестяще окончив университет, Илья Николаевич проявил себя способным, подающим большие надежды ученым. Его трудовая деятельность совпала со временем, когда на смену крепостничеству шел капитализм. Начинались крестьянские волнения, вызванные реформой 1861 года.

В Центральной России, на заводах Урала и Донбасса зарождался промышленный пролетариат. Бурно шло строительство заводов и фабрик в городах Поволжья: Нижнем Новгороде, Саратове, Самаре, Астрахани. И только, казалось, в Пензе, где Илья Николаевич преподавал в дворянском институте, не происходило никаких перемен. Однако в стены этого заведения проникали новые веяния. В том же институте работали слависты В. И. Логинов и В. И. Захаров. Они увлекались произведениями Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Через Захарова, с которым Илья Николаевич находился в дружеских отношениях, он познакомился с трудами революционеров-демократов. Не без их влияния он стал демократом-просветителем, и идеи добра и гуманизма стали основополагающими принципами его жизни.

То, о чем долгие годы думал Илья Николаевич, высказал перед казнью его старший сын. Право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, кто тебя кормит, одевает и обувает, — разве это право не обязывает распорядиться своей жизнью таким образом, чтобы каждый твой день, каждое твое дело приближало к намеченной цели — освобождению трудящихся от гнета самодержавия?

Вскоре после гибели Александра Ильича в один из майских вечеров 1887 года вокруг Марии Александровны собрались ее

дети. Тревожное предположение Володи — «А ведь дело-то серьезное, может плохо кончиться для Саши» — сбылось. Все молчали — смерть Саши не укладывалась в голове…

— Нет, мы пойдем не таким путем, — наконец тихо сказал Володя и с обдуманной твердостью добавил: — Не таким путем надо идти.

До Мити не сразу дошел истинный смысл этих слов, но он, взволнованный пережитым горем, чувствовал себя намного повзрослевшим. Гибель старшего брата, как впоследствии вспоминал он, стала для него вехой, от которой начиналась трудная, полная каждодневных лишений и забот жизнь.

В пятнадцать лет Дмитрий Ильич впервые всерьез подумал о своем призвании. Кем быть? Этот вопрос задавали себе все Ульяновы.

Владимир Ильич, например, не делал секрета из того, что он собирается стать юристом. Такой выбор был для брата не случайным, а хорошо продуманным шагом. Юридический факультет университета давал возможность глубоко и всесторонне изучить структуру буржуазного общества.

Дмитрия Ильича, однако, юридическое поприще не привлекало. Заманчиво было пойти по стопам отца. Но он не видел в себе педагогических способностей и все больше склонялся к тому, чтобы продолжить дело деда, врача Александра Дмитриевича Бланка.

Жизнь в Симбирске становилась невыносимой. После казни Александра реакционное чиновничество Симбирска отвернулось от Ульяновых. Многие знакомые, называвшие себя друзьями покойного Ильи Николаевича, начали относиться к его семье с подозрением. Все, о чем дети говорили со своими сверстниками, становилось известным классным воспитателям. За семьей Ульяновых был установлен негласный полицейский надзор.

Ульяновых попрекали не только Александром, но и Анной, которая, как и старший брат, была арестована по делу покушения на царя.

И все же педагогический совет Симбирской гимназии выдал Владимиру Ульянову аттестат зрелости и наградил золотой медалью. В списке учеников восьмого класса появилась запись: «Желаю поступить в Казанский университет…»

Мария Александровна продает дом, и в конце июня 1887 года Ульяновы покидают Симбирск. Сначала уехали Владимир с матерью и сестрой Ольгой, затем остальные. С чувством тоски и горечи Дмитрий расставался с родным городом.

На склоне лет Дмитрий Ильич вернется сюда, чтоб еще раз

вспомнить и пережить радостные и горькие минуты детства.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В РЕВОЛЮЦИЮ

Ульяновы переезжают в Кокушкино, имение отца Марии Александровны. Здесь уже жила Анна Ильинична[1]. Позже все перебираются в Казань, где снимают квартиру по улице Первая гора в доме Ростовых. Владимир Ильич поступает в университет, Дмитрий — в гимназию.

Новый город, новое место учебы, новые знакомые.

Наблюдая за братом, Дмитрий видел, что он удивительно быстро сходится с людьми, и не только с ровесниками. Володя обладал какой-то неведомой притягательной силой. Его» отличал особый такт, умение слушать с тем вниманием, благодаря которому собеседник, сам того порой не замечая, становился откровенным. И может быть, поэтому, как только брат приступил к учебе, так от него сразу же потребовали подписать обязательство «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как, например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества, без разрешения на го в каждом отдельном случае ближайшего начальства». Такое обязательство брат вынужден был подписать, но тут же вступил в революционный студенческий кружок, который, по отзыву департамента полиции, являлся «кружком крайне вредного направления». Делегированный Самарско-Симбирским землячеством, он участвует в конспиративном совещании представительств землячеств Казанского университета и ветеринарного института. На этом совещании было принято обращение ко всем казанским студентам, а также назначен день выступления в знак протеста против реакционного университетского устава и циркуляра министра народного просвещения от 18 июля 1887 года, который фактически закрыл двери гимназии детям «кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т. п. людей».

Слухи о «бунте» студентов доходили и до гимназистов, но пока Дмитрий больше интересовался книгами, которые приносил брат. Одну из таких книг — «Что делать?» Чернышевского — Владимир Ильич посоветовал прочесть «весьма вдумчиво».

«Что делать?» оказалась первой книгой, которую Дмитрий читал сосредоточенно, подолгу останавливаясь на полюбившихся местах. Каждая страница побуждала к размышлениям, заставляла смотреть на мир другими глазами.

Вскоре Дмитрий по-настоящему увлекся литературой. Глядя на старших, он старался читать много. Домашние частенько видели его то с книгой, а то и с популярным журналом. Конечно,

книга книге рознь. Ряд дисциплин в гимназии приходилось просто зубрить, особенно латынь и древнегреческий язык. Хорошо еще, что для отдыха оставались шахматы. Как всегда по вечерам, соблюдая традицию, установившуюся еще при жизни отца, братья усаживались за доску, и, чтобы игра была на равных, Владимир Ильич отдавал вперед ладью или двух коней. За игрой быстро бежало время. Однажды, как вспоминал потом Дмитрий Ильич, будучи совсем замучен латынью и греческим языком, он сказал:

— Лучше бы вместо этих древностей в гимназии ввели шахматы для упражнения мозга.

Владимир Ильич весело взглянул на брата, покачал головой:

— Ну, этим ты поправишься, как говорится, из кулька в рогожку. Не надо забывать, что шахматы все-таки *игра, а не дело.*

К шахматам Владимир Ильич относился без особого энтузиазма, хотя в молодые годы играл много и очень хорошо. По утверждению А. Н. Хардина, выступавшего против самого М. И. Чигорина, Владимир Ильич мог стать выдающимся шахматистом.

Но у него тогда было других дел великое множество. Он пропадал то на занятиях революционного студенческого кружка, то в городской библиотеке, то просиживал дома над нелегальной литературой. Много времени отдавал изучению марксистских и русских демократических изданий. Под влиянием брата Дмитрий стал систематически читать старые номера «Современника», «Русского слова». Эти журналы ему попадали в руки после прочтения Владимиром Ильичем. Пометки брата служили своего рода указателями, на что обратить внимание, к чему следует отнестись предельно критически, а что и вовсе читать не стоит — пустое.

«Современник», конечно, был куда интереснее латыни и древнегреческого, но старший брат не однажды напоминал, что на этих языках написаны выдающиеся произведения античности, и с восхищением отмечал превосходный слог древнеримских ораторов.

И тут же, словно невзначай, напоминал, что и медицина пользуется латинскими терминами не случайно. Ни для кого в семье Ульяновых уже не было секретом, что Дмитрий по совету матери увлекся книгами по медицине, где сплошь и рядом встречалась латынь. Старший брат, словно сговорившись с матерью, горячо поддерживал увлечение Дмитрия.

И Марии Александровне было лестно, что Володя, мнением которого она особенно дорожила, поощряет увлечение младшего брата. Ульяновы стали выписывать журнал «Русский врач». Приводимая там статистика давала обильную пищу для размышлений, особенно заметки о неудовлетворительном

медицинском обслуживании населения Поволжья, об угрозе эпидемий холеры и чумы.

Однажды неожиданно для матери и брата среди дня домой вернулся Володя. Он был сильно возбужден. Взял какую-то книгу и убежал в университет.

Все прояснилось к вечеру, когда брат сообщил, что участвовал в студенческой сходке.

Мария Александровна, бледная, взволнованная, слушала разгоряченного сына, словно вернувшегося с поля боя, и ужасалась: «Неужели все? Неужели исключат?» Столько стараний пропадало даром! Столько надежд!

Ночью Владимира Ильича арестовали. До рассвета Дмитрий не сомкнул глаз. Особенно он беспокоился о матери. Только бы она выдержала удар, не надломилась.

Из университета старшего брата исключили, но, освободив из-под ареста, оставили под негласным надзором полиции. Вместе с матерью и младшей сестрой он приехал в Кокушкино. Потом Мария Александровна привезла и остальных детей. В это время Дмитрий болел и гимназию не посещал.

В Кокушкине братья жили в одной небольшой, но уютной комнате. Их койки, покрытые серыми байковыми одеялами, стояли у печки — там было теплее. На некрашеном полу лежали домотканые коврики. В углу комнаты размещался верстак. На стене, за деревянной рейкой, заложены стамески, коловорот, буравчик, долото. На полке — рубанки и фуганок. Это рабочий инструмент Владимира Ильича. Он много и с удовольствием столярничал. И в комнате, особенно когда топилась печка, остро пахло свежей сосновой стружкой.

Но основное время, как и прежде, занимали книги. Исключенный из университета, Владимир Ильич, однако, не считал себя отстраненным от общественной жизни. В далеком приволжском хуторе, затерянном среди снежных просторов, он вел незримую полемику с популярными публицистами, толковавшими на свой лад социальные проблемы, стоящие перед обществом. Не последнее место среди этих публицистов занимал Н. К. Михайловский, известный теоретик народничества. Его статьи публиковались в газете «Русские ведомости» и в журнале «Русское богатство» — эти издания выписывали Ульяновы постоянно.

В 1889 году семья переехала в Самару и поселилась на хуторе недалеко от деревни Алакаевки.

Здесь Мария Александровна купила небольшой участок земли с деревянным домиком. К дому примыкал густой запущенный сад. От поля его отделял неглубокий ров,

заменявший изгородь. Вокруг хутора, сколько видел глаз, простирались заволжские степи.

И опять, как и в Кокушкине, жизнь на отшибе, вдалеке от шумного города. Два лета кокушкинских да пять алакаевских — итого семь лет, проведенных братьями на природе, были периодом интенсивной умственной работы.

Жизнь в Кокушкине и Алакаевке стала своеобразным университетом на дому. Владимир Ильич, несмотря на негласный надзор полиции, с одной стороны, и на массу хуторских соблазнов (возможность охоты, дальних прогулок), с другой, организовал свои занятия таким образом, что, по существу, ни один день из семи лет не был потерян даром.

Время от времени Владимир Ильич наведывался в Самару. Часть пути — верст тридцать — нужно было ехать на лошадях, потом от станции Смышляевка — поездом. В один конец уходил почти целый день. Но с этим приходилось мириться. Дорога — помощница раздумий. В Самаре Владимир Ильич встречался главным образом с местными марксистами Алексеем Павловичем Скляренко, Исааком Христофоровичем Лалаянцем, Марией Петровной Голубевой, виделся с Вадимом Андреевичем Ионовым, одним из самых деятельных самарских революционеров.

На хуторе Ульяновы купили лошадь по кличке Буланка. Ухаживали за ней всей семьей, но больше всех Дмитрий. Обычно он ждал брата в Смышляевке и, что называется, с ветерком доставлял его домой…

Однажды, проезжая алакаевским лесом, Владимир Ильич рассказал об одной веселой истории.

Оказалось, что недавно по доносу филера жандармы произвели обыск на квартире Вадима Андреевича Ионова, самарского марксиста. Была найдена рукопись социал-демократического содержания.

Хозяина тут же арестовали и в сопровождении двух полицейских агентов отправили в Питер. В пути Вадим Андреевич заметил, что «крамольная» рукопись находится в чемоданчике одного из конвоиров. Ночью, на последнем перегоне из Москвы в Питер, Ионов притворился спящим. А конвоиры, видя арестованного в одной и той же позе, не удержавшись, под утро захрапели сами. Ионов тихонько достал из чемоданчика рукопись, вышел в тамбур, где стояла железная печурка. Через минуту от рукописи остался один пепел… Из Питера в Самару Вадим Андреевич вернулся без конвоя и со всеми подробностями рассказал эту историю товарищам.

Со многими марксистами, в том числе и с Ионовым, Дмитрий познакомился осенью, когда семья переехала в Самару. Занимаясь

в гимназии, он часто стал бывать у Алексея Павловича Скляренко. Высокий, сильный, с неразлучной сучковатой палкой в руке, в темном пенсне, он очень нравился Дмитрию. И хотя, казалось, Алексея Павловича окружала какая-то особая таинственность, он был человеком общительным, превосходно знал марксистскую литературу, умел с терпением и тактом объяснить непонятное, а при случае давал из своей библиотеки книги Писарева или Чернышевского.

Зимой, особенно по вечерам, квартира Ульяновых наполнялась шумными ребячьими голосами. В большинстве своем это были одноклассники Дмитрия. Под аккомпанемент рояля они частенько пели «Быстры, как волны», «Из страны далекой»…

После одной из поездок в Самару Владимир Ильич привез новую песню, которая, по-видимому, и в Самаре появилась недавно, не раньше лета 1890 года.

Однажды утром Ольга занималась музыкой и в конце исполнила «Марсельезу». Дмитрий подбежал к роялю и попросил повторить. Просьбу брата услышал Владимир Ильич и неожиданно для домашних (по утрам, как правило, он не отрывался от книг) сказал:

— Надо спеть «Интернационал».

«Debout, les damnés de la terre!
Debout, les forçats de la faim…»

— Как это по-русски? — спросил Дмитрий. Брат запел:

— «Вставайте, каторжники мира!..»

Вдвоем с Ольгой они подобрали мотив. Так Дмитрий узнал, что у марксистов есть своя песня, ставшая затем гимном всех революционеров мира.

СТУДЕНТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

За время жизни на хуторе близ Алакаевки в семье Ульяновых произошло много событий, радостных и печальных.

После многократных просьб Владимиру Ильичу было разрешено завершить университетское образование. И он экстерном держит экзамен в испытательной комиссии юридического факультета Петербургского университета, которая в ноябре 1891 года присуждает Владимиру Ильичу диплом первой степени. По всем предметам он показал весьма удовлетворительные знания, что соответствовало высшему баллу. Владимир Ильич работает помощником присяжного поверенного Самарского окружного суда, выступает защитником по уголовным и гражданским делам. Несмотря на занятость, углубленно изучает статистику. Он привлекает к этому занятию друзей-марксистов, младшего брага. К слову будет сказать, что методика систематизации и обобщения статистических данных, предложенная Владимиром Ильичем, станет для Дмитрия Ильича превосходной школой марксистского анализа проблем медицины.

Старшая сестра — Анна Ильинична — в июле 1889 года вышла замуж за Марка Тимофеевича Елизарова, друга Александра Ильича Ульянова.

На одной из земляческих сходок в Петербурге Саша познакомил старшую сестру с двадцатилетним студентом университета, волжанином Елизаровым. Выходец из бедной крестьянской семьи Самарской губернии, с детства познавший тяжелую материальную нужду, он встретил в семье Ульяновых единомышленников и душевных, бескорыстных людей, для которых на первом месте всегда стояли интересы трудящихся.

Средняя сестра — Ольга, студентка Высших (Бестужевских) женских курсов, — в апреле 1891 года заболевает брюшным тифом и 8 мая, ровно четыре года спустя после казни старшего брата, умирает.

Это горе было новым жестоким ударом для семьи Ульяновых. Похоронили Олю на Волковом кладбище в Петербурге. Смерть сестры укрепила решение Дмитрия стать врачом. Еще когда от Владимира Ильича пришла первая телеграмма: «Олей брюшной тиф, лежит больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход…», он отправляется в городскую публичную библиотеку и просит выдать ему книги, в которых бы рассказывалось о природе брюшного тифа и способах его лечения.

Дмитрий изучал литературу о брюшном тифе с особым

пристрастием и с горечью сознавал, что в России инфекционные болезни уносят тысячи жизней! И ни с одной из них медицина пока не может справиться. Статистика отмечала количество инфекционных больных но губерниям.

В графе «Брюшной тиф в Петербурге» за 1891 год была учтена и смерть его сестры… Медицина виновата? А может, социальные условия российской действительности? Голод. Грязь. Нищета. Суеверия. Безответственность чиновников… Разве не это главная причина инфекционных заболеваний?!

Весной 1893 года Дмитрий заканчивает гимназию я подает заявление на медицинский факультет Московского университета. По единодушному мнению семьи было решено: Мария Александровна с Дмитрием и дочерьми едут в Москву, Владимир Ильич — в Петербург. В связи с этим охотно согласился поменять место службы и Марк Тимофеевич.

Хутор близ Алакаевки за бесценок продан местному купцу Данилину. Тотчас же Данилин перевез деревянный дом в деревню Неяловку, сад вырубил, распахал и принялся скупать бедняцкие наделы. Кстати, договор о продаже хутора от имени матери составлял Владимир Ильич. На вопрос матери, кому продан хутор, Владимир Ильич ответил: «Купчику, который стремится в капиталисты, но не уверен, что таковым станет…» Владимиру Ильичу было очень жаль сада. Он обошел все аллеи — и березовую, где любила гулять Аня, и кленовую, где с книгами пропадала Оля, и вишенник, где подкармливал птиц Митя, и липовую аллею, самую тенистую, где по вечерам собиралась вся семья… Владимир Ильич с нежностью думал о маме. Как она хотела, чтобы он в деревне занялся хозяйством. И покупала она этот хутор с тайной надеждой: а вдруг Володя возьмется крестьянствовать? Но он понимал, что для революционера земледелие — штука опасная: засосет. «Я начал было, — потом признавался он Надежде Константиновне, — да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся». Хозяйство в Алакаевке не пошло, да это было и к лучшему[2].

В августе 1893 года Ульяновы переехали в Москву и сняли квартиру около Тверского бульвара в доме Иванова. Пока Мария Александровна с дочерьми распаковывала вещи и приводила квартиру в порядок, Дмитрий с утра отправился в университет. В первый же день он узнал, что занесен в списки студентов медицинского факультета. Мечта превращалась в действительность. Около списков поступающих толпилась довольно многочисленная группа юношей, в новых сюртуках, некоторые были в галстуках — после гимназической формы они чувствовали себя раскованно. Кое-кто за лето успел уже отпустить

усы и бородку — все хотели выглядеть взрослей и солидней. Дмитрий тоже старался не отстать от студенческой моды. Он уже красовался в куртке с блестящими медными пуговицами, сшитой у лучшего самарского портного.

Пока Дмитрий читал объявление, к нему подошел незнакомый долговязый студент, поинтересовался, не он ли родной брат Александра Ульянова. Студент представился Павловым, сокурсником Дмитрия.

Павлов оказался москвичом. Он дал свой адрес и пригласил заходить к нему в любое время, намекнув, что в его доме собираются товарищи, которые разделяют взгляды Александра Ульянова. Дмитрий обещал при случае заглянуть. В то время он еще разделял идеи терроризма. Конечно, думал он, десяток самоотверженных революционеров, хотя и пойдут на верную гибель, серьезно поколебать устои самодержавия не смогут. Такие попытки уже были, и за них расплачивались дорого. А вот если тысяча, десять тысяч, да ударят одновременно по царю, по губернаторам, по жандармским генералам — массовый террор, пожалуй, решит дело. Среди русского народа, русской интеллигенции всегда найдутся люди, готовые принять смерть не колеблясь. Земля русская во все времена рождала героев.

Вскоре в Москву приехал Владимир Ильич. По пути из Самары он сначала остановился в Нижнем Новгороде, где познакомился с местными марксистами П. Н. Скворцовым, М. Г. Григорьевым и С. И. Мицкевичем. От них получил явку в Петербурге. Потом заехал во Владимир в надежде встретиться с Н. Е. Федосеевым, но встреча не состоялась. Федосеев был в тюрьме.

Дома Владимир Ильич засиживаться не стал. Позавтракав, сразу же пригласил Дмитрия на прогулку. У него были московские явки. Он их знал наизусть. Тогда в Москве номера домов были еще не в ходу. И брат, разглядывая дома, смеялся и возмущался:

— Ну и адресочки… Дом купца Трефова, дом купчихи Дурнаго… А вот еще: «Петровский парк, около Соломенной сторожки». Черт знает что за адрес.

На Арбате свернули под арку и оказались в тесном от зелени дворике. Через кусты Владимир Ильич внимательно следил за всеми, кто заходил во двор за ними.

Через две улицы Владимир Ильич опять осмотрелся и только затем направился по адресу, попросив брата подождать его в скверике. Возвращаясь домой, Дмитрий услышал от брата много такого, о чем раньше не имел ни малейшего представления.

Из объяснения Владимира, Ильича следовало, что

революционная деятельность в условиях подполья абсолютно немыслима без конспирации. Конспирация — это трудное, но необходимое искусство, ее правила обязательны для каждого подпольщика. В свои двадцать три года Владимир Ильич знал специальную литературу по сыскному делу и с особым пристрастием ее штудировал в университете. Знание сыскного дела необходимо для совершенствования конспирации.

Слушая брата, Дмитрий почему-то вдруг вспомнил Павлова, своего сокурсника. Держится он как-то странно, словно подчеркивает, что он-де рубаха-парень. Вот, мол, я террорист, а вы брат террориста. Пожалуйте в нашу компанию. Нет уж… Может, он никакой не террорист, а самый что ни на есть провокатор.

К Павлову Дмитрий так и не пошел, а в университете держался с ним подчеркнуто официально. Не было секретом, что в студенческой среде имелись платные агенты охранки. И хотя у Дмитрия был небогатый жизненный опыт, не раз его спасала интуиция. Совет брата, высказанный однажды в Самаре, стал правилом: не принимать скоропалительного решения, все хорошенько обдумать.

К весне 1894 года Ульяновы обжились в Москве. У Дмитрия Ильича ежедневно занятия начинались утром. Он уже готовился к экзаменам по физике, неорганической химии, ботанике и зоологии. Больше других предметов нравилась химия. В химической лаборатории просиживал часами. Дмитрий Ильич начинал понимать, почему Саша, приезжая на каникулы, не прекращал лабораторных занятий. Работа по душе, по призванию не утомляет человека. Уже сам процесс такого труда дает силы и уверенность в своем предназначении.

Мария Александровна радовалась, что младший сын так увлеченно осваивает курс медицинской науки. Впрочем, в семье все умели работать, но умели и хорошо отдыхать. В квартире появилось пианино, оно стало любимым инструментом Марии Александровны и младшей сестры — гимназистки Марии.

Марк Тимофеевич Елизаров, устроившись на железную дорогу счетоводом, купил велосипед. На нем очень быстро выучился ездить Дмитрий, а затем, когда на лето семья переехала в деревню Кузьминки, — Владимир Ильич. Здесь, на даче, Владимир Ильич прожил почти целый месяц, и не было дня, чтобы он обходился без велосипеда.

Велосипед, как с восхищением признавался Владимир Ильич, оказался штукой архиудобной. Правда, на первых порах пришлось и падать и ушибаться, но зато какая была скорость и физическая нагрузка!

Наезжая в Москву, Владимир Ильич часто встречался с московскими марксистами. На одной из вечеринок он подверг резкой критике В. П. Воронцова (Веве), экономиста, идеолога либерального народничества. С работами этого народника был хорошо знаком и Дмитрий. Он считал, что писания Веве не представляют интереса для российского революционного движения. Либеральное народничество — тормоз в развитии революционных тенденций. Дмитрий по-прежнему симпатизировал террористам.

Свое отношение к терроризму Дмитрий высказал однажды брату. Летним вечером 1894 года они прогуливались у Перервы, около Москвы-реки, обстановка располагала к откровенному разговору.

— У нас очень много товарищей, старых, известных нам. Почему не взяться и не создать террористическую организацию?

Пораженный вопросом брата, Владимир Ильич резко повернулся, и Дмитрий уловил в его карих глазах досаду. Брат рассердился, но как можно сдержаннее спросил:

— А для чего это нужно? Предположим, удалось бы покушение. Удалось бы убить царя. А какое это имеет значение?

Владимир Ильич помолчал, ожидая ответа. Дмитрий попытался объяснить:

— Оказало бы громадное влияние на общество.

— На какое общество? — И, уже не принимая уточнений, Владимир Ильич горячо приступил к объяснению: — Какое ты общество имеешь в виду? Это го общество либеральное, которое играет в картишки, и кушает севрюгу под хреном, и мечтает о куцей конституции? Это общество ты имеешь в виду? — И далее, перейдя на дружеский тон, тихо, но твердо продолжал: — Это общество, Митя, не должно тебя интересовать. Оно нам неинтересно. Мы должны думать о рабочем человеке, о рабочем общественном мнении. Вот Карл Маркс в Западной Европе стал во главе рабочего класса именно потому, что рабочие — это самый революционный элемент современного общества.

По утверждению брата, только пролетарии, объединившись под знаменем марксизма, способны уничтожить существующий строй, в том числе и в России.

С этого памятного разговора Дмитрий по-иному стал относиться к тактике политического террора.

На даче в Кузьминках по вечерам собирались сослуживцы Марка Тимофеевича. Это были так называемые толстовцы. Выделялся среди них некий Буланже. Он виртуозно играл в винт и преферанс, любил потолковать о греховности жизни, твердил,

что все люди плохи, один Лев Николаевич истину указывает. Объяснял, что табак — яд, поэтому папирос не покупал, но чужие курил. Объяснял, что водка — зло, но не отказывался от рюмки, когда угощали. Однажды Дмитрий резко возразил ему. Тот, в свою очередь, обвинил Дмитрия в проповеди социализма и тут же заявил, что политика и социалисты — все это чепуха, воду мутят и не дают жить спокойно русскому интеллигенту.

После этой стычки Дмитрий стал относиться к Буланже настороженно. Подобные интеллигенты в охранку доносят не за деньги, а «по совести».

В дачном доме Ульяновы жили на втором этаже, Буланже с семьей — на первом. У Буланже была пишущая машинка «ремингтон». И Дмитрий подумал, почему бы ею не воспользоваться? Владимир Ильич привез с собой «Эрфуртскую программу» Каутского и комментарии к ней, которые сам перевел на русский язык. Есть перевод и есть пишущая машинка. Дмитрий спустился вниз и стал печатать. Вскоре это заметил Владимир Ильич.

— Ты вниз ходил, там печатал? Это неудобно, я тебе программы больше не дам.

— Почему неудобно?

— Люди посторонние, чужие нам, а ты печатаешь. Видно, что программа социал-демократической партии. Это неконспиративно. — И, заметив смущение брата, уже другим тоном добавил: — А может быть, можно взять машинку сюда?

Дмитрий принес машинку наверх, и Владимир Ильич сам принялся печатать. В эту ночь долго в окне Ульяновых горел свет.

В конце концов эта чисто техническая работа Владимиру Ильичу надоела. Оказывается, и в самом деле лучше писать пером. Утром машинку вернули обратно. Относительно хозяина «ремингтона» братья решили, что не стоит с ним связываться: сделает на копейку — продаст на рубль.

Но благодаря Буланже Дмитрий познакомился с другим толстовцем, полной противоположностью соседа по даче. Этим человеком оказался Андрей Гаврилович Русанов, студент, впоследствии известный профессор Воронежского университета, а в годы Великой Отечественной войны — хирург полевого госпиталя. Русанов, хотя и восторгался литературно-общественной деятельностью Льва Толстого, не отрицал марксизм. Семья Ульяновых его заинтересовала именно революционными и марксистскими убеждениями.

Знакомство, а затем и дружба с Русановым дали Дмитрию возможность лучше представить свою будущую профессию. Андрей Гаврилович хорошо знал российскую действительность,

объехал многие губернии, принимая участие в ликвидации эпидемий. Хорошее впечатление о Русанове сложилось и у Владимира Ильича. Несколько раз им доводилось чаевничать на даче за широким дубовым столом. Беседовали и о Толстом, и о порядках в земских управах, и о постановке санитарного дела, в частности в южных губерниях России, где почти ежегодно вспыхивали эпидемии холеры, оспы, дизентерии.

В первый же год жизни в Москве Ульяновы подружились и с Елагиными. Андрей Нилыч Елагин, сослуживец Марка Тимофеевича Елизарова, снимал вместе с женой квартиру в деревне Дрожжино. Дмитрий часто у них бывал. Здесь собирались близкие друзья В. Вольский, П. Павлов, Л. Курнатовская. Вместе с Дмитрием они читали первый том «Капитала» Маркса. Елагины оказались глубоко убежденными революционерами-марксистами. Они всегда отличались радушием и гостеприимством, хотя жили крайне бедно. С этими чудесными людьми в течение многих лет судьба сводила Дмитрия Ильича не однажды, и всегда он получал от них помощь и поддержку.

Но, безусловно, самыми радостными были дни, когда в Москву из Петербурга приезжал Владимир Ильич. Между братьями уже не было тайн. Дмитрий знал, что в Петербурге создается крупная революционная организация, имеющая непосредственную связь с рабочими эаводов и фабрик. Рабочие овладевают теорией марксизма. Знал он также и то, что брат ездил за границу, виделся с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда». Оттуда впервые он привез нелегальную литературу в чемодане с двойным дном. Риск был велик, но возвращаться из-за границы без литературы Владимир Ильич считал непростительной роскошью.

В марте 1895 года Владимир Ильич перенес воспаление легких, а в апреле, уже по теплому солнцу, он прикатил в Москву. Вместе с ним приехал И. Х. Лалаянц, бывший участник марксистского кружка в Самаре. Исаак Христофорович недавно был выпущен из Крестовской тюрьмы. Бледный, со впалыми щеками, он нуждался в длительном отдыхе, но сам об этом и не помышлял: «Отдыхать будем после революции». Он настоял, чтобы Владимир Ильич провел с двумя молодыми марксистами (то есть с ним, Лалаянцем, и Дмитрием) занятие, как бывало в Самаре. Владимир Ильич согласился. По памяти он изложил основные положения третьего тома «Капитала». Русского перевода тогда еще не было, и Владимир Ильич читал его за границей по-немецки. В следующий вечер рассказ был продолжен в присутствии еще двух человек — Масленникова, состоявшего тогда членом руководства Московской социал-демократической

организации, и Анны Ильиничны.

В мае Владимир Ильич уехал за границу и вернулся только в сентябре. В ночь с 8 на 9 декабря на его питерскую квартиру нагрянули полицейские. Были найдены готовые к печати материалы первого номера газеты «Рабочее дело». Охранка выследила организацию, провокаторы выдали руководителей. Сообщение из Петербурга для Марии Александровны было как гром среди ясного неба. Она тотчас же собралась и уехала, надеясь выручить сына. Вслед за матерью поспешила Анна Ильинична. Нужно было организовать передачу продуктов и книг.

Арест брата и его заключение в тюрьму потрясли и Дмитрия. Он знал, что брат предельно осторожен, что в «Союзе» железная конспиративная дисциплина, и все же царская охранка оказалась хитрее, сумела внедрить провокатора. После, уже при Советской власти, станут известны имена охранников, слывших в среде подпольщиков преданнейшими марксистами. А пока Дмитрий строил догадки: почему «Союз» провалился?

Андрей Нилыч Елагин предложил стать пропагандистом в нелегальном рабочем кружке на заводе «Гужон».

Дмитрий Ильич, еще не зная, чем кончится судебное следствие по делу «Союза», взял на себя первое в своей жизни партийное поручение. Это было в ноябре 1896 года.

ПРОПАГАНДИСТ РАБОЧЕГО КРУЖКА

Долго и тщательно Дмитрий Ильич готовился к своему первому выступлению перед рабочими.

До сих пор его знакомыми были студенты и служащие. А тут — рабочие. О чем беседовать — он уже определил: роль промышленного пролетариата в современном революционном процессе.

Андрей Нилыч Елагин с одобрением отнесся к выбору темы, но предупредил: в кружке, который за ним закрепил «Рабочий союз», занятия ведутся по программе. И хотя члены кружка — народ, в большинстве своем ни писать, ни читать не умеющий, слушают с величайшим вниманием и мыслят верно, с классовых пролетарских позиций. А кто эти люди — они о себе расскажут сами.

Пасмурным ноябрьским днем Дмитрий Ильич заехал к Елагиным. Его уже поджидал одетый в тулупчик и юфтевые сапоги молодой человек с русой бородкой. Он назвался Антоном, связным «Рабочего союза». Андрей Нилыч приготовил Дмитрию Ильичу одежду: черный барашковый полушубок, неказистый на вид, черную суконную фуражку с лакированным козырьком, хромовые сапоги в гармошку. Дмитрий Ильич переоделся, взглянул в зеркало — ни дать ни взять щеголеватый приказчик.

Дмитрий Ильич и Антон не скоро добрались до Лефортова, в окруженный деревьями одноэтажный барак. Здесь в одной из квартир занимались члены кружка — рабочие завода «Гужон».

Гостя встретили радушно, помогли снять полушубок, усадили за самовар. Слово за слово началась беседа. Дмитрий Ильич расспросил о заработках, о размере штрафов, об условиях жизни рабочих. По репликам, по вопросам он понял, что ключ к задушевному, откровенному разговору найден. Он не скрывал трудностей, с которыми встретятся рабочие, когда вступят в открытую борьбу с самодержавием. «Чтобы быть ясным, оратор должен быть откровенным» — слова профессора Ключевского он помнил крепко. И еще он помнил напутствие брата: «Рабочему нужно говорить всю правду».

Беседа продолжалась до позднего вечера. Дважды ее пришлось прервать по сигналу часового, и тогда на столе появлялась водка и соленые огурцы. Но тревога оказывалась напрасной.

Еще дважды в течение месяца Антон сопровождал Дмитрия Ильича, но уже по другому адресу. Опасность была велика — этому району городской бедноты охранка уделяла особое

внимание. Именно здесь, как считал сам начальник московской охранки Зубатов, находится штаб «Рабочего союза». Но где именно? Десятки сыщиков под видом торговцев, дворников, нищих, монахов, портных рыскали на Абельмановской и Рогожской заставах, в Лефортове — всюду, где ютился рабочий люд заводов и фабрик.

Каждый раз, отправляясь на занятия, Дмитрий Ильич не мог не думать о матери. Он понимал: попадись он сейчас, мать, наверное, не сможет перенести нового удара. Ведь Володя еще в тюрьме. Все старания матери оказались напрасными. Эти мысли последнее время преследовали Дмитрия Ильича, и он не выдержал, обратился за советом к Марку Тимофеевичу как к старшему в семье. Мария Александровна и Анна Ильинична находились в Петербурге, старались хоть как-то облегчить участь Владимира Ильича. Марк Тимофеевич сказал: «Поезжай и ты, Митя. Учебу наверстаешь потом».

И Дмитрий Ильич ночным поездом отправился в Питер. У него было три свободных дня. Прямо с поезда, взяв извозчика, поехал на Шпалерную, где находился дом предварительного заключения. Около здания тюрьмы он увидел группу женщин с узелками в руках, догадался: принесли передачу. Присоединился к ним, стал ждать. У него ничего с собой не было: вырвался налегке. Успокаивал себя тем, что брат сам скажет, в чем он нуждается.

После регистрации в книге посетителей ему показали на длинный, похожий на подвал коридор. Пройдя его, он увидел что-то наподобие вестибюля, перегороженного двойной решеткой. Невольно мелькнула мысль: если бы захотел незаметно передать записку — не получится: между решетками взад-вперед прохаживался усатый надзиратель, время от времени предупреждая: «Иностранным говорить не велено». Дмитрий Ильич не сразу узнал брата: в трех шагах от него, за спиной перетянутого ремнями надзирателя стоял… Володя.

Улыбчивое, радостное от встречи лицо брата не могло обмануть Дмитрия Ильича. Мрачное сырое помещение, отсутствие свежего воздуха самым худшим образом сказывалось на здоровье — брат осунулся, побледнел. И только глаза словно говорили: не унываю.

Брат стал расспрашивать о маме, о сестрах.

— А ты-то как? — спросил Дмитрий Ильич по-немецки.

Надзиратель гут же его оборвал: на иностранных языках говорить не велено.

И все же, несмотря на двойную решетку, разделявшую узников и посетителей, братьям удалось поговорить, и Дмитрий

Ильич понял: брат чувствует себя хорошо, намерен и в тюрьме продолжать начатое дело.

В Москву Дмитрий Ильич вернулся полным решимости следовать за своим братом. Используя факты из жизни рабочих «Гужона», он пишет прокламацию. В ней обосновывает как экономические, так и политические требования трудящихся. Она находит хороший отклик в рабочей среде. Но эта же прокламация попала в поле зрения охранки. Кружок же благодаря строгой конспирации оставался неуязвимым.

Дмитрий Ильич ходил на явки уверенно: он не любил людей робких и сам к таковым не относился. Как-то товарищи заметили, что у их пропагандиста необыкновенно приподнятое настроение. Да он и сам не скрывал этого:

— Из тюрьмы освободили брата.

Это было большое событие. Втроем — Владимир Ильич, Мария Александровна и Анна Ильинична — возвратились из Петербурга.

Но радость была недолгой. Через пять дней Владимиру Ильичу предстояло уезжать в ссылку. В оставшиеся дни братья о многом переговорили. Владимир Ильич расспрашивал о состоянии дел в московском «Рабочем союзе», интересовался, что собой представляет нелегальный кружок на заводе «Гужон», каковы настроения рабочих, их экономические и политические цели, в какой степени рабочие организованы.

В Москве у Владимира Ильича было мало времени, но он успел поработать в читальном зале Румянцевского музея. Иногда с ним отправлялась и Мария Ильинична. Она ему помогала делать выписки для книги «Развитие капитализма в России». Над этой книгой Владимир Ильич работал в тюрьме. Исследование процесса создания внутреннего рынка в России, по существу, явилось блестяще выполненной диссертацией.

Многие уже знали, что Владимир Ильич освобожден из тюрьмы. В университете Дмитрия Ильича разыскал товарищ по Симбирску, студент первого курса Алексей Яковлев, или, как его называли в семье Ульяновых, Леля.

— Я слыхал, Митя, что Володя гостит у вас нынче? — спросил он и тут же высказал желание с ним встретиться.

Вечером Алексей пришел на квартиру Ульяновых. Владимир Ильич был рад земляку-симбирцу. Отец Яковлева был другом и учеником покойного Ильи Николаевича. Владимир Ильич был приятно удивлен, увидев Лелю в студенческой куртке. Сын чуваша — в университете! Но еще большее, радостное удивление вызвали политические взгляды Лели. Это был уже сложившийся революционер-единомышленник.

Прощаясь, Владимир Ильич попросил Лелю, когда он будет писать отцу в Симбирск, кланяться и передать от Ульяновых сердечный привет.

22 февраля 1897 года Владимир Ильич покидал Москву.

Его провожали всей семьей. На Курском вокзале братья распрощались. Дмитрий Ильич долго еще стоял на перроне, на душе было тоскливо как никогда.

Весной 1897 года Дмитрий Ильич стал членом московского «Рабочего союза». По предложению Ивана Федоровича Дубровинского, одного из руководителей подполья, он приступает к восстановлению рабочих кружков на ряде заводов и фабрик Москвы. Здесь у него произошла встреча с соратником В. И. Ленина Федором Николаевичем Петровым. Федор Николаевич, услышав, как выступает перед рабочими младший брат Владимира Ильича, нашел в нем много общего со старшим братом.

Работая в руководстве московского «Рабочего союза», Дмитрий Ильич установил, что, кроме него, занятия в кружках ведут и другие студенты, в том числе его знакомые математик В. К. Вольский и медик П. А. Павлов. Тот самый Павлов, который еще два года назад выдавал себя за террориста, теперь, оказывается, ведет марксистскую пропаганду. Дмитрий Ильич решил с ним встретиться. Как-то, встретив его на Арбате, Дмитрий Ильич предложил прогуляться и по пути постарался уяснить, каких же взглядов теперь придерживается сокурсник.

— Отказался от террористических идей, — ответил Павлов. — Полностью согласен с автором «Что такое «друзья народа…».

Однажды, придя к Елагину, Дмитрий Ильич застал дома только его жену — Елизавету Алексеевну. По ее глазам он заметил, что она чем-то взволнована.

Оказалось, Андрей Нилыч через своего агента, работавшего в охранке, получил сведения о том, что намечается крупная полицейская операция. Уже устроено несколько засад: охранка намеревается схватить разом все руководство московского «Рабочего союза». Значит, в среду подпольщиков пробрался провокатор.

Возвратившись домой, Дмитрий Ильич увидел Марию Александровну с письмом в руках. Это было письмо от брата. Он описывал природу Сибири, хвалился здоровьем, прогулками на воздухе, питанием: почти каждый день ест баранину, пьет молоко.

— Вот и слава богу, — вслух произнесла Мария Александровна. — Скорей бы возвращался наш Володя…

Не знала мать, что угроза ареста нависла теперь над ее младшим сыном…

О возможности провала Дмитрию Ильичу сообщил и Дубровинский. Он посоветовал на некоторое время уехать из Москвы. Но как? Подвернулся благоприятный случай. Мать попросила сына съездить в Кокушкино и продать часть имения, которое после смерти деда, Александра Дмитриевича Бланка, было разделено между дочерьми.

Сдав экзамены, Дмитрий Ильич выехал на Волгу. Довольно скоро он устроил финансовые дела, но задержался в Казани, где встретился с друзьями брата. С тех пор как был он здесь в последний раз, произошло много перемен. Город, по существу, оставался тем же: портовый, купеческий. Но на окраинах выросли крупные фабрики. Оптовые закупки и продажа промышленных товаров были главной статьей дохода местного купечества.

Здесь, в Казани, Ульянов узнал о создании в городе подпольных организаций «Рабочего союза».

Казанскими впечатлениями Дмитрий Ильич решил было поделиться в письме к брату, но своевременно спохватился и написал только о Кокушкине, об их бывшей комнате с домотканными ковриками и столярным верстаком в углу. Описал скворечни, которые они делали зимой 1887 года. Скворечни целы, и скворцы все так же, как и раньше, неутомимо таскают птенцам гусениц из окрестных садов.

По возвращении из Казани Дмитрий Ильич возобновил работу в фабрично-заводских кружках. Сигнал об опасности, полученный весной, стал постепенно забываться. Может, тревога была напрасной?

7 ноября в первой половине дня во дворе на Собачьей площадке появился незнакомый мужчина в штатском. Спросив домашнюю прислугу: «Здесь ли живет студент Ульянов?» и не дождавшись ответа, взбежал на высокое крыльцо. Прихожая была открыта, из нее дверь вела прямо в комнату Дмитрия Ильича. Вслед за штатским проследовала полиция. Дмитрий Ильич, не ожидая незваных гостей, в первый момент растерялся.

Человек в штатском, по-видимому, жандармский офицер, начал копаться в книгах. Книги полетели на пол. В углу, там, где у православных стоят иконы, у Дмитрия Ильича висел череп, что подчеркивало, как он считал, его принадлежность к племени исцелителей.

— Прикажете снять череп, ваше благородие? — обратился полицейский к офицеру.

— Да, посмотри, хотя там, вероятно, ничего нет.

Полицейский повертел в руках череп, заглянул в отверстие,

откуда начинается позвоночник. Дмитрий Ильич не выдержал, расхохотался:

— Вы у мертвых в голове ищете революционные мысли.

Но офицер уже из-под этажерки тянул тяжелый мешочек. На лице штатского — довольная ухмылка:

— А, до серьезного добрались — там шрифт, вероятно.

Он торопливо развязал мешочек, запустил в него руку и… вынул горсть студенческих пуговиц.

Улик для ареста не было, но тем не менее Дмитрия Ильича усадили в полицейскую коляску и отправили в тюрьму. Когда его выводили из дому, он только и успел сказать прислуге: «Передайте маме, я схвачен по недоразумению».

В Тверском участке, куда его привезли, Дмитрий Ильич был посажен в одиночную камеру, на которой висела табличка: «Государственный секретный преступник».

УЗНИК «ТАГАНКИ»

Тюрьма. Первое боевое крещение. Одиночная камера в Тверском участке, затем в «Бутырке» и, наконец, в «Таганке». Его возили по Москве из одного «казенного» дома в другой. С какой целью — он не догадывался. Но у полиции расчет был простой — не дать возможности узнать, кто из товарищей арестован, кто еще на свободе, а затем, когда все руководство «Рабочего союза» будет в тюрьме, тогда и допрашивать можно, сопоставляя и проверяя показания.

26 ноября Дмитрий Ильич был приведен в следственную комнату на допрос. Формальная сторона дела — происхождение, вероисповедание, семейное положение, средства к существованию и т. п. — заняла немного времени. Следователь обо всем уже давно был извещен, тем более что из Петербурга успели затребовать копию дела В. И. Ульянова.

Следователь начал с того, что напомнил Дмитрию Ильичу о заслугах отца, который благодаря усердному трудолюбию на пользу отечеству заслужил от государя три ордена и чин действительного статского советника. Но сыновья верноподданного родителя выбрали иную дорогу, неугодную богу и отечеству. Два брата, казненный Александр и ныне здравствующий Владимир, проявили фанатизм, отстаивая вредные идеи, за что, как известно, примерно наказаны. Но младший сын благородного родителя, надежда и будущий кормилец матери, заблудился, связавшись с преступным миром…

Следователя интересовало, в каких подпольных организациях и кружках состоит арестованный, знает ли он студента-медика Павлова и студента-математика Вольского.

Дмитрий Ильич ответил, что ни в каких организациях и кружках участия не принимал и что названных студентов не знает. У следователя уже был список лиц, которых предполагалось допросить самым тщательным образом. В этом списке значились: В. Вольский, П. Павлов, М. Ван-Путерек, П. Дондаров, Н. Розанов, К. Егоровский, К. Романович, В. Петров, П. Сергиевский, Е. Тимченко, Х. Черников и Д. Ульянов. Всего двенадцать человек. Начали допрос с Ульянова.

Дмитрий Ильич расписался в своих показаниях, и его снова отвели в постылую одиночку. Что собой представляла тюремная камера в «Таганке», описал попавший сюда четыре года спустя Марк Тимофеевич Елизаров. «Длины 6 арш., ширины 3 арш., высоты 4,5 арш. Высоту трудно измерить, так как поверхность потолка сводчатая. Окно полтора аршина высотою и 1,5

шириною. Помещено оно на высоте 10 четвертей над полом. В противоположной стене окна — дверь, и, войдя в дверь в комнату, видишь на правой стороне: постель и полка для посуды, а также согревательная труба, а налево в углу то, что неприятно называть…» Правда, из Таганской тюрьмы, если сидеть в одиночке на пятом этаже, по утверждению того же никогда не унывавшего Марка Тимофеевича, открывается роскошная панорама всей Москвы, и в ясный день можно любоваться переливами солнечных лучей на куполе Христа Спасителя. И вид, в общем, не хуже, чем с Воробьевых гор.

Окно камеры выходило в тесный тюремный двор. Глядя на каменную площадку, Дмитрий Ильич думал, кто же остался на свободе? По тюремной азбуке, которую выучил довольно быстро, он узнал, что здесь же находятся Розанов, Елагины, Вольский, Павлов. Видимо, им устроят очную ставку? Он предупредил товарищей: никого не называть — друг с другом они незнакомы, необходимо отрицать свою причастность к подпольной революционной организации.

Сам Дмитрий Ильич на допросах отрицал свою принадлежность к социал-демократам, зато охотно рассказывал о студенческой жизни, о лабораторных занятиях, о своем желании вернуться к прерванной учебе. Однако же полиция добивалась признания о причастности Ульянова к «Рабочему союзу». За это его обещали тотчас же выпустить на свободу с правом посещения университета.

Но Дмитрий Ильич был неколебим. Конечно, прервать университетский курс, да еще на пятом году учебы, — печально. Он отдавал себе отчет в том, что в случае провала с университетом придется расстаться. Так и вышло. Вскоре от родных узнал, что из университета его исключили. Ну что ж, будет учиться самостоятельно. Дмитрий Ильич просит сестру привезти ему книги, прежде всего по медицине. Он также изучает «Историю России» С. М. Соловьева, «Государственное право Европейских держав», по монографиям Альфреда Эспинаса и Джона Леббока штудирует эволюционную теорию Дарвина. Ему разрешили читать статьи П. Б. Струве и Макса Шиппеля.

Дмитрий Ильич читает и художественную литературу, знакомится со «Словом о полку Игореве» в переводе Гербеля, читает в оригинале Генрика Сенкевича и Евгения Марлитта. А мысли — о свободе. О ней всегда мечтает узник, глядя в зарешеченный квадрат окошка. В одном из писем Анна Ильинична жалуется, что на даче ее доняли комары. «Ты рассказываешь мне о комарах, я сейчас тоскую по ним!» — признается он ей в ответной записке. Он завидует сестре и даже

брату. Брат хотя и в Сибири, но он, по крайней мере, не лишен возможности бродить по лесам, не чувствует себя пленником колодных каменных стен каземата.

А Владимир Ильич — в постоянной тревоге за судьбу Мити. Почти в каждом письме к родным он справляется: что слышно о Митином освобождение, каковы результаты хлопот Анны Ильиничны?! «Когда же наконец выпустят Митю? Вот не ожидал, что из-за пустяков раздуют такую ахинею? И куда он поедет, когда выпустят?»[3]

Лишь на исходе лета 1898 года в Шушенское пришла долгожданная весточка. И Владимир Ильич поспешил ответить: «Вчера получил я, дорогая мамочка, телеграмму от 21-го о Митином освобождении и письма твое и Анютино. Очень был рад всем известиям, особенно первому. Митя освобожден, следовательно, по окончании следствия: теперь интересно узнать, что именно приуготовляет для него обвинительная власть»[4].

В Москве Дмитрию Ильичу не дали задержаться, отправили в Тулу под гласный надзор полиции. Ему запрещалось продолжать учебу в каком бы то ни было университете. Мало того, от внимания полиции не ускользнуло то, что Ульянов давал уроки детям, поступающим в гимназию, поэтому ему также запрещалось работать в органах народного просвещения.

Пусть так! Но это была свобода. И он испытывал несказанную радость, направляясь в Тулу, хотя там у него не было ни знакомых, ни друзей, да и никаких перспектив устроиться в какое-либо лечебное учреждение.

Впереди была неизвестность, а на душе солнечно, как в тот день, когда он ехал из Москвы в Тулу. За открытым окном в утренней дымке плыли российские леса с темными угрюмыми деревеньками, крытые жестью купола деревянных церквей, старые березы с грачиными гнездами, желтые полоски скошенных хлебов, зеленые лоскуты картофельных грядок.

Ничего этого Дмитрий Ильич не видел почти целый год. А мог бы не увидеть и десять лет, а то и больше, если б на допросе признался, выдал товарищей и подпольную организацию. Он, такой разговорчивый в обществе друзей и соратников, притом предельно откровенный и прямой, умел на допросах говорить обо всем, но только не о том, что интересовало следователей. Архиважно, как себя ведет революционер на допросе, подчеркивал брат, давая понять, что и в застенках казематов борьба продолжается и надо уметь выходить из нее победителем. Слова брата Дмитрий Ильич всегда помнил.

В «Таганке» он выдержал свое первое серьезное испытание. От него охранка ничего не добилась, а существенных

доказательств у нее не оказалось, если не считать донесений сыщиков, фиксировавших, когда и куда ходил студент Ульянов. Дмитрия Ильича радовало также то, что рабочий кружок на заводе «Гужон» — его первая рабочая аудитория — уцелел. Живет и действует. А это уже кое-что значило.

В Туле Дмитрий Ильич поселился на Серебрянской улице в доме мещанина Маркова. Хозяин предупредил его, что берет на жительство всех, кроме «политических». Но вскоре, к своему неудовольствию, от околоточного надзирателя Марков узнал, что за «господин» вселился к нему. И все же жильца не выгнал: как-никак тот предложил за дрянную комнатку 10 рублей в месяц — двойную плату.

Тула — город потомственных пушкарей и ружейников, родина знаменитых самоваров — произвела на Дмитрия Ильича удручающее впечатление. Даже при беглом знакомстве город показался ему грязным, торгашеским. В первом же письме Анне Ильиничне он сообщал: «Публичная библиотека плохая, кабинет для чтения только для подписчиков; театр… когда я увидел его в первый раз, то невольно рассмеялся: если бы мне не сказали, что это городской театр, то я принял бы его за балаган, в лучшем случае за цирк; «скоморох» в Москве несравненно лучше! Городские деньги, которых, без сомнения, хватило бы на полное обновление города, в течение нескольких лет плывут в карманы кабатчиков и купцов, заседающих в думе; и даже местные жители из купцов, торговцев, приказчиков отзываются о ней: «грабиловка какая-то…»

Пользуясь погожим днем, Дмитрий Ильич вскоре выбрался на окраину, нашел парк на горе, «который хотя сам по себе дрянцо, но вид из него хороший: видна вся Тула, расположенная частью в болоте, частью на пригорках, по окрестностям заводы, фабрики, железнодорожные мастерские, а дальше поля и леса верст на 10, на 15…».

Окраина… Низкие, вросшие в землю бараки, где в крохотных комнатах ютятся по две, а то и по три семьи. Мусорные свалки посреди улиц, на каждом углу — кабак.

«После «Таганки» вся эта грязь и мерзость так и бросается в глаза», — с горечью писал он из Тулы. И не случайно именно туляки выдвинут его, вчерашнего узника, на съезд самой революционной партии — РСДРП, которая бросит клич: «Вставайте, каторжники мира!..»

Удручающее впечатление от всего увиденного усилило тягу к большому настоящему делу. Но в работе отказано. Денег нет. Слежка. Вдобавок ко всему, «кроме неопределенности положения, еще более неприятная вещь — это одиночество: юридически, так

сказать, меня пустили к людям, а фактически — «я вновь один»…».

Помочь сыну пытается Мария Александровна. Она берет с собой младшую дочь, едет в Тулу, затем в Москву, пишет прошение в полицейское управление. Наконец Дмитрию Ильичу разрешено проживать под гласным надзором в Подольске. Но опять старая песня: на службу устраиваться не велено — поднадзорный. Тяжело матери. Из своей пенсии она старается выкроить и для сыновей-безработных, и для младшей дочери: после окончания гимназии Мария Ильинична решила продолжать учебу за границей. Мать старается быть около тех детей, кому труднее. Сейчас наибольшие трудности испытывал Дмитрий Ильич. Не прекращая самостоятельной учебы по университетской программе, он ищет работу. И было уже нашел. Требовались врачи в лечебно-продовольственные отряды, которые направлялись в голодающие районы Поволжья. Дмитрий Ильич обращается с письмом к составителю отрядов, санитарному врачу из Симбирска, своему земляку и знакомому, Кудрявцеву. Но Кудрявцев для него ничего сделать не смог. Поднадзорный.

Что ж, тогда, может быть, власти разрешат доучиться в университете? Написал прошение. Ответил департамент полиции: в университет принять нельзя, а вот держать экзамены экстерном можно. Прекрасно! Такую возможность в свое время блестяще использовал брат. Дмитрий Ильич снова пишет запрос. Наконец разрешено в будущем году поступить в Юрьевский университет.

Но пока он по-прежнему ищет работу. От знакомых узнает, что его товарищ и земляк Алексей Иванович Яковлев, как один из организаторов антиправительственных выступлений студентов, исключен из университета, после освобождения из-под ареста служит в Симбирске. 24 мая в 1899 года Дмитрий Ильич посылает ему письмо с просьбой выхлопотать для него место. Он заверяет Алексея Ивановича, что его пустят «и в Симбирск и в другой какой-нибудь провинциальный город…». Гласный надзор ведь всего-то на год, а потом он вольная птица. «В Подольске мне ужасно не хочется оставаться», — признается другу. Теоретическая база у него есть: все-таки проучился на медицинском факультете четыре с половиной года. Теперь нужна практика.

Алексей Иванович, ходатайствует за младшего Ульянова. В Симбирске помнили Илью Николаевича. Да, за сына такого человека не грех бы похлопотать. Но в том же Симбирске помнили Александра Ульянова, покушавшегося на царя. Дмитрию Ильичу бессильны были помочь и Алексей Иванович, и его отец, известный уже в то время просветитель Иван Яковлев.

За мытарствами брата следит Владимир Ильич. В далеком Шушенском он чувствует смятение Дмитрия Ильича. И чаще, чем другим родственникам, пишет ему письма, полные оптимизма и уверенности: все уладится, все будет хорошо. Попутно, сколько позволяют цензурные условия, держит брата в курсе политической и идеологической жизни социал-демократии, спешит предупредить: обрати внимание на зарождающуюся архипошлость.

«№ 5 «Научного Обозрения» я видел и нашел статью Туган-Барановского в нем чудовищно глупой и вздорной: он просто произвольно внес изменение нормы прибавочной стоимости, чтобы «опровергнуть» Маркса, и предполагает абсурд: изменение производительности труда без изменения стоимости продукта. Не знаю, стоит ли писать о каждой такой вздорной статейке: пусть исполнит сначала обещание развить это пообстоятельнее. Вообще я все решительнее становлюсь противником новейшей «критической струи» в марксизме и неокантианства (породившего, между прочим, идею отделения социологических законов от экономических). Вполне прав автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus», объявляя неокантианство реакционной теорией реакционной буржуазии и восставая против Бернштейна. Крайне заинтересовала меня новая книга Богданова («Основные элементы исторического воззрения на природу», СПБ., 1899) — я ее выписал, — на которую в майской книге «Начала» есть рецензия, написанная крайне вздорно, с важничающими фразами и с умолчанием о существе дела. Очень жалею, что я как-то пропустил объявление об этой книге, когда она вышла. Думаю, что это должна быть дельная вещь и что такую рецензию нельзя будет оставить без ответа…

Жму руку. *В. У.*»[5].

Владимир Ильич просит выслать ему список земско-статистических сборников с кратким изложением содержания.

Дмитрий Ильич охотно выполняет просьбу, для этого выезжает в Москву, а заодно посещает одну из явок «Рабочего союза». К Елагиным зайти он не рискнул, за квартирой могла быть слежка. Но Дмитрий Ильич знал, что Андрей Нилыч находится в тюрьме и Елизавета Алексеевна испытывает большую материальную нужду. В этот раз у него были с собой деньги. Мать просила его купить себе летний костюм и дорожный плащ для поездки в Сибирь. Он рассудил, что без летнего костюма обойдется, старый еще не ветхий, и через университетского товарища передает деньги Елагиной. А плащ купил, приобрел также новые книги по аграрному вопросу и новейшей философии, в частности сочинения Авенариуса.

Намечалась поездка в Шушенское. Владимир Ильич настоятельно просил приехать на лето, погостить всей семьей, благо у Марии Ильиничны каникулы, у Дмитрия Ильича каникулы вынужденные, а Мария Александровна всегда готова на крыльях лететь. Но поездка расстроилась неожиданно. В начале июля Мария Александровна заболела и пролежала почти два месяца.

В начале августа Дмитрий Ильич с сожалением сообщил брату, что в Шушенское они, за исключением Маняши, приехать не смогут. Владимир Ильич ответил телеграммой: он ждет Маняшу. Но и этой поездке не суждено было осуществиться. Теперь оставалось только надеяться на возвращение Владимира Ильича из ссылки.

Дмитрий Ильич с головой уходит в издательские дела брата, встречается с редакторами «Научного обозрения», «Жизни», «Мира божьего». А тем временем Владимир Ильич пишет прошение об отправке его по окончании ссылки на родину.

ПЛАМЯ «ИСКРЫ»

«ФОРМЕННЫЙ СТУДЕНТ»

В феврале 1900 года Дмитрий Ильич получил телеграмму о возвращении брата из ссылки. Поезд дальнего следования делал кратковременную остановку в Подольске, а затем уже шел до самой Москвы. Телеграмму доставили поздно, пришлось брать извозчика и что есть духу лететь на вокзал.

Братья не виделись три года. Наконец-то сегодня они встретятся. Слякотная дорога, истоптанная копытами и изрезанная полозьями саней, тянулась вдоль деревянных черных заборов, и не было ей, казалось, конца-края.

— Можно побыстрее?

— Накиньте гривенник…

Дмитрию Ильичу хотелось первым «привезти» Володю. В Москве, на Бахметьевской, где Анна Ильинична снимала квартиру, Владимира Ильича ждали давно, и больше всех мать: она считала дни, про себя отмечала, когда выехал сын с невесткой из Шушенского, когда был в Красноярске, когда прибыл в Уфу. Там, в Уфе, пришлось ему расстаться с Надеждой Константиновной (ей надлежало отбывать остаток ссылки).

Дмитрий Ильич увидел брата в вагоне третьего класса. Здесь было тесно от пассажиров, от разбросанных меховых шуб, дох, сибирских шапок с наушниками, валенок, бурок — публика ехала из холодного края. Брат выглядел поздоровевшим, с румянцем на щеках, возбужденным и радостным.

Владимир Ильич сразу же стал расспрашивать о домашних, Дмитрий Ильич был счастлив и горд, что на полтора часа раньше других встретил брата. Тем временем поезд незаметно отошел от перрона. За окнами показалось зимнее Подмосковье. Владимир Ильич, накинув на плечи меховую телогрейку, предложил выйти в тамбур, где можно было говорить, не опасаясь, что подслушают. Поинтересовался новостями. Оказалось, о делах московских марксистов он знал больше, чем Дмитрий Ильич, проживавший под Москвой. Разговор перешел к наделавшей в то время много шума книге немецкого социал-демократа Э. Бернштейна. Владимир Ильич жестоко критиковал его, говоря:

— Это очень опасное искажение Маркса, и с ним необходима самая решительная и беспощадная борьба.

Попутно досталось русским оппортунистам, так называемому «экономизму» и его печатным органам — «Рабочему делу» и «Рабочей мысли».

Выговорившись и как будто немного успокоившись, Владимир Ильич сказал, что по окончании ссылки ему было

предложено выбрать себе для жительства любой город, кроме столиц, университетских городов и фабрично-заводских центров. Но Владимира Ильича больше всего, естественно, интересовал Петербург. Ближайшим к нему городом оказался Псков. «Из Пскова, — как вспоминал потом Дмитрий Ильич, — легче можно было производить наезды в Питер, следить за ходом рабочего движения, сноситься с непосредственно работающими товарищами а влиять на движение».

Поезд подошел к Курскому вокзалу. Братья направились на площадь, нашли извозчика.

Вскоре коляска уже катилась по Бахметьевской. Навстречу неслись дрожки, фаэтоны, кареты и даже автомашины. Темнело. Дворники зажигали керосиновые фонари. Вот и знакомый двухэтажный дом, а за ним флигель, где в квартире № 5 жили Елизаровы и Ульяновы.

Пока Владимир Ильич гостил у родных, при содействии и помощи Дмитрия Ильича и Марии Ильиничны он встретился с находившимися в Москве социал-демократами: обсуждал с ними вопросы революционной работы, в частности, договорился об установлении связи, наметил пароли, уточнил адреса явочных квартир. Здесь же, на Бахметьевской, после нескольких лет разлуки состоялась его встреча с И. Х. Лалаянцем. Исаак Христофорович работал на Украине, входил в Екатеринославский комитет РСДРП, редактировал газету «Южный рабочий». В беседе старых друзей участвовал и Дмитрий Ильич. Говорили о предполагавшемся созыве II съезда РСДРП и плане издания «Искры». Съезд нужно готовить на местах, в рабочих центрах России. Дмитрий Ильич пожелал отправиться в Самару. Там, по сведениям Лалаянца, уже создавался искровский центр, но работать трудно — многие товарищи арестованы. Дмитрий Ильич мог выехать тотчас, тем более гласный надзор заканчивался, но брат рассудил иначе: надо сначала завершить университет.

Приведя И. Х. Лалаянца на свидание к брату, Дмитрий Ильич был в полной уверенности, что встреча их останется незамеченной. Ведь он предпринят: все, чтобы замести следы, действуя строго по правилам конспирации. Но это было не совсем так. После 1917 года в досье заведующего особым отделом Департамента полиции Ратаева была обнаружена выписка из донесения начальника московской охранки Зубатова. Он доносил: «19 февраля бывший студент Московского университета Дмитрий Ильич Ульянов, отбывающий в Подольске, Московской губернии, срок гласного надзора, прибыл тайно в здешнюю столицу и привез с собой в квартиру Елизаровых, где в это время находились Мария и Владимир Ульяновы, таганрогского

мещанина Исаака Христофорова Лалаянца…»

Следуя совету брата, Дмитрий Ильич пишет прошение с просьбой позволить ему закончить университетское образование. В ответ министерство просвещения шлет отписки. И тогда Мария Александровна написала самому царю. «Канцелярия Его Императорского Величества по принятию решений» направила бумагу в министерство просвещения: «Препровождая при сем… отношение… по ходатайству вдовы Действительного Статского Советника Марии Александровны Ульяновой о разрешении сыну ее, Дмитрию, держать в текущем году государственный экзамен при Московском университете, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить начальству Московского Учебного округа, с возвращением приложений, надлежащие сведения, а равно и заключение Ваше по предмету ходатайства».

Через ректора бумага попадает декану медицинского факультета Московского университета И. Клейсту. Тот наложил резолюцию: «…ранее подачи прошения о допущении Ульянова к сдаче в Медицинской испытательной комиссии, надлежит ходатайствовать о допущении его в один из Российских университетов для получения зачета 9 и 10 семестров медицинского факультета».

От таких отписок радости было мало.

Перед отъездом Владимира Ильича в Псков братья обсудили многие детали по сбору корреспонденции и денег для будущей газеты. Дмитрий Ильич, как агент «Искры», получил партийную кличку Юноша.

А в недрах Департамента полиции уже рождался следующий документ: «…Ульянову держать окончательные экзамены при Московском университете препятствий не встречается, но что принятие названного лица в число студентов одного из университетов, ввиду его политической неблагонадежности, представлялось бы нежелательным».

Весна 1900 года прошла в напряженной учебе. На лето в Подольск приехала мать. В начале июня наведался Владимир Ильич. Перед этим в Петербурге, куда он изредка наезжал без разрешения властей, ему пришлось целых десять дней посидеть под арестом — выследили шпики. В Подольск он приехал тоже не без приключений. Исправник уезда, некий Перфильев, отобрал у него заграничный паспорт, полученный 5 мая для поездки в Германию. Владимир Ильич пригрозил исправнику:

— В таком случае я принужден жаловаться на ваше незаконное действие в Департамент полиции, — и вышел.

Исправник струсил.

— Послушайте, господин Ульянов, вернитесь назад. Вот ваш паспорт. Возьмите его.

Родные увидели в тот день Владимира Ильича необыкновенно возбужденным.

— Хотел отобрать у меня заграничный паспорт, старый дурак. Так я его так напугал Департаментом полиции… — рассказывал он и хохотал. Все, кто был дома, поддались его веселому настроению.

Дни, когда гостил брат, запомнились Дмитрию Ильичу навсегда. Было столько переговорено! О характере и особенностях работы агентов «Искры», о роли и месте классовых сил в надвигающейся революции, о сочетании экономических и политических требований, о борьбе с ревизионизмом в рядах социал-демократов, о конспиративных адресах, шифровании писем…

7 июня вместе с матерью и старшей сестрой Владимир Ильич уехал в Уфу к Надежде Константиновне Крупской. Перед отъездом он сообщил брату свои планы: после посещения Уфы и городов Поволжья выедет за границу, по всей вероятности из Подольска, и попросил приготовить ему в дальнюю дорогу необходимые вещи.

На обратном пути Владимир Ильич заехал в Подольск, благо Департамент полиции разрешил пробыть в этом городе три дня. А так как заграничный паспорт был при себе, а других документов не требовалось, из Подольска он выехал за границу.

Несколькими днями раньше из Уфы вернулись Мария Александровна и Анна Ильинична.

Не скоро дождались они писем из-за границы. Почти в каждом Владимир Ильич спрашивал, как обстоят дела с учебой у Мити. Однако ничего утешительного ему сообщить не могли. Разрешения на поступление в университет не было.

Владимир Ильич возмущается такими порядками и не скрывает этого в письмах. «Крайне досадно, — пишет он матери из Мюнхена 19 сентября 1900 года, — что Мите отказали в поступлении в университет. Терять год еще, — это черт знает что такое! Авось удастся все еще при помощи одной из тех заручек, о которой ты пишешь»[6].

А Дмитрий Ильич уже весь сентябрь обивает в Петербурге пороги министерства просвещения. Выезд в Питер стал возможен после того, как он получил наконец-то годичный паспорт. По этому паспорту удалось временно прописаться на Васильевском острове.

Хождения… Хождения… Забрезжила надежда. Могут разрешить поехать в Юрьев. Туда уже попали многие студенты,

исключенные из университетов по политическим мотивам. В Юрьеве было два высших учебных заведения — университет и ветеринарный институт. По разговорам чиновников, «неблагонадежным» разрешают продолжать учебу, только нужно как следует обосновать прошение.

И Дмитрий Ильич, уже искушенный в писании официальных бумаг, в новом прошении «обосновывает» свое желание служить народному здравию.

Утром 28 сентября 1900 года на Васильевский остров (10-я линия, д. 15, кв. 12) был доставлен пакет на имя Д. И. Ульянова.

«От Департамента Народного Просвещения объявляется студенту Московского университета Дмитрию Ульянову, что ему разрешено поступить в число студентов Юрьевского университета».

Дмитрий Ильич наконец-то облегченно вздохнул. Заручка удалась! Вечером того же дня поезд увозил его в Юрьев.

В первый же день после приезда Дмитрий Ильич изложил свои впечатления на бумаге: «Здесь вообще по-русски, видимо, мало говорят и даже мало понимают, так что в одном месте я уже городил что-то по-немецки и был понят… Но многие говорят не по-немецки, а по-фински или по-эстонски… Названия улиц пишут на всех трех языках, на вывесках тоже иностранщина. Русская речь слышна только среди студентов… Что касается внешности города, то он больше напоминает заграничный: постройки остроконечные с высокими крутыми крышами, то железными, то черепичными; характер домов, магазинов, церквей тоже больше не русский, улицы в некоторых местах такие узкие, что на них нельзя разъехаться двум экипажам. Зелени очень много, особенно в одной части города, расположенной на горе: завтра начну ходить именно там, и клиника и университет там близко…»

К этому следует добавить, что Домберг (гора, которую имел в виду Дмитрий Ильич) — это огромный старинный парк с развалинами древнего собора св. Дионисия. К началу XX века часть собора была отреставрирована, в ней помещалась университетская библиотека. Несколько поодаль — клиника.

На Мельничной улице Дмитрий Ильич снял за 15 рублей на семестр меблированную комнату. Дрова свои, можно топить когда угодно и сколько угодно. А на случай, если придется возвращаться поздно вечером, хозяйка-немка дала квартиранту ключ.

На имя ректора университета Дмитрий Ильич написал прошение: «Получив разрешение от Господина Министра Народного Просвещения поступить вновь в Университет для окончания моего образования, сим имею честь покорнейше

просить Ваше Превосходительство принять меня в число студентов Императорского Юрьевского Университета на пятый курс медицинского факультета».

Это было 2 октября 1900 года, а 3 октября он с восторгом сообщил матери: «Здесь дело пошло хорошо, не так, как в Петербурге, — меня уже приняли в Университет, так что я теперь форменный студент, хотя бумага из Петербурга еще не получена (должно быть, в округе у попечителя застряла)… с завтрашнего дня начну слушать лекции. Формалистики здесь гораздо меньше, чем везде в других местах, но зато есть и недостаток: в университете придется платить не 50 рублей, а 78 только за первое полугодие — тут совсем особые порядки, частию еще старинные…»

Дмитрий Ильич, как и все студенты, дает подписку «не принадлежать к тайным обществам, не участвовать в недозволенной деятельности». Отдав дань формализму, он налаживает регулярную посылку информации о революционном движении в Прибалтике. Часто его зашифрованные заметки попадают в Женеву. Владимир Ильич благодарит брата за весьма своевременные и ценные сведения.

На рождественские праздники Дмитрий Ильич побывал в Москве, встретился с товарищами по подполью и по-доброму им позавидовал: они для «Искры» делали многое, у них были лучшие возможности, они держали связь с заводами и фабриками, жили в гуще пролетарской массы.

В начале 1901 года Дмитрию Ильичу предстояло отбывать воинскую повинность. Он подает декану медицинского факультета В. Курчинскому прошение ходатайствовать об отсрочке повинности до весны 1902 года. Декан с пониманием отнесся к опальному студенту. Он добился отсрочки, и это позволило Дмитрию Ильичу спокойно осваивать учебную программу, проходить практику в одной из больниц города.

О практике того времени стоит сказать подробнее. За студентом-медиком закрепляли больного прямо с санитарной коляски. Практикант сам определял диагноз, назначал курс лечения и сам же проводил это лечение до полного выздоровления своего пациента.

Первым подопечным у Дмитрия Ильича оказался тяжелобольной с подозрением на брюшной тиф. Эту болезнь он изучал, правда, по книгам, будучи еще гимназистом. Брюшной тиф унес в могилу сестру Ольгу. Сейчас перед пим был чужой человек, но практикант решил спасти его во что бы то ни стало. И спас. Первая победа в борьбе с болезнью, притом болезнью весьма серьезной, вселила в молодого врача уверенность, но и заставила

учиться еще прилежнее. После практики профессора стали относиться к Ульянову как к «уважаемому коллеге». Такой высокой чести удостаивались далеко не все студенты.

У Дмитрия Ильича было мало свободного времени, тем не менее он успевал высылать корреспонденции и газеты в Женеву, писал письма матери и сестрам, в них он делился впечатлениями о прочитанных научных и литературных статьях. В эти годы Мария Ильинична серьезно увлеклась философией. В частности, ее заинтересовала одна из статей Е. И. Лозинского, реакционного публициста и философа. Она попросила брата высказать свое отношение к автору и к полемике, которую тот ведет с Фридрихом Энгельсом.

«Достал декабрьскую «Жизнь» и прочел в ней статью Лозинского, — отвечал он сестре вскоре. — По-моему, это все-таки завирание, нужно непременно людям какой-то вечный и непреходящий идеал, какой-то дух человечества, вечный прогресс, вечную и абсолютную правду и т. п.

По поводу того, что Фр. Энгельс сказал: «что все-таки вещь в себе разложима химически», автор заявляет, что, стало быть, он не понял, что такое вещь в себе. Это уже прямо ерунда! Чего же тут не понять: вещь сама в себе, т. е. не наше представление о ней, а она сама, вне, так сказать, нашего к ней отношения. Этот мир вещей в себе нам недоступен, мы не можем ни знать, ни понимать его, ибо под вещами мы понимаем лишь отражения этих «вещей в себе» в нашей голове! Значит, будучи человеком, apriori нельзя знать ничего в *истинном* (!) свете; наши познания условны и т. д. Ну, прекрасно, что же дальше?.. Дальше нужно решать вопрос, существуем ли мы действительно или нам это только кажется? Что такое человек как вещь в себе?.. На самом деле, нет ни Солнца, ни вращающейся вокруг него Земли, ни людей — это все нам только кажется, а то, что действительно существует, мы не знаем, никогда не будем знать и не можем знать… Приятное умозаключение! Таким путем можно забраться в такие дебри, что будешь решать вопрос, что такое веревка?.. А тем временем все будет идти своим чередом.

Поэтому мне думается, что г. Лозинский не понял Канта или превратно его понял, а свалил вину на Энгельса».

Жизнь в Юрьеве приобрела свой четкий ритм. Дмитрий Ильич вставал рано. Примерно часа полтора занимался дома, потом отправлялся в университет. И каждый раз удивлялся, как хорошо ухаживают жители за своим городом: всюду тротуары, дорожки тщательно подметены, присыпаны песком. Нет кабаков, а соответственно и пьяных. А еще удивительным было то, что город жил по местному и петербургскому времени. Эта же

особенность наблюдалась и в самом университете: одни профессора занятия вели по петербургскому времени, другие — по местному. И хотя разница была всего-то в 15 минут, нэ неразбериха вносилась огромная: студенты опаздывали на лекции, профессора, как правило, затягивали лекции на полчаса, а то и больше, так что приходилось им напоминать: мол, пора заканчивать.

В Тартуском университете существовали довольно дружеские отношения между студентами и профессорско-преподавательским составом. Профессоров ценили за ум, эрудицию и самостоятельность суждений, студентов — за прилежание и увлеченность своим предметом. Некоторые студенты не скрывали своей приверженности идеям марксизма. Однако о своих взглядах Дмитрий Ильич предпочитал говорить только в узком кругу друзей.

В Юрьеве он был одним из немногих, чьи фотографии анфас и в профиль имелись в охранном отделении. Приходилось быть осторожным.

Уже 30 января 1901 года Департамент полиции предписывал юрьевской охранке установить за студентом Ульяновым негласный надзор.

Такой же надзор велся за сестрами Ульяновыми и мужем Анны Ильиничны — Марком Тимофеевичем Елизаровым. Анне Ильиничне, несмотря на слежку, удалось выехать за границу и тем самым избежать ареста летом 1901 года. Мария Ильинична и Марк Тимофеевич были арестованы «за принадлежность к числу агитаторов по устройству беспорядков». Мать осталась одна.

Дмитрий Ильич просит у властей свидания с сестрой, но ему отказывают: сам он недавно привлекался по политическому делу. Из писем матери он узнает, что брат возмущен арестом: это придирается прокуратура, чтобы раздуть «дело». Брат просит мать чересчур не волноваться: наших все равно выпустят.

Конечно, выпустят. А когда? Время тянулось медленно.

И вот настал долгожданный торжественный момент, когда он, молодой врач, удостоенный степени лекаря, от чистого сердца подписывал клятву:

«Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукой права *врача* и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим: свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло

оказываемого мне доверия. Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми своими силами ее процветанию, сообщая ученому совету все, что открою. Обещаю не заниматься приготовлением и продажей тайных средств. Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности: однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицеприятия. В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных: когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

В декабре 1901 года Дмитрий Ильич отбыл в Москву. Всю дорогу его преследовало тяжелое предчувствие: не стряслось ли новой беды? Но, увидев мать, вздохнул с облегчением: она не изменилась, только под глазами прибавилось морщинок, а на висках седины.

В тот вечер он перечитал письма зятя и сестры, написанные из тюрьмы. Марк Тимофеевич был в своем амплуа. И в таганской одиночке его не покидало чувство юмора. Со скрупулезностью исследователя он описывает тюремную баню (которая только чуть-чуть уступает Сандуновской!), выражает свое неудовольствие ремонтом тюремных помещений: стены почему-то выкрашены краской на воде и поэтому «зело пачкают», и цвет у стен «серовато-фиолетово-грязный», а уж полы залиты асфальтом кое-как. Недобросовестный попался инженер. Здесь надо заливать, чтоб никто не вздумал выбраться. Вот когда он, Марк Тимофеевич, станет инженером, возьмется строить казематы… А остальной текст тюремный цензор вытравил. Фантазия узника, оказывается, зашла слишком далеко.

Общий вывод о тюремных порядках, сделанный Марком Тимофеевичем, мог привести в умиление даже самых твердолобых надзирателей. «Вообще здесь все поставлено хорошо, — восхищался узник, — и когда я буду присутствовать на всемирном тюремном конгрессе, то отзыв дам благоприятный. В общем, сидение это очень полезно, так как дает возможность остановиться и подумать. Во многом разобраться, дабы потом с большею пользою употреблять время».

Дмитрий Ильич принимается хлопотать о поступлении на службу. Но хлопоты ни к чему не привели. В Москве врачу Ульянову места не было. Охранное отделение не желало иметь в столице брата Ленина.

Молодой врач рассылает письма по городам России: где-то же нужны специалисты с университетским образованием?

АГЕНТ «ИСКРЫ»

В начале января 1902 года пришло письмо из Самары — друзья подыскали Дмитрию Ильичу место санитарного врача и очень торопили с приездом. Дмитрий Ильич не заставил себя ждать. Вскоре он был уже на Волге. И здесь он узнал, что речь шла вовсе не о медицине. Его приглашали на совещание, которое сами искровцы назвали съездом. На съезде было создано бюро российской организации «Искры». Оно получило наименование Центрального комитета «Искры». ЦК возглавил Глеб Максимилианович Кржижановский, заместителем секретаря стала недавно освобожденная из-под ареста Мария Ильинична Ульянова, в члены комитета вошел Дмитрий Ильич.

ЦК «Искры» предстояло организовать надежную связь с местными социал-демократическими комитетами, которые к этому времени были уже созданы во многих городах России, в том числе в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе. Связь налаживают агенты «Искры», выполняя главную задачу — объединить комитеты на ленинской платформе, подготовить их к съезду партии.

Дмитрию Ильичу поручается организовать работу в Одесском комитете, руководство которого занимало оппортунистическую позицию.

Надо ехать в Одессу. И как можно быстрее. К тому же торопило письмо из Женевы: «Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!»[7] Это писал Владимир Ильич. Он был в восторге от деятельности самарских социал-демократов. Четыре восклицательных знака как бы подчеркивали важную роль искровского съезда для всей революционной России.

И все же Дмитрию Ильичу пришлось немного задержаться. Срочные дела заставили побывать в Москве, Подольске и Туле. В Самару переехала мать. В начале марта Дмитрий Ильич выехал на Украину. Уже в пути он узнал, что в Одессе произведены многочисленные аресты. Но кто именно арестован, установить не удалось. Не помешает ли это обстоятельство выполнить задачу? Ведь ему, кроме ведения разъяснительной работы, предстояло организовать пункт по транспортировке революционной литературы и прежде всего наладить прием «Искры». Кроме того, он должен будет подробно ознакомиться с состоянием социал-демократического движения на юге России. Та информация, которая поступала в Женеву к Ленину и в Самару в искровский

Центр, не вносила полной ясности. Несмотря на новые осложнения, Дмитрий Ильич был уверен, что с заданием справится. Главное — зацепиться, войти в Одесский комитет. Для этого он располагал двумя явками, которые, по словам Г. М. Кржижановского, являлись надежными. И еще был один адрес, но без пароля.

Вот и Одесса. Дмитрий Ильич не стал брать извозчика, хотя и следовало — погода не радовала. Шел дождь, и сильный, порывистый ветер гулял по улицам. Обычно шумный, многолюдный приморский город выглядел пустынным. Дмитрий Ильич пешком направился по первому адресу на Малую Арнаутскую. Явка оказалась недалеко от вокзала. Хозяева, рабочий-железнодорожник и его жена, приняли гостя радушно: для них он был «товарищем сына», студента Московского Технического училища.

В тот же вечер Дмитрий Ильич написал два письма: одно в Самару — о благополучном приезде, другое в Женеву — Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне. А на следующий день посетил квартиру, хозяин которой был связным Одесского комитета.

Взяв саквояж с медицинским инструментом, Дмитрий Ильич в назначенный час прибыл на Девалановскую. Он попросил извозчика подождать, сам направился в одноэтажный дом, огороженный высоким забором. На звон колокольчика вышел дворник, спросил, кого нужно, и, больше ни слова не говоря, провел гостя в квартиру Левина. От внимания Дмитрия Ильича не ускользнул озабоченный вид дворника. Да мало ли какие могут быть неприятности. Дмитрий Ильич спокойно переступил порог и лицом к лицу столкнулся… с двумя жандармами. Мгновенно понял: попал в засаду.

— Прошу провести к больному.

Жандармы многозначительно переглянулись.

— Раздевайтесь, господин лекарь.

На диване лежал человек, прикрытый шинелью, сдержанно стонал.

— Что с ним?

— Это уж вы определите…

Врач заставил больного выпить микстуру.

— Ваш желудок не принимает тяжелой пищи, — заметил Дмитрий Ильич, наблюдая, как лицо жандарма проясняется — боль исчезала. — Ну вот и все лечение.

Жандарм протянул Ульянову рубль.

— Кстати, лекаря мы не вызывали.

— Пардон. — Дмитрий Ильич показал бланк, где была

написана фамилия пациента Левина.

И только уже в пролетке, когда свернули с Девалановской, Дмитрий Ильич почувствовал, что ему от волнения жарко. «Вот и надежная явочка!» — усмехнулся невесело. Ну, куда направиться теперь? Была еще явка, но без пароля. А что, если попытаться? Попытался. Не получилось. Хозяйка квартиры даже не стала разговаривать — только дверь захлопнула. Видать, чем-то напугана.

Шифрованным письмом Дмитрий Ильич известил брата, что революционное подполье Одессы сильно ослаблено арестами и что он не может связаться с местным комитетом РСДРП. Примерно в эти же дни в «Искру» пришло сообщение и от Кржижановского: «Юноша (Д. И. Ульянов. — *Б. Я.*) уже в Одессе. Днестровская[8] не приняла его без пароля. Почему не сообщили им? Сообщите все, что знаете об Одессе?»

На письмо Дмитрия Ильича незамедлительно ответила Надежда Константиновна. 30 апреля 1902 года она писала ему на Малую Арнаутскую: «Ходов к комитету, кроме указанного, который оказался негодным, у нас, к сожалению, нет. Вот адрес одной девицы (хорошей), жившей в Париже, а теперь перебравшейся в Одессу: Московская ул., дом 6. С. Краснов (хозяин дома. — *Б. Я.*). Пароль: «Я послан из пассажа Гурдона».

Девица послана с тем, чтобы работать, но есть ли у нее связи, не знаю…»

Адрес, предложенный Надеждой Константиновной, оказался той дверью, через которую Дмитрий Ильич достучался в Одесский партийный комитет. Достучаться-то достучался, но в комитете ждали его грустные известия: полиция узнала способ перевозки «Искры» — двойным дном чемоданов пользоваться больше было нельзя. Связные арестованы. Комитет без явок и без денег. Теперь многое прояснилось, и прежде всего то, куда исчезала «Искра». Ее перехватывала полиция.

Но газету ждала Россия. На одесских социал-демократов Ленин возлагал большие надежды.

Дмитрий Ильич кооптируется в состав местного комитета РСДРП и вместе с уцелевшим руководством разрабатывает план получения литературы из-за границы и ее рассылки по крупным промышленным центрам. Главным объектом внимания стало Одесское пароходство. Социал-демократы, работавшие в управлении пароходства, достали расписание движения судов на пассажирских и грузовых линиях, нашли матросов, которые могли бы помочь партии. Таких людей оказалось немало. Плавали они на различных судах, в том числе и на иностранных. Члены комитета во главе с Дмитрием Ильичом разработали три

варианта доставки «Искры»: первый — с помощью херсонской группы через Александрию; второй — через болгарских «тесняков» при содействии Димитра Благоева; третий пароходом «Азов», команда которого состояла из болгар, выпускников Одесского мореходного училища.

По первому варианту действовали братья Александра Дмитриевича Цюрупы, который в феврале 1900 года встречался с Владимиром Ильичем в Уфе и обещал всяческое содействие будущей газете. Верный своему слову, он подключил к работе сначала Льва и Николая, затем Виктора, своего старшего брата, капитана дальнего плавания, водившего суда на линии Одесса — Александрия. Братья Цюрупы оказали незаменимую помощь в транспортировке партийной литературы. Несколько раз доставлял «Искру» болгарин Иван Загубанский. По заданию Димитра Благоева и Георгия Димитрова он появлялся в Одессе, как правило, с оказией. Но таких случаев было мало. Чаще газету привозили на пароходе «Азов». Однажды в Константинополе болгары упросили капитана задержаться почти на двое суток: марсельский пароход из-за шторма запаздывал. На нем агент «Искры» вез литературу, которую должен был передать на «Азов». Болгары дождались товарища, хотя это и стоило капитану выговора.

Больше года одесский пункт по транспортировке партийной литературы действовал почти бесперебойно. Охранка сбилась с ног, обыскивая пароходы. На учет были взяты все бывшие политические заключенные, прибывшие и поселившиеся в городе. В поле зрения полиции попал и Дмитрий Ильич. Ни одна больница Одессы не принимала его на работу, хотя свободные места были. Хозяева квартиры, гостеприимные и добрые люди, сокрушались, что врачу с университетским образованием в городе нет места, и советовали обратиться к епископу. В ответ Дмитрий Ильич только усмехнулся:

— Хорошо иметь святую протекцию, да с богом я поссорился.

По совету товарищей Ульянов переезжает на Хаджибеевский лиман, в село Холодная Балка. Здесь, недалеко от станции Гниляково, находилась земская грязелечебница. В ней работал фельдшером Ананий Павлович Медяник, одесский социал-демократ. По его рекомендации Дмитрий Ильич был принят на должность врача терапевтического отделения.

Холодная Балка — небольшое селение в открытой степи — считалась местом довольно укромным. Здесь можно было работать, не опасаясь попасть в поле зрения полиции. Так думал и Дмитрий Ильич. Но уже с первого дня за ним была установлена слежка. Он только знакомился с медперсоналом и пациентами, а

на столе начальника Департамента полиции уже лежало донесение: «Бывший студент Юрьевского университета — ныне врач Дмитрий Ильич Ульянов 17 сего мая прибыл из дома № 9 по Малой Арнаутской улице и поселился на Холодной Балке в земской грязелечебнице». На донесении появилась пометка «Взять под наблюдение. Докладывать регулярно».

Ничего этого Дмитрий Ильич не знал. Время от времени он появлялся в городе, получал от товарищей информацию о работе пункта транспортировки литературы, давал советы и указания, встречался с рабочими одесских предприятий, из их числа подбирал корреспондентов «Искры», которые затем в своих письмах сообщали ценные сведения экономического и политического характера, рассказывали о нуждах и настроениях городской бедноты. Часть литературы, поступавшей из-за границы, Дмитрий Ильич привозил в Холодную Балку.

А в письмах к родным сообщал, что здесь, кроме выполнения своих прямых обязанностей, ему абсолютно нечего делать и можно умереть от скуки. В одном из писем, датированном 15 июля 1902 года, он писал: «В настоящее время дела у меня порядочно: с 6 утра до И или до 12 занят в ваннах, затем обедаю и вожусь около часу в амбулатории, затем сплю, после чего отправляюсь купаться и в 4 часа пью чай. После чаю приходится обыкновенно опять принимать больных, обходить свой барак, иногда ехать к больному. Вечером назначаешь ванны на другой день… Так уходит незаметно весь день; в свободное время то пойду гулять, то едем на лодке. Читаю и занимаюсь мало. Временами езжу в Одессу, или ко мне приезжают знакомые, число которых стало немного больше, в общем же весьма ограничено. Из всех, с кем пришлось познакомиться, только с одним сошелся поближе; народ все какой-то непутевый: молодые слишком молоды, старые слишком стары». Между тем в Холодной Балке вскоре сложилась крепкая социал-демократическая группа активных искровцев.

На одно из собраний этой группы была приглашена молодая фельдшерица Антонина Ивановна Нещеретова. Она быстро сделалась активной помощницей Дмитрия Ильича в пересылке и хранении партийной литературы. Вот что она пишет о Дмитрии Ильиче Ульянове в его бытность врачом хаджибеевской грязелечебницы. «Запомнился мне его тогдашний внешний облик: выше среднего роста, темный шатен с умными карими глазами. Когда я увидела Марию Александровну, то легко определила, что Дмитрий Ильич похож на мать. Молодой врач, он совершенно был лишен какой-либо важности, чопорности. Во всем его облике было немало юношеского. Обладая живым темпераментом,

открытым характером, он быстро и легко сходился с людьми. Энергичный, порывистый, подвижный, он, где бы ни появился, вносил оживление и бодрость. Рассказывая о чем-нибудь, Дмитрий Ильич быстро увлекался, вскакивал и ходил по комнате, куря папиросу за папиросой. Чистая, красивая его речь буквально ласкала ухо. Больные, которых ему приходилось лечить, относились к нему с неизменным доверием — они были буквально очарованы его доброжелательным и отзывчивым отношением…»

Слежка за Дмитрием Ильичом и его ближайшими друзьями усиливалась. Шпики, находившиеся в больнице под видом больных, доносили, что с приездом Ульянова наблюдаются случаи, когда выздоравливающие увозят с собой прокламации марксистского содержания, в частности, было распространено «Обращение к крестьянам России», призывавшее крестьянскую массу присоединяться к революционному движению рабочих. Этот способ распространения прокламаций и газеты «Искра» был предложен Дмитрием Ильичом. Наиболее надежные, внушающие доверие учителя, агрономы, лесничие, находившиеся на излечении, получали марксистскую литературу от Медяника и других социал-демократов. Но подпольщики не предполагали, что «больные» у больных досматривают чемоданы и содержимое их тотчас же становится известным в одесском охранном отделении.

В ночь с 25 на 26 августа Холодная Балка была оцеплена крупным нарядом полиции. Под покровом темноты полицейские проникли на территорию грязелечебницы и одновременно приступили к обыску в домах, принадлежащих медработникам.

Дмитрий Ильич только уснул, когда в дверь требовательно постучали. Он было подумал: нужна срочная помощь. Затем быстро вскочил с постели и, не зажигая лампы, выглянул во двор, тускло залитый лунным светом. На высоком каменном крыльце толпились люди, по выправке непохожие на больных. «Полиция!» И сразу же мелькнула мысль: надежно ли спрятаны прокламации? Обычно они хранились в ящике на веранде у Анания Павловича Медяника. Догадается ли он сбросить ящик в колодец, пока в квартире будет обыск?

Стук повторился. И Дмитрию Ильичу ничего больше не оставалось, как зажечь лампу и впустить непрошеных гостей.

Полиция нашла его рукопись критических заметок по поводу работы П. Струве о теории трудовой стоимости, «Исторические письма» П. Лаврова, две записные книжки и пачку писем от родных и знакомых. «Улов» охранки оказался не щедрым.

Все эти бумаги офицер запихнул в портфель и попросил

Дмитрия Ильича пройти на веранду. Там, оказывается, уже вскрыли ящик и при свете керосинового фонаря вслух читали прокламации.

Ананий Павлович сонным меланхоличным голосом объяснял, что ящик принадлежит ему, а листовки он купил у какой-то крестьянки в Одессе на Привозе.

Объяснение Анания Павловича полицейских не убедило. Все, кто имел непосредственное отношение к хранению и транспортировке партийной литературы, а именно: Ульянов, Медяник, Нещеретова и Могилянская — были арестованы и под конвоем отправлены в тюрьму, или, как ее остроумно именовали одесситы, «Одесский тюремный замок».

Первым на допрос был вызван Ананий Павлович. Он слово в слово повторил то, что говорил полицейскому офицеру при обыске. Он понимал: улики серьезные, и, если охранка точно установит, что Дмитрий Ильич получает нелегальную литературу и рассылает по России, после тюремного заключения и гласного надзора «загремит» на каторгу. Что же касается самого Анания Павловича, то он попадается первый раз, о его принадлежности к РСДРП известно только ближайшим друзьям, так что упрячут в тюрьму на год, на два, не больше. А уж год-два провести в «тюремном замке» — это не в Забайкалье ломать камень для железной дороги.

Медяник не только взял на себя всю вину, но и предупредил товарищей, как нужно отвечать на допросах.

В тот же день допросили и Дмитрия Ильича. Следователь докапывался, каким образом «Искра» попадает в Самару. Охранке было известно, что именно оттуда Ульянов приехал в Одессу. Связь между двумя событиями была, так определило следствие, но не было точных данных, кто же наладил транспортировку «Искры».

Газета по-прежнему попадала в Россию через Одессу и Херсон. Ее читали в Киеве, Харькове, Александровске, Самаре, Саратове, Луганске. В Одесское охранное отделение поступали телеграммы: в портах активно действует социал-демократическое подполье.

Уже десять дней Дмитрий Ильич находился в тюрьме. Однако в Самаре об этом ничего еще не знали. Мария Александровна много раз спрашивала у дочери: что с Митей? Ее беспокоили его письма, в которых он ничего нового не сообщает.

Ровно за сорок дней до ареста он писал в Самару: «Работа у меня окончится в конце августа, а что будет дальше, только богу известно». Лишь в середине сентября родные узнали, что их Митя опять за решеткой. Владимир Ильич немедленно откликнулся

письмом, он писал матери, что произошло какое-то недоразумение и что скоро Митю освободят. Так и сталось.

За неимением улик через три недели после ареста Дмитрия Ильича и Антонину Ивановну Нещеретову выпустили. В ноябре они поженились.

Несмотря на оправдательный приговор, Дмитрию Ильичу оставаться в Одессе было нельзя: в работе отказали, даже в сезонной, а слежка не прекратилась. И руководство самарского искровского центра предложило послать его на работу в «Северный союз».

По этому поводу Дмитрий Ильич пишет брату в Лондон, просит его дать согласие на переезд в один из губернских городов Центральной России. По поручению Владимира Ильича ответила Надежда Константиновна Крупская. Письмо было адресовано в бюро русской организации «Искры»: «Юношу (Дмитрия Ильича. — *Б. Я.*) — совершенно излишне посылать к Семену Семеновичу («Северный союз». — *Б. Я.*), у Семена Семеновича где-то провокатор, а где, они сами не знают, не имеет смысла убухивать туда людей, когда их и так мало».

По решению искровского центра Дмитрий Ильич возвращается в Самару и в пригородном селении Тимашево устраивается временно врачом. Но и тут долго задержаться не пришлось. Как агент «Искры», он нужен был в Туле. В мае 1903 года Дмитрий Ильич опять оказался в знакомом городе.

ДЕЛЕГАТ ГЕРЦ

За четыре с лишним года, прошедшие с тех пор, как Дмитрий Ильич впервые увидел Тулу, в городе, казалось, мало что изменилось: те же грязные улицы, те же кабаки на окраине, те же невозмутимые городовые… Но первое впечатление обманчиво. Изменения были, да еще какие!

Платон Васильевич Луначарский (брат Анатолия Васильевича), секретарь Тульского комитета РСДРП, ознакомил Дмитрия Ильича с новостями, представляющими первейший интерес для агента «Искры». Но сначала попросил Дмитрия Ильича обратить внимание на то обстоятельство, что в городе прибавилось околоточных надзирателей и филеров.

— А почему? — спросил Платон Васильевич и лукаво сощурился. — Да потому, что революцией запахло. Рабочие начинают понимать: все их беды не от плохого капиталиста, а от всего капитализма.

Дмитрий Ильич остановился на жительство сначала у Платона Васильевича, затем товарищи подыскали ему комнату в квартире учителя местной гимназии. Нужно было устраиваться на работу. Но куда? В лечебных учреждениях города вакансий не было, а ехать в деревню, на должность земского врача — значит ослабить связи с местным партийным комитетом, а этого допускать было нельзя. Назревали важные события.

Была уже весна. Летом, по намекам Владимира Ильича, в жизни партии должны произойти крупные перемены. Дмитрий Ильич догадывался: будет съезд партии.

То, что съезд партии должен состояться в России, у Дмитрия Ильича не вызывало сомнения. Подходящими городами для проведения съезда были Самара, Нижний Новгород и, пожалуй, Тула.

Иное дело — незачем спешить со съездом. Есть Центральный орган партии — газета «Искра». Он может на первых порах (пусть даже на протяжении нескольких лет) и выполнять функции ЦК. А там события покажут… Так представлял Дмитрий Ильич ход развития деятельности партии в ближайшей перспективе. Конечно, ЦК необходим, но сложится он не формально, а фактически, как признанный на местах авторитетный орган, который будет непосредственно руководить восстанием. А что революция была не за горами, становилось очевидным фактом: росло обнищание пролетариата, усиливалось его недовольство существующим строем, ширилось забастовочное движение, и самодержавие, имея многочисленные жандармские дивизионы, не

в силах было справиться с поднимающимися на борьбу рабочими. Налицо была революционная ситуация. Тула жила как на вулкане, полнилась слухами о недавнем расстреле горнорабочих Златоуста. В знак протеста против зверств царских палачей пролетариат готовил политическую забастовку.

Сразу же по приезде в Тулу Дмитрий Ильич вошел в комитет РСДРП, изучил обстановку на заводах и фабриках, познакомился с наиболее сознательными рабочими. Особенное впечатление произвел на него Сергей Иванович Степанов, мастер — золотые руки, таких, как он, капиталисты стремятся подкупить, сделать штрейкбрехерами. Но Степанов был человеком кристальной честности. И потому часто оказывался в числе уволенных «за непослушание». Он самостоятельно научился читать и писать, любил книги. И так получалось, что большую часть жизни проводил на различного рода поденных работах: лудил, слесарничал, ремонтировал машины и станки, ковал, но больше всего занимался по ружейной части. В дни вынужденной безработицы подрабатывал где мог и на эти скудные гроши содержал семью и умудрялся приобретать книги. Дмитрий Ильич посоветовал было ему записаться в городскую библиотеку, но Степанов резонно заметил, что тогда охранка сразу им заинтересуется.

Социал-демократическая организация Тулы состояла в основном из таких, как Степанов, людей трудовых, обладавших достаточно хорошим классовым инстинктом, чтобы разобраться если не в тонкостях борьбы, которую вел Ленин с оппортунизмом, то, по крайней мере, в главном: как объединиться под революционными лозунгами, чтобы решительно выступить против самодержавия. С приездом Дмитрия Ильича тяга рабочих к ленинской «Искре» усилилась. Дмитрий Ильич познакомил их с программными требованиями революционных социал-демократов, с тактикой практических действий.

Но Дмитрий Ильич не только учил, но и учился у рабочих. Прежде всего учился мужеству и самоотверженности. Какую силу нужно иметь человеку, чтобы после изнурительного труда в затхлом от масел и копоти цехе идти в кружок, слушать пропагандиста, выполнять различные партийные поручения, рискуя лишиться работы, угодить на каторгу.

Но если Дмитрий Ильич непосредственно наблюдал классовую борьбу в масштабе одного города, то Владимир Ильич мысленным взором охватывал всю Россию. В письме в Самару к Глебу Максимилиановичу Кржижановскому он ставит вопрос о всемерном ускорении созыва съезда и обеспечения большинства на съезде за делегациями искровского направления. Глеб

Максимилианович тотчас же шлет в Тулу письмо-директиву: избрать на съезд двух делегатов с правом решающего голоса и рекомендует комитету кандидатуру Герца (Д. И. Ульянова. — *Б. Я.*), вторую — по усмотрению членов комитета, но обязательно решительного сторонника «Искры». Ответственный за подбор второй кандидатуры — Герц.

Итак, Дмитрий Ильич с этого момента по всем предсъездовским и съездовским документам будет проходить под новой партийной кличкой.

Заседание комитета состоялось на квартире врача и писателя Викентия Викентьевича Вересаева, выпускника Юрьевского университета, старого друга Дмитрия Ильича. Вересаев сочувствовал социал-демократам и по возможности оказывал им материальную помощь. На этом заседании Платон Васильевич Луначарский ознакомил товарищей с письмом-директивой. Комитет единогласно высказался за созыв съезда, поддержал рекомендацию Кржижановского относительно избрания товарища Герца на съезд РСДРП. Здесь же Дмитрий Ильич предложил кандидатуру второго делегата — Сергея Ивановича Степанова.

Делегаты ехали на съезд порознь — в случае провала одного из них второй будет представлять рабочую Тулу. Сергей Иванович выбрал себе маршрут через Польшу, Дмитрий Ильич — через южную границу. Почтово-пассажирский поезд уносил Дмитрия Ильича в Бессарабию.

Вагон был прямой, и в Одессе не надо было делать пересадку, лишний раз рисковать: местная охранка хорошо помнила земского врача из хаджибеевской грязелечебницы.

В Кишиневе Дмитрий Ильич не скоро разыскал нужный дом. Здесь в тенистом дворике уже наливались абрикосы. Молдаванин, фельдшер губернской больницы, услышав пароль, почему-то выглянул на улицу, запер калитку и только после этого пригласил гостя в сумрачную проходную комнату, на стенах которой висели рушники и початки спелой кукурузы. Окончательно убедившись, что перед ним делегат съезда, хозяин назвал небольшое молдавское село, где намечалось перейти границу.

Хлебосольный хозяин выставил на стол вино, фрукты. Хозяйка приготовила мамалыгу — любимое блюдо молдаван. После дороги Дмитрий Ильич с удовольствием отпробовал темного терпкого вина, хорошо закусил и впервые за несколько дней после тряского вагона очутился в мягкой постели. Быстро стемнело. В окна глядели крупные южные звезды. А сон не брал. Мысли были о предстоящем съезде.

Недалеко отсюда, буквально на соседней улице, жил его

старый товарищ, связной комитета РСДРП. Довольно часто он приезжал в Одессу и в Гниляково. Через него Дмитрий Ильич передавал «Искру» для перепечатки в Кишиневе. Но сейчас встречаться с ним он не имел права.

Только через несколько дней Дмитрий Ильич получил пароль на явку в Унгенах. Пароль был самый замысловатый из всех, которыми доводилось пользоваться. Частью пароля была плетеная корзина, связанная веревкой, и подушка в парусиновой наволочке. По этим вещам хозяин явочной квартиры определял: свой человек или провокатор.

На попутной подводе Дмитрий Ильич добрался до Унген, затем с неудобной корзиной шел по знойным пыльным улицам, и на него смотрели как на чудака: зачем молодому человеку тащить с собой подушку? В городе Дмитрия Ильича встретил высокий плечистый парень. Это был проводник. Он отвел гостя в какой-то домик, и там Дмитрий Ильич пробыл до позднего вечера. А вечером, когда совсем стемнело, они вдвоем на телеге выехали в поле. Версты за две от границы оставили телегу в кустах, а сами пешком пошли дальше. Вскоре со стороны дороги донесся цокот копыт.

— Пограничная стража, — шепнул проводник и первым припал к земле. За ним опустился Дмитрий Ильич, поставив рядом корзину с привязанной к ней подушкой.

Всадники ехали молча. Дмитрий Ильич затаил дыхание. Границу он переходил впервые. К счастью, кустарник был настолько густой, что стража ничего подозрительного не заметила. Когда миновала опасность, проводник быстро поднялся с земли и пошел к речке, за ним с неудобным грузом поспешил Дмитрий Ильич.

— Может, выбросим корзину?

— Зачем? Она вам пригодится, — ответил проводник, ступая в холодную воду.

Течение было быстрое, в мелких волнах дробился звездный свет. Проводник крепко взял Дмитрия Ильича за руку, повел наискосок к противоположному берегу.

Выбравшись на сухое место, Дмитрий Ильич увидел пшеничное поле. Это уже была Австро-Венгрия. По пшеничным полям они шли целую ночь. На рассвете увидели железнодорожную насыпь, группу серых каменных домиков. Провожатый завел Дмитрия Ильича в хибарку вблизи железнодорожной станции, а сам на несколько минут отлучился, вернувшись, сказал:

— Вот вам билет. Через два часа можете садиться на поезд.

Билет был до Вены. Уже в вагоне Дмитрий Ильич оценил

предусмотрительность кишиневских товарищей. Оказалось, у австро-венгерских пассажиров в моде были не чемоданы, а плетеные корзины. Многие имели собственные подушки, чтоб спать сидя.

После напряженной бессонной ночи Дмитрий Ильич дремал, положив под голову дареную подушку. И только через сутки ступил на перрон женевского вокзала. У выхода на площадь спросил, как проехать в Сешерон. В этом рабочем предместье Ульяновы снимали квартиру.

Неторопливый женевец с удивлением взглянул на приезжего, показал рукой в сторону маленьких домиков, теснившихся на склоне крутой горы. Дмитрий Ильич спрашивал по-французски, но, видимо, произносил слова с ужасным акцентом, так что женевец его не понял. Началось плутание по улицам и улочкам с корзиной, связанной веревкой, и подушкой в грязной парусиновой наволочке.

Было начало июля. До открытия съезда оставалось еще целых десять дней. Дмитрий Ильич радовался, что загодя попал в Женеву, теперь-то он сумеет наговориться с братом досыта.

Вот и дом под номером 10. И тут выяснилось, что Ульяновы выехали отсюда, но живут по соседству. Хозяйка назвала адрес, и Дмитрий Ильич теперь уже без труда разыскал новую квартиру брата. Дверь открыла Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны Крупской. Она сразу же узнала Дмитрия Ильича, приятно удивленная, всплеснула руками.

Дмитрий Ильич оглядел чисто убранные комнаты с цветами на столах. Спросил, где Володя, где Надежда Константиновна. Елизавета Васильевна ответила, что они каждое воскресенье уезжают за город на целый день.

Семья Ульяновых занимала небольшой домик. Он был построен по английскому типу: внизу две большие комнаты, наверху — три маленькие. В двух маленьких были кабинеты Владимира Ильича и Надежды Константиновны, третья предназначалась для гостей.

До самой темноты Дмитрию Ильичу пришлось ждать брата и невестку. Благо в квартире нашлось столько «нелегальщины», сколько никогда раньше он не видел в России. За чтением журналов и брошюр быстро летело время. Наконец в дом шумно ввалились путешественники. Владимир Ильич сразу же засыпал брата вопросами о том, как он добирался, о делах в России, о делегатах на съезд. Дмитрий Ильич отвечал, давал характеристики знакомым ему делегатам, рассказал о Сергее Ивановиче Степанове как о последовательном и стойком искровце.

Пока женщины готовили ужин, Владимир Ильич принялся знакомить брата с деловой обстановкой в редакции ЦО. Дмитрий Ильич впервые узнал, что в «Искре» далеко не все благополучно, что между Лениным и Плехановым по многим вопросам постоянно возникают споры, намечается разрыв. И самое печальное, пожалуй, что у Плеханова с Лениным были некоторые расхождения по проекту Программы партии. Дмитрию Ильичу казалось странным, что Плеханов, такой образованный марксист, игнорирует значение крестьянства как активной политической силы, не понимает его роли в предстоящей революции.

Дмитрий Ильич разделял тревогу брата за судьбу партии, которой суждено будет возглавить революционное движение в России, в этой, по существу, крестьянской стране.

Но если бы Плеханов заблуждался только в отношении крестьянства! Оказалось, он, а вместе с ним другие члены редакции «Искры» расходились с Лениным во многих вопросах тактики.

На съезде предстояла трудная и упорная борьба. И Ленин готовился к ней как к самому решительному бою. А пока до съезда оставалось несколько дней, и надо было собраться с силами, немного отдохнуть.

Владимир Ильич повез брата в горы. На этот раз Надежда Константиновна осталась дома. Как заметил Дмитрий Ильич, она обрадовалась, что ей в прогулке нашлась замена. В горах Владимир Ильич признался брату, что его неудержимо тянет на Волгу, и вдруг спросил, как там поживает шахматист Хардин.

Зная любовь брата к шахматам, Дмитрий Ильич предложил ему сыграть. Тот согласился, но оказалось, что дома нет шахмат.

— Как же нет! Мама тебе послала папины.

Когда-то эти шахматы выточил на токарном станке отец. Братья очень любили их. Тут, в Женеве, Дмитрий Ильич с грустью узнал, что шахматы — папина память — затерялись.

Владимир Ильич предложил зайти в кофейню и там сыграть партию. Но в ближайшей кофейне шахмат также не оказалось. Пришлось искать другую. Наконец братья уселись за доску. Расставляя фигуры, Владимир Ильич обмолвился:

— Надо что-то выпить, так неудобно сидеть только за шахматами. Ты чего хочешь, кофе или пива?

— Предпочитаю пиво.

Владимир Ильич подозвал кельнершу, заказал кружку мюнхенского и чашечку кофе.

Четыре с лишним часа играли братья, притом так сосредоточенно, что окружающие начали над ними посмеиваться. Откуда, мол, эти чудаки?

17 июля 1903 года Г. В. Плеханов открыл первое заседание II съезда РСДРП. К этому времени Дмитрий Ильич был уже посвящен во многие тонкости внутрипартийной борьбы. Его радовало то обстоятельство, что Плеханов по многим пунктам разделяет позицию Ленина, и это вселяло уверенность в победе искровцев, но, однако, огорчала «мягкость» Плеханова по отношению к Мартову, к его ошибочным, вредным теориям.

С каждым заседанием накал борьбы между сторонниками Ленина и сторонниками Мартова нарастал. Уже на восьмом заседании при обсуждении Программы РСДРП стало окончательно ясно: Мартов искажает марксистские положения. Вместе с Лениным Дмитрий Ильич голосует за отказ в автономии Бунду, поддерживает предложение Ленина о передаче на рассмотрение комиссии седьмого параграфа Программы партии и предлагает свою формулировку девятого параграфа общеполитической части программы: «Предоставление права каждому преследовать всякого чиновника перед судом присяжных без жалобы по начальству».

Борьба достигает своего апогея на двадцать третьем заседании. Обсуждается устав партии, первый параграф. Кто может быть членом партии?

Принципиальнейший вопрос. На голосование выносятся формулировки Ленина и Мартова. За первый параграф устава голосование идет поименно. Без колебания Дмитрий Ильич голосует за формулировку Ленина. Как призыв звенят ленинские слова, брошенные в зал:

— Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии.

Но, как показало голосование, большинство за мартовцами.

На двадцать пятом заседании при обсуждении четвертого параграфа устава партии Дмитрий Ильич выступил снова. Он сказал:

— Из трех предложенных формулировок цервой части параграфа четвертого я считаю лучшей первую, однако со следующим изменением: вместо слов «эти четыре члена Совета приглашают пятого» предлагаю поставить «пятый выбирается съездом». Затем обращаю внимание товарищей на вторую часть параграфа. «Совету партии принадлежит право восстанавливать ЦК и редакцию Центрального органа в случае, если одно из этих учреждений стало вакантным». Дело в том, что в случае полного провала ЦК перестает существовать и Совет, ведь в нем не будет

делегации ЦК, а если так, то не может быть восстановлен Центральный Комитет. Поэтому я предлагаю изменить указанное место таким образом: «В случае полного провала ЦК он восстанавливается оставшимися членами Совета».

Основная идея этого предложения большинством голосов была принята съездом. Пятый параграф устава получил следующую формулировку: «Совету партии принадлежит право восстанавливать ЦК и редакцию Центрального органа в том случае, если выбывает весь состав одного из этих учреждений».

Позже Ленин запишет: «Герц, Русов отстаивают разные способы составления Совета в дополнение к *трем* способам, предложенным *пятью* членами уставной комиссии»[9].

Спор о составе Совета, занявший большую часть двадцать пятого заседания съезда, обнаружил чрезвычайную дробность группировок вокруг громадного числа различных проектов.

На фоне такого множества проектов предложения Герца (Дмитрия Ильича) соответствовало исключительно целям примирения или посредничества. Почему пятый член Совета должен назначаться съездом? Здесь Владимир Ильич не мог согласиться с Герцем. «Между таким составом Совета и назначением его стать высшим учреждением партии — противоречие непримиримое»[10]. Высшее учреждение партии должно быть постоянно, а не зависеть от случайных (иногда в силу провалов) изменений в составе центров. Действенность высшего учреждения партии — в непосредственной связи с партийным съездом. Оно получает от него полномочия. И, что не менее важно, «высшее учреждение должно состоять из лиц, известных партийному съезду. Наконец, *высшее* учреждение не может быть *организовано* так, что *самое его существование* зависит от случая: не сойдутся две коллегии в выборе пятого, и партия остается без высшего учреждения!»[11].

Как видим, Ленин не только не разделял мнение Герца в отношении прав и обязанностей Совета партии, но и дал принципиальное объяснение, почему предложение Герца, Русова нельзя было принять. Жизнь показала, что, внося предложение о Совете партии, Дмитрий Ильич заблуждался, он искренне хотел, чтобы центральные руководящие органы не могла поколебать никакая буря, но… он тогда на съезде не учел субъективного момента (а что, если не сойдутся две коллегии в выборе пятого?).

Дмитрий Ильич выступает на тридцать первом заседании, где обсуждался вопрос о редакции «Искры». Голосует за ленинскую резолюцию.

Все выступления Дмитрия Ильича проникнуты горячей заботой о революционной партии. Он превосходно знал

особенности классовой борьбы в России, сам принимал в ней активное участие и хорошо представлял себе, в *какой именно партии* нуждается российский рабочий класс, поэтому так страстно отстаивал он ленинские принципы ее построения…

В эти августовские дни Дмитрию Ильичу удалось увидеть Брюссель, а затем и Лондон.

Позади были напряженные дни работы — борьба за создание революционной партии российского пролетариата. И вот такая партия создана. Отныне большевизм стал руководящей и направляющей силой революционного движения народов России. Были приняты Программа и Устав партии. Партию возглавил Ленин.

После окончания съезда по предложению Владимира Ильича большевики пришли на могилу Карла Маркса.

Был дождливый день. Над Хайгетским кладбищем сквозь низко летящие облака с трудом пробивалось солнце. С холма у так называемого prim Rose Hill виден был чуть не весь Лондон.

Посещение Хайгетского кладбища оставило в сердце Дмитрия Ильича неизгладимый след. У могилы Маркса он стоял рядом с братом, руководителем только что созданной большевистской партии.

Вернувшись в Женеву, Дмитрий Ильич получает от Владимира Ильича инструкции для работы в России.

В середине августа около Кишинева он нелегально переходит границу и направляется в Киев, где в то время жил Глеб Максимилианович Кржижановский.

ПО ПОРУЧЕНИЮ ЦК

Под звездами южной ночи поезд шел на север. Позади была Бессарабия. В кромешной темноте нет-нет да и мелькнет огонек каганчика.

В вагоне третьего класса, несмотря на приоткрытые окна, было душно. Пассажиры давно спали. Дмитрий Ильич глядел в темноту ночи и пытался представить, как его завтра поутру встретит Киев…

Пахло яблоками. В этом году на Украине как никогда уродились фрукты.

Каждый сеятель ждет своего урожая… Еще несколько дней назад, в канун отъезда из Женевы, Дмитрий Ильич слушал взволнованную речь брата, с которой он обращался к делегатам-большевикам, отбывающим в Россию. Да, мы посеяли хорошие семена, теперь вся суть в том, чтобы попали они на благодатную почву.

С горечью в голосе Владимир Ильич говорил об отъявленном оппортунизме Мартова, Троцкого, Аксельрода. И еще говорил о том, что меньшевики не остановятся на саботаже решений съезда в ЦК и в редакции «Искры», они сделают все, чтобы дезорганизовать работу партийных комитетов на местах, попытаются в широких масштабах нанести удар по главному, к чему мы стремились, — по нашей организации, по нашему единству.

Дмитрию Ильичу поручалось особое задание: встретиться с членом ЦК Глебом Максимилиановичем Кржижановским, не присутствовавшим на съезде, и проинформировать его о работе съезда, о расколе между искровцами. Но Кржижановский нуждался не только в полной я объективной информации. Ему нужен был соратник, страстный пропагандист большевизма и талантливый организатор, умеющий вести практическую работу в условиях подполья. Всеми этими качествами уже в полной мере обладал Дмитрий Ильич. Потому Ленин и поручил ему одно из ответственнейших заданий партии.

Мартовцы попытаются сунуться в местные комитеты, предупреждал Владимир Ильич брата. Нужно дать им решительный отпор. И никаких уступок. В идеологической борьбе нельзя уступать ни пяди.

Киев встретил Дмитрия Ильича сильным непродолжительным ливнем. Пассажиры валом повалили в здание вокзала. В толпе легко было затеряться, тем более без багажа. Дмитрий Ильич имел при себе только небольшой замшевый саквояж с бельем и

книгами для чтения в дороге. Решения съезда высылались в Киев специальным курьером.

Дождь прекратился. Вновь засияло солнце. С каштанов падали крупные капли. Дмитрий Ильич, обойдя пристанционные дворики и убедившись, что нет «хвоста», уверенно зашагал в управление железной дороги. Там находилась лаборатория испытания строительных материалов инженера Кржижановского.

А спустя двадцать минут гость сидел в глубоком кожаном кресле, пил кофе, делился дорожными впечатлениями.

Несколько дней Дмитрий Ильич жил у Кржижановского. Хозяин и особенно хозяйка, Зинаида Павловна, окружили гостя заботой и вниманием. Ночные разговоры за чаем затягивались до утренней зари. Пришли к решению: первое выступление — рассказ о съезде — сделать перед членами Киевского комитета РСДРП. Для встречи определили место — дачу в Голосеевском лесу. Туда Дмитрий Ильич отправился загодя. Члены комитета съезжались по одному, по два. Знакомясь с ними поближе, Дмитрий Ильич отмечал про себя, что комитет состоял в большинстве своем из интеллигентов. Рабочих было мало. Но Киев не Тула, где сердцевину комитета, его боевое ядро, составляли индустриальные рабочие. И Дмитрий Ильич вспомнил ленинское напутствие: шире привлекать для работы в местных комитетах истинных пролетариев, и тогда партийные организации станут большевистскими.

На первом же заседании Дмитрий Ильич убедился, что местная парторганизация нуждается в сильном пролетарском ядре. Как справедлив был Ленин, передавая позже Глебу Максимилиановичу: «комитеты остаются без призора: в Киеве глупят…»[12] Да, киевские товарищи частенько поступали опрометчиво. Многого они не понимали или не хотели понимать.

Вспоминая свой первый послесъездовский доклад, Дмитрий Ильич напишет: «Товарищи, оставшиеся в России, могли ждать всяких сюрпризов в результате съезда, но не раскола между «искровцами» и в особенности расхождения между Лениным и Мартовым. Это… с одной стороны, ошеломляло, с другой — вызывало чувство, близкое к возмущению».

Осмысливая отношения, сложившиеся в последнее время между Лениным и Мартовым, Дмитрий Ильич пытался найти первопричину их разногласий. Ведь его слушатели, товарищи по партии, требовали ясного ответа. Объяснение отчасти было дано еще Владимиром Ильичей в Женеве. Одна из причин идейных шатаний Мартова — его оторванность от российской действительности, незнание условий, в которых пролетариат вел борьбу против самодержавия. И еще — причина не менее веская

— слепое подражание в теории и на практике вождям Второго Интернационала.

На заседаниях комитетов (в том числе и Киевского) товарищи все чаще называли съездовское большинство (сторонников Ленина) большевиками, а съездовское меньшинство (сторонников Мартова) меньшевиками. Вскоре Дмитрий Ильич убедился, что новый термин — «большевик» — быстро вошел в обиход, в живую разговорную речь.

Созданное в Киеве Русское бюро ЦК разработало плав посылки своих агентов в местные партийные организации. Дмитрию Ильичу как делегату съезда предстояло объехать Поволжье и некоторые города Центральной России. В то время в Самаре жили Мария Александровна, Мария Ильинична и Антонина Ивановна Нещеретова. Дмитрий Ильич вез им приветы от брата и невестки. В Самаре с нетерпением ждали «европейского путешественника». Ждали не только в семье. Ждали и в местном партийном комитете, где он должен был выступить с докладом.

Перед отъездом Дмитрия Ильича в Самару Глеб Максимилианович ознакомил его с новым письмом Ленина. Владимир Ильич требовал укрепить комитеты незамедлительно, ни одного дня не терять напрасно. Владимир Ильич сообщал также, что после съезда финансовые дела партии сильно пошатнулись.

— Позарез нужен этот презренный металл, — несколько раз повторял Глеб Максимилианович. — Вам, Дмитрий Ильич, предстоит по пути из Самары заехать в Москву и взять у Горького хотя бы несколько сотен. К этому времени Владимир Ильич с ним спишется. В первых числах октября будьте, пожалуйста, в Москве. Как действовать, сообщу дополнительно. А сейчас — в добрый путь.

…На Волге стоял сухой сентябрь. Холодные ночи и довольно жаркие дни. После долгого-долгого путешествия Дмитрий Ильич возвращался к себе на родину. Уже из окна вагона он увидел Волгу. По реке плыли баржи. Черные, как жуки, буксиры, обильно дымя, тянули связки плотов на Царицын, Камышин, Астрахань. Как успел заметить Дмитрий Ильич, и на вокзале и на пристани прибавилось бродячего люда. В Самаре обычно всегда не хватало рабочих рук, а теперь всюду безработные. И это на первый взгляд казалось странным, ведь в России фабрики и заводы росли как грибы после дождя. Семь лет назад в Самаре было около пятидесяти промышленных предприятий, а сейчас дымят трубы бумаготкацкой фабрики, лесопильных заводов, работает завод паровых двигателей… И это там, где всего полвека назад

собиралось три годовые ярмарки и торговали главным образом пшеницей… На Волге, как и по всей Российской империи, решительно заявлял о себе рабочий класс — главная движущая сила грядущей революции.

Судьба рабочего класса России давно уже стала судьбой Дмитрия Ильича. Его же личная жизнь, жизнь его родных и близких всецело принадлежала революции. И поэтому, когда встал вопрос о переезде в Киев (интересы партии требовали присутствия Дмитрия Ильича именно в Киеве), ни мать, ни сестра, ни жена — никто не возразил: надо — значит надо.

На том и решили. Стали ждать с Дальнего Востока Анну Ильиничну. Вскоре пришла телеграмма от Марка Тимофеевича. После того как его выпустили из тюрьмы, он уехал в Порт-Артур, работал в управлении Восточно-Китайской железной дороги. Туда с ним приехала и Анна Ильинична. А теперь он сообщал, что оставил работу и выехал в Японию, Анна Ильинична уже едет в Самару. У М. Т. Елизарова истек срок гласного полицейского надзора, и он отправился в длительное путешествие. Обогнув с юга Азию, через Индийский океан и Средиземное море попал в Марсель. Из Марселя — в Париж. И там после долгой разлуки встретился с Владимиром Ильичем. От него он узнал подробности съезда, получил задание — по возвращении в Россию немедля включиться в работу Петербургского комитета, уберечь комитет от меньшевистского произвола. А еще Владимир Ильич наказывал, не откладывая дела в долгий ящик, напомнить Дмитрию Ильичу, что он обязан регулярно наведываться к Алексею Максимовичу Горькому. Партии нужны деньги. Горький, как известно, регулярно поддерживал большевистскую партию материально. Порой это был единственный источник, на который партия могла рассчитывать. «*Деньги нужны страшно*, — писал В. И. Ленин в декабре 1904 года Р. С. Землячке. — Примите немедленно все меры, чтобы выслать хоть 1–2 тысячи рублей, иначе мы висим в воздухе и действуем совсем на авось»[13].

Марк Тимофеевич предложил Владимиру Ильичу свой двухлетний дальневосточный заработок, но Владимир Ильич отказался. Он поблагодарил зятя и напомнил ему, что теперь на его плечах большая семья, и, пока Митя не врачует, неоткуда брать средства для существования. Сам Владимир Ильич постоянного заработка не имел, а гонорары, которые изредка приходили из России, составляли гроши.

В Самаре Дмитрий Ильич задержался ненадолго. Провел совещание в местном комитете, выслал Г. М. Кржижановскому отчет: комитет большевистский, тревожиться за него нет оснований… Из Самары уехал в Саратов, потом в Нижний

Новгород. В Нижнем получил письмо от Кржижановского. Тот сообщал, что по настоянию Ленина срочно выезжает в Женеву. В этом же письме Глеб Максимилианович требовал отложить дела в Нижнем и выехать в Москву, к Горькому.

Дмитрий Ильич хорошо понимал, в каком бедственном положении находится большевистское руководство, безденежье сковывало их работу и одновременно же развязывало руки оппортунистам, у которых были богатые меценаты и на Западе и в России. Партия большевиков, по свидетельству ее недругов, оказалась без средств к существованию. Касса РСДРП находилась в руках у меньшевиков. А «те, кто помогал деньгами, — отмечала Н. К. Крупская, — под влиянием агитации меньшевиков отказывали в помощи».

Письмо Г. М. Кржижановского с просьбой об изыскании денег Дмитрий Ильич показал членам Нижегородского комитета. Посовещавшись, они предложили рабочим финансировать партию пз их страховой кассы. Нижегородские рабочие с пониманием отнеслись к предложению, деньги были выделены, и Дмитрий Ильич срочно отправил 500 рублей в Киев, а оттуда эти деньги Г. М. Кржижановский переслал в Женеву. Но помощь нижегородских пролетариев не решала финансовой проблемы партии.

По приезде в Москву прямо с поезда Дмитрий Ильич направляется в Камергерский переулок, где размещался недавно открытый Московский Художественный театр. Запиской вызвал Марию Федоровну Андрееву, жену и друга Горького. Перед началом спектакля ей дорога была каждая минута, но, прочитав фамилию «Ульянов», Мария Федоровна подумала: неужели Владимир Ильич? Накинув шарф, она выбежала из гримерной. Около служебного входа стоял молодой человек в дорожном костюме с удивительно знакомыми карими глазами. Мария Федоровна безошибочно узнала в нем брата Ленина. Перед спектаклем им поговорить не удалось. И она попросила его зайти завтра в одиннадцать утра к ней на квартиру, в Георгиевский переулок. А сейчас у нее выход…

— Впрочем, если гость не устал с дороги, приглашаю в зал…

Так Дмитрий Ильич впервые переступил порог Художественного театра — лучшего театра в Москве, впервые увидел Марию Федоровну Андрееву, преображенную в чеховскую Ирину. Из театра вышел, когда уже стемнело. Нужно было устраиваться на ночлег. Ехать в гостиницу? Не хотелось к себе привлекать внимание полиции. Охранка зорко следит за приезжими. Податься к знакомым? Выбрал Елагиных. Вот будет встреча! Наверное, Андрей Нилыч дома и, как всегда, или столярничает, или читает. Взял извозчика. Ехали долго. Вот уже

показались кузьминские дачи, но неожиданно дальше дорога оказалась перекрытой. Шум. Говор. Мелькающий свет фонарей. Прислушавшись, Дмитрий Ильич понял, что где-то здесь недавно убит переодетый жандарм.

Быстро сказал извозчику:

— Поворачивайте обратно.

Пришлось всю ночь бодрствовать на вокзале.

Наутро Дмитрий Ильич точно в назначенное время постучал в дверь квартиры Андреевой. Хозяйка уже ждала гостя, приготовила чай. И пока он пил, она расспрашивала его о съезде, возмущалась меньшевиками и тут же заметила, что несколько дней назад заезжал к ней фабрикант Савва Морозов, большой поклонник искусства и меценат. Говорили о политике и прежде всего о помощи социал-демократам. Морозов заявил прямо, что денег Ленину даст, но при условии: если он не будет враждовать с Мартовым.

Дмитрию Ильичу было приятно сидеть за столом, неторопливо беседовать. Но время бежало. Хозяйке пора на репетицию.

Дзенькнул колокольчик. Мария Федоровна поспешила к двери.

— Ну вот и Алексей Максимович.

— Опоздал, не обессудьте. Книжки в полон взяли, — извинился он перед гостем, подавая руку.

Горький был в приподнятом настроении. Несмотря на кашель, говорил охотно, энергично жестикулировал и очень много расспрашивал Дмитрия Ильича о матери, сестрах и, конечно же, о брате.

Потом выложил на стол конверт и, виновато улыбаясь, начал было оправдываться: мол, не браните, пожалуйста, сам понимаю, маловато. И попросил наведаться еще раз. Братья Сабашниковы обещали авансировать.

Дмитрий Ильич выпил чай и тепло распрощался с хозяевами. Шифрованным письмом он сообщил в редакцию «Искры»: «Дорогие друзья! Третьего дня послал вам 500 р… На днях вам пошлю на другой адрес еще 1000. Деньги достал от Горького, три тысячи. Обещал еще через месяц».

В октябре Дмитрий Ильич опять побывал в Москве, переслал в Киев на имя Кржижановского тысячу рублей от Саввы Морозова. Вскоре Мария Федоровна по просьбе Горького передала Дмитрию Ильичу еще пятьсот рублей.

Поездка не была напрасной. В отчете, высланном 13 октября в Женеву, Дмитрий Ильич докладывал: «…встречаюсь с Горьким (Шахом), который передаст мне 2,5 тысячи. Затем устраивает мне

свидание с Саввой… Получил 10 тысяч. Он просил при этом в дальнейшем действовать через Шаха, если же понадобится видеться с ним лично, то пароль — числа, представляющие произведение суммы года, месяца и числа на 11. Сказал, что может опять дать в апреле…»

В октябре 1903 года, дождавшись Анну Ильиничну, Ульяновы переехали в Киев. В декабре, выполнив ряд партийных поручений, сюда вернулся Дмитрий Ильич, считая, что теперь-то надолго. Дома он застал знакомую картину: мать за шитьем, сестры и жена на службе: Кржижановский устроил их в управлении железной дороги. Новостей не было, за исключением одной: в Петербург приехал Марк Тимофеевич Елизаров. Через несколько дней он будет в Киеве.

Дмитрий Ильич сразу же направился в ЦК.

Почти отовсюду в Киев приезжали связные комитетов: получали литературу, паспорта, необходимую информацию. Члены и агенты ЦК принимали связных. Только у одного Дмитрия Ильича для приема и переговоров с приезжающими было не менее десяти конспиративных и явочных квартир.

Но охранка уже была в курсе дел большевистской партии. Перехваченные и расшифрованные письма большевиков давали ей основания считать, что в РСДРП ведется ожесточенная идеологическая борьба, и Ленин настаивает на скорейшем созыве нового съезда, который бы изгнал оппортунистов из партии. В ряде ленинских писем ориентировочно называлось время съезда — январь 1904 года. Оживленная деятельность большевиков, особенно на Украине, давала охранке повод определить место съезда. Таким городом мог быть только Киев. Не полагаясь на силы местного жандармского корпуса, министр внутренних дел перебросил сюда подкрепления из Москвы и даже из Петербурга. За большевиками была усилена слежка. Под пристальное наблюдение охранки попали все Ульяновы, находившиеся в Киеве. Дмитрий Ильич то и дело обнаруживал за собой «хвост».

Над большевистским подпольем сгущались тучи. Но работа продолжалась в хорошо налаженном темпе. Сделано немало, стали полностью большевистскими четырнадцать городских комитетов, да еще каких! — Петербургский, Московский, Одесский, Нижегородский, Саратовский, Тульский… Только досадно, Киевский, который находился под боком, по-прежнему оставался «чужим». По-прежнему ряд товарищей этого комитета считали, что Ленину с Мартовым нужно идти на компромисс и что указания Ленина и Мартова являются для них равнозначными. Последнее письмо Владимира Ильича, адресованное Кржижановскому, ставило вопрос прямо: «…Бросьте

наивную надежду мирно работать в такой невозможной атмосфере. Направьте все *главные* силы на объезды… *обеспечьте* тотчас окончательно свои комитеты, двиньте затем атаку на чужие и… съезд, съезд не позже января!»[14]

Глеб Максимилианович предупредил Дмитрия Ильича, что на 1 января назначено заседание Киевского комитета, предстоит дать решительный бой сторонникам Мартова.

Какими-то путями охранка установила дату и место сбора большевиков. 30 декабря в Киевское жандармское управление поступила телеграмма. Департамент полиции извещал: «Не выжидая съезда, ликвидировать центральный и местный комитеты, предъявив требования об отсутствующих».

Согласно «Списку лиц» аресту в числе других подлежали: Дмитрий Ильич Ульянов, проживающий по Пушкинской, 32, Анна Ильинична Елизарова и Мария Ильинична Ульянова, проживающие по Лабораторной улице, 12.

Новый год Ульяновы встречали вместе с матерью. За последнее время это был единственный раз, когда мать в новогоднюю ночь видела около себя почти всех своих домашних. Отсутствовали только Володя, Надя и Марк. Но от Марка Тимофеевича ждали телеграмму: вот-вот он должен появиться.

В ту ночь у Дмитрия Ильича на душе было неспокойно. В течение дня он три раза обнаруживал за собой слежку. Что это, случайность? Вряд ли… Может, не идти на заседание комитета? Если бы в комитете все было благополучно, можно и воздержаться, не пойти. Но сейчас, когда большая группа членов партии саботирует решения съезда, он должен быть на заседании, должен разъяснить, в чем они заблуждаются…

А за столом звенели голоса сестер. Мать играла на пианино фрагменты из «Аскольдовой могилы». За окном в морозном воздухе мягко падал первый снег…

1 января 1904 года, как и было условлено, состоялось заседание Киевского комитета. Дмитрий Ильич сделал главное: большинство членов комитета высказалось за незамедлительный созыв съезда.

Расходились уже вечером, когда стемнело. Дмитрий Ильич покинул явочную квартиру вместе с Зинаидой Павловной Кржижановской. И когда уже, казалось, опасность миновала, на Бибиковском бульваре они были схвачены. Зинаиду Павловну отправили в Лукьяновскую тюрьму, Дмитрия Ильича — в Киевскую крепость. В этой крепости содержались особо важные преступники.

В тот же вечер в Киеве были арестованы почти все члены Центрального и местного комитетов партии. Случайно избежал

ареста Глеб Максимилианович. Направляясь домой, от посторонних он узнал, что в его квартире обыск, пришлось вернуться к товарищу и у него спрятаться.

Удар обрушился не только на Дмитрия Ильича, но и на всю семью Ульяновых. Были арестованы и увезены в Лукьяновскую тюрьму жена и сестры. В квартире матери с 10 часов вечера и почти до двух часов ночи шел обыск. Жандармы перерыли все книги, белье, подняла пол, испортили мебель. Как потом выяснилось, они искали архив Русского бюро ЦК, но ничего важного не нашли, если не считать запрещенных книг Герцена, Чернышевского, Некрасова, Л. Н. Толстого.

А в Киевской крепости уже допрашивали Дмитрия Ильича. При обыске у него были отобраны 500 рублей, полученные от Горького для нужд партии. Эти деньги Дмитрий Ильич должен был передать связному, который днями нелегально прибывал из Женевы.

После выяснения биографических данных жандармский следователь предложил сообщить место хранения архива Центрального Комитета большевиков. В противном случае, объявил он, арестованному грозят суд и высылка на поселение.

Дмитрий Ильич ответил, что он ничего не скажет до тех пор, пока не узнает, где его мать и что с ней. И потребовал свидания.

Марии Александровне было дозволено вместе с продуктами передать сыну письмо. Из письма он узнал, что его жена и сестры находятся, как и он, в тюремном каземате, что в квартире был обыск и что из Петербурга приехал Марк Тимофеевич, привез привет от Володи и Нади. Картина прояснилась. Дмитрию Ильичу хотелось верить, что у сестер и у жены нет компрометирующих материалов и что на допросах они сумеют стойко держаться. А вот как ему быть с деньгами для партии? Общения с внешним миром нет. Предупредить некого. Хотя… Есть одна-единственная возможность: сообщить матери, чтоб она что-то предприняла, иначе партийные деньги будут конфискованы, а это, кроме всего прочего, ухудшит его положение — улика для обвинения довольно серьезная.

И он пишет матери на первый взгляд ничем не примечательное письмо: якобы содержится он в хороших условиях, а следователь очень вежливый, воспитанный человек; он же арестован по недоразумению, и оно скоро выяснится.

Тут же, у окна передач, Мария Александровна жадно прочитала письмо. Настораживал наигранно бодрый тон, но еще больше — почерк. Сын всегда писал ровно, буква за буквочку цеплялась. А здесь в словах буквы разорваны. Странно, непонятно.

На улице, несмотря на холод, Мария Александровна несколько раз останавливалась, вынимала из муфты бумажку и разбирала каракули сына. От детей она слыхала, что подпольщики пользуются шифром, но что это такое — не представляла, а спрашивать считала неудобным. Может, и здесь написано шифром? Стала складывать оторванные в словах буквы, получилось «Марк». А дальше по буквам выходило: «дал мне пятьсот рублей одной бумажкой заимообразно на обзаведение. Пусть подтвердит это».

Не шла, бежала домой, чтобы сообщить новость: у Мити партийные деньги. Нужно выручать!

На следующий день Марк Тимофеевич сам принес передачу. Следователь, занимавшийся делом Дмитрия Ильича, пригласил Елизарова в кабинет, спросил, на какие средства существует брат его жены. Ведь он, как известно, нигде не служит, Марк Тимофеевич с присущей ему обстоятельностью объяснил, что Дмитрий Ильич пользуется его помощью. Недавно, например, он авансировал ему пятьсот рублей. Кстати, одной бумажкой. Брат жены решил обзаводиться хозяйством.

Следователь закрыл папку, дав понять, что разговор окончен. Затем в докладной записке начальнику жандармского управления он доложит, что нет оснований считать сумму в 500 рублей деньгами из партийной кассы.

Одиннадцать месяцев длилось заключение. Десятки раз Дмитрия Ильича вызывали на допросы, но он держался стойко — воля и выдержка не изменили ему. Тем не менее суд над сотрудниками большевистского ЦК готовился основательно.

Но весна 1904 года определила иначе, чем думали в прокуратуре и жандармерии.

Началась русско-японская война. Русскому народу она принесла новые бедствия — тысячи солдат навеки остались на полях далекой Маньчжурии, но российский пролетариат уже начинал понимать истинные цели царизме». В апреле 1904 года в прокламации «Первое мая» В. И. Ленин писал: «Прошли те времена, когда наш рабочий покорно гнул спину, не видя выхода из своего подъяремного житья, не видя света в своей каторжной жизни. Социализм указал этот выход, и к красному знамени, как к путеводной звезде, потекли тысячи и тысячи борцов. Стачки показали рабочим силу союза, они научили их давать отпор, они показали, какой грозой для капитала является организованный рабочий»[15].

По России прокатилась могучая волна забастовочного движения. Забастовали металлурги Юзовки, шахтеры Горловки, текстильщики Шуи, металлисты Петербурга. Объявили

забастовку рабочие киевского «Арсенала». Наряду с экономическими требованиями арсенальцы выдвинули политические. В частности, они потребовали освободить политических заключенных из тюрем.

А киевские тюрьмы были переполнены. Только первого января 1904 года было произведено более 600 обысков и арестовано 167 человек. Аресты происходили и в последующие дни, охранка пыталась схватить как можно больше вероятных делегатов III съезда РСДРП (по сообщениям провокаторов, в январе в Киеве готовился партийный съезд).

Грандиозная облава, тщательно готовившаяся три месяца, не дала желаемых результатов.

Об аресте Ульяновых Владимир Ильич узнал из телеграммы матери. Владимир Ильич, понимая, что его письмо обязательно прочтут в охранном отделении, писал чрезвычайно осторожно.

«Дорогая мамочка! Хорошо, что ты чувствуешь себя немного спокойнее, лишь бы были здоровы наши арестанты. Ввиду массы арестов, их, быть может, забрали за компанию…

Пришли мне адрес Марка Тимофеевича, у меня к нему будет литературное дело. Он в Питере. Получила ли ты Надино письмо, она писала тебе недавно. Адрес мой: Женева…

Твой *В.*»[16].

Марк Тимофеевич был уже в Киеве. Работы пока не было. И он, посоветовавшись с Марией Александровной и Анной Ильиничной, отправляется в Петербург. С помощью старых друзей ему удалось поступить в управление Николаевской железной дороги.

И мать не опускает руки, пытается вырвать из тюрьмы пока хотя бы сына. И снова (в который раз!) садится за прошение.

«У сына при обыске отобрана писанная кем-то и данная ему на хранение программа занятий с рабочими.

Полагаю, что семимесячным заключением, полтора месяца из них он был даже продержан в крепости, сын мой достаточно уже наказан за имение при себе этого листка…

…В Киевском жандармском управлении мне указали на старшего сына, прибавив, что он сильно скомпрометирован.

Старший сын мой живет уже более 10 лет отдельно от семьи и несколько лет за границей, и если он и действительно скомпрометирован, то я не думаю, чтобы сестры и брат его должны были отвечать за его поступки».

Да, родственные узы с Лениным — это, пожалуй, и была самая весомая «улика». Серьезных же доказательств у охранников не было.

Дмитрий Ильич настаивает, чтобы ему предоставили возможность заниматься самообразованием. Но книгами пользоваться ему не разрешили. Не давали и газет. Однако до него донеслись вести о начале русско-японской войны. Узнал он также о том, что рабочие «Арсенала» потребовали освободить всех политических заключенных. Оставшиеся на воле товарищи по партии всячески его поддерживали.

Под нажимом рабочих царское правительство вынуждено было выпустить из тюрьмы первую группу заключенных, в том числе и Марию Ильиничну.

«Большущий привет Маняше и поздравление с свободой», — пишет 2 июля Владимир Ильич из Лозанны[17].

Вот уже на воле и Анна Ильинична. Немного придя в себя, она уезжает к мужу в Петербург, но ей отказывают в праве жительства в столице. Тогда Марк Тимофеевич снимает квартиру в поселке Саблино, в тридцати минутах езды от Петербурга. Анна Ильинична пишет матери, приглашает в Саблино. Но пока Митя в тюрьме, она никуда не поедет, хотя ей так необходим отдых. Это чувствовал Владимир Ильич: «Дорогая мамочка!.. Тебе надо непременно отдохнуть летом. Пожалуйста, переберитесь куда-нибудь на лоно природы»[18].

Положение матери беспокоит и Дмитрия Ильича. Из тюремной камеры он обращается к прокурору Киевской судебной палаты: «…Полное одиночество, которое создано для моей матери после ареста меня с женой и обеих моих сестер, действуют на нее, особенно в последнее время, когда у нее появились признаки старой болезни, прямо убийственным образом… Крайне затруднительны свидания за решеткой как вследствие того, что среди шума и разговоров со всех сторон она плохо слышит и сама не может говорить достаточно громко, так и потому, что ей тяжело подолгу стоять». Он просит пощадить его мать. В ответ — молчание.

И все же настал день, когда перед Дмитрием Ильичом открылись тюремные двери.

Теперь мать с младшей дочерью могла спокойно ехать в Саблино. Для Дмитрия Ильича о службе, о жительстве в Киеве не могло быть и речи. Но он готов ехать в любое место, куда пошлет партия, где он нужен для революционной работы. По выходе из тюрьмы ему удается связаться с товарищами. Новости ободряющие: ни один из членов Центрального Комитета, работавших в России, в лапы охранки не попал. Большинство местных комитетов, в том числе и Киевский, активно готовится к съезду.

В России все явственнее чувствовалась надвигающаяся

революция.

НА ВОЛНЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Газеты пестрели статьями о боевых действиях в Маньчжурии. Однако в этой обстановке всеобщего военного психоза нет-нет да и пробивались заметки о рабочих демонстрациях, митингах…

Нарастание революции не на шутку пугало самодержавие, и оно принимало все меры, чтобы оградить рабочие массы от влияния социал-демократов.

На этот раз, выйдя из тюрьмы, Дмитрий Ильич был не только оставлен под гласным надзором, но и был строго предупрежден: из города не отлучаться — может понадобиться для допросов.

А работа? Политически неблагонадежному нет службы ни в Киеве, ни в Киевской губернии. На какие же средства жить? Это охранку не интересовало.

Получался заколдованный круг. Как из него вырваться?

Просматривая газеты, Дмитрий Ильич узнал, что в районе Акмолинска вспыхнула эпидемия холеры. Срочно требовались опытные врачи и фельдшера. Он — врач, жена — фельдшерица. Решили вдвоем ехать на восток. А там видно будет, в каком городе обосноваться.

Обратились в главную врачебную инспекцию, ведавшую посылкой медперсонала в районы эпидемий. Ответа не последовало. Отчаявшись ждать, Дмитрий Ильич без разрешения властей выезжает в Петербург, просит удовлетворить его просьбу. Ему обещают, но в столице задерживаться не советуют. Город, по существу, на военном положении.

Власти были встревожены лавинообразным ростом политических стачек. Бастовали не только рабочие Донбасса и Центрального промышленного района. Поднимался на борьбу пролетариат Питера. И царизм со всей решительностью готовился расправиться с рабочим движением. К столице заранее были стянуты войска. Царизм ждал повода. И такой повод представился. 9 января 1905 года на Дворцовой площади была расстреляна мирная демонстрация. В ответ пролетариат Питера стал возводить баррикады.

В России началась революция.

В Саблине, где Дмитрий Ильич сделал кратковременную остановку, Анна Ильинична рассказала некоторые подробности Кровавого воскресенья. В Питере повсюду митинги. Даже либералы возмущаются хладнокровным убийством сотен безоружных людей. Особенно много усердствует поп Гапон, который, как заметила Анна Ильинична, «все же как будто не темная личность». Гапон пользовался у рабочих авторитетом. К

нему стекались огромные пожертвования. На эти деньги он закупил в Англии большую партию оружия. Однако зафрахтованный им пароход, якобы по недосмотру капитана, около Питера попал на отмель, и оружие оказалось в руках полиции. Тогда даже многие большевики искренне считали, что делу помешала непредвиденная случайность, а не тонкий расчет провокатора.

Из рассказов родных и знакомых Дмитрий Ильич знал, что Гапон проявляет слишком большую активность, интересуется делами большевиков, особенно их взглядами на будущую революцию. Эта «активность» вызывала подозрение. Дмитрий Ильич считал его темной личностью и, как потом оказалось, в своем подозрении не ошибся.

В феврале пришла весточка из Симбирска. Друзья сообщали: в уезде есть вакансия санитарного врача.

Для выезда Ульянова в Симбирск в Киевском жандармском управлении возражений не было.

Губернское земство определяет Дмитрия Ильича санитарным врачом Симбирского уезда. За несколько лет скитаний впервые появился постоянный заработок. До недавнего времени такой должности в уездах вообще не было, и только благодаря революции земство разрешило «нововведение». «В это время, — объяснял Дмитрий Ильич, — в конце 1904 года и начале 1905 года — был подъем либерального движения в России. И вот Симбирское земство решило ввести санитарных врачей с целью улучшить медицинскую обстановку в деревне, хотя в душе земцы в громадном большинстве считали, что для лечения крестьян вовсе не нужно врачей, а достаточно фельдшеров. Но под влиянием либеральных настроений они подумали ввести две должности санитарных врачей».

Одну из этих должностей занял Дмитрий Ильич, вторую — Зиновий Петрович Соловьев, социал-демократ, решительный сторонник Ленина. Соловьев стал заместителем заведующего санитарным отделом губернии и, несмотря на молодость, блестяще справлялся со своими обязанностями, успевая даже редактировать «Врачебно-санитарный листок Симбирской губернии». При поддержке прогрессивно настроенных медиков, и прежде всего Дмитрия Ильича, он обобщил опыт института санитарных врачей, который уже существовал в Московской губернии и которого еще не было в Симбирске. Некоторые прогрессивные методы обслуживания сельского населения ему удалось ввести и у себя в уезде.

Так, например, в Симбирской губернии была расширена сеть фельдшерских пунктов, для работы в этих пунктах стали шире

привлекаться врачи. Они поочередно объезжали деревни, консультируя младших коллег и принимая больных. Конечно, это не могло коренным образом улучшить медицинское обслуживание крестьян. Симбирская губерния раскинулась на 43 491 квадратную версту, на ее территории проживало полтора миллиона человек. А врачей — не больше десятка. Чтобы обслужить хотя бы малую долю больных, нужно было исколесить не одну сотню верст. Как ни стремились врачи всюду поспеть, они были в фельдшерском пункте редкими гостями. Население в большинстве случаев занималось самоврачеванием.

Время от времени губернию потрясали губительные нашествия холеры, чумы, сибирской язвы. Только эпидемия 1892 года унесла в могилу тысячи симбирцев. Брошенные на ее ликвидацию со всей России врачи-добровольцы мало что смогли сделать. Люди, в абсолютном большинстве неграмотные, предпочитали по старинке обращаться к знахарям и священникам, на последние гроши заказывали молитвы, кропили избы «святой» водой, но следовать советам врачей не хотели.

Весна и лето 1905 года прошли для Дмитрия Ильича в частых разъездах. Пришлось побывать в самых дальних уголках губернии, налаживать работу фельдшерских пунктов, а заодно собирать данные об эпидемиях. Выяснилось, что холера и чума появляются через определенные промежутки времени. Для Дмитрия Ильича, так же как и для всех эпидемиологов того времени, такая цикличность оставалась загадкой. И еще характерное наблюдение — эпидемия, как правило, долго держится в тех волостях, где крестьяне особенно разорены, не имеют возможности соблюдать элементарные правила гигиены (избы курные, земляные полы, зимой в большинстве случаев скот и птица находятся в избах). Но самое главное — голодная и полуголодная жизнь, особенно весной и в начале лета. Именно в этот период, когда жара доходит до тридцати градусов, эпидемия распространяется чрезвычайно быстро. Тогда говорили «вспыхнула». И в самом деле, она распространялась мгновенно, как пожар по сухостою. «Тушить» примитивными средствами (карболкой и сулемой), имевшимися на фельдшерских пунктах, было почти невозможно. Удавалось лишь локализовать эпидемию, выставить до осени санитарные кордоны — с понижением жары эпидемия шла на убыль.

Эти и другие свои соображения Дмитрий Ильич с согласия и при поддержке Зиновия Петровича изложил на страницах «Врачебно-санитарного листка Симбирской губернии». Печальная статистика, наглядно отображающая бедственное положение крестьянства, а главное, выводы о том, что «вопрос о

необходимости изменения в общих условиях народной жизни» давно назрел, не прошли мимо внимания жандармского управления. Зиновий Петрович, как редактор листка и заместитель заведующего санитарным отделом губернии, был предупрежден, что автор статьи «О холерной эпидемии 1892 г. в Симбирском уезде» является поднадзорным, человеком, близким к большевистскому подполью, и что его статья может вызвать нездоровые настроения среди определенной части крестьянства. В жандармском управлении редактору посоветовали воздержаться от дальнейших публикаций подобного рода.

Охранка «советовала»! Случись такое даже год назад, «Врачебно-санитарный листок» закрыли бы без всякого напоминания, а редактора наверняка бы сослали в ссылку.

Жандармы не посмели закрыть издание. В Симбирске уже слышалась могучая поступь революции. Рабочий класс России решительно готовился к открытому бою с самодержавием. Что же касается статьи о холерной эпидемии, чиновники жандармского управления оценили ее как своего рода прокламацию. Другой она и не могла быть. Ее писал врач-гуманист, и, как большевик, понимающий законы общественного развития, он подводил читателя к выводу, что капиталистическая действительность — сила, враждебная всем трудящимся. Капиталисту, если он не видит для себя личной выгоды, нет дела до того, в каких условиях живет рабочий и крестьянин. Равнодушие властей, вершивших волю помещиков и капиталистов, привело к тому, что, по существу, не принималось никаких мер против эпидемий. Более того, темнота и забитость крестьян способствовали беспрепятственному распространению многих болезней. В небольшом селе Хохловка в течение одного месяца заболело 137 человек, то есть каждый пятый житель. Некоторых можно было спасти, но крестьяне не разрешали делать у себя дезинфекцию, не брали у медиков лекарства, не пускали их к больным.

Такая картина наблюдалась не только в Хохловке. Вывод напрашивался один — надо коренным образом менять социальные условия жизни. А пока хотя бы немного облегчить положение «низших классов», для которых «холера вообще является бичом». Дмитрий Ильич составляет доклад врачебному совету губернии, выдвигая на первый план идею профилактики. «Современная медицина, — писал он в докладе, — не может ограничиваться только лечением болезней; в тех случаях, где причины болезни известны, приходится прибегать к мерам предупреждения, к устранению этих вредных причин — в этом задача общественной санитарии».

Поездки по уезду и губернии не оказались бесплодными.

Обобщенный материал обсуждался на заседаниях различных врачебных комиссий. Многим врачам импонировало то, что Ульянов не побоялся резко выступить против местных предпринимателей, фабрики которых загрязняли водоемы и почву. Дмитрий Ильич требовал, чтобы владельцы картофелетерочного, кожевенного, скотобойного и других производств строили отстойники и поддерживали бы их в удовлетворительном санитарном состоянии.

Но предприниматели открыто игнорировали предложения врача. Та же Свияга, где еще недавно брали воду для питья, на глазах превращалась в резервуар для стока многочисленных заводов и заводиков, появившихся на ее берегах.

И все же по старой памяти Дмитрий Ильич ходил сюда купаться, любил он и покататься на лодке. Нередко брал с собой Зиновия Петровича Соловьева, большого любителя природы.

С Зиновием Петровичем было интересно. Катаясь по Свияге на лодке, они забирались в камышовые заросли, здесь никто им не мешал беседовать. «Говорили о Втором съезде партии… — вспоминал Дмитрий Ильич, — о разрыве между Лениным и Мартовым, о Плеханове, и я помню, что Зиновий Петрович был всегда на стороне большевиков, был поклонником Ленина».

Дмитрий Ильич рассказывал о том, как двадцать лет назад, еще мальчиком, он часто плавал на лодке по Свияге со своим старшим братом. Как-то зашел разговор о терроре. Мнение друзей было единым: террор выдвигает наиболее крупных и преданных революционеров, но в то же время и отрывает их от рабочих масс. Дмитрий Ильич «тогда совершенно ясно понял, что Зиновий Петрович настоящий ленинец».

Однажды, возвращаясь с женой с речки, они заглянули в бывшую усадьбу Ульяновых, где прошли детские годы Дмитрия Ильича. Жаль было, что многое тут изменилось, и прежде всего дом. Его купил некий барон, «оказавшийся со скверной фантазией». Он вырубил половину сада с Покровской улицы, начал строить новый дом, а старый переделывать.

С грустью и болью Дмитрий Ильич писал младшей сестре в Саблино: «Мы с Тоней как-то заходили, идя с купанья, и осмотрели весь сад и дом, лазили даже наверх, но туда уже проложены другие пути, старых лестниц давно нет…»

Сестра недавно вернулась из-за границы. Она привезла материалы III съезда партии. Дмитрий Ильич знал только, что в апреле состоялся съезд и что большевики почти по всем принципиальным вопросам одержали над меньшевиками внушительную победу. Сейчас его интересовали подробности работы съезда.

И он спрашивал: «Что ты сейчас поделываешь и как чувствуешь себя среди родного дыма?.. Теперь приезжай к нам, — поживешь с нашими в Саблине числа до 20-го, а тогда в Нижний и оттуда пароходом…»

Но Мария Ильинична приехать не смогла: она выполняла срочное задание Владимира Ильича в Петербурге.

Как и предвидел Ленин, выступая на III съезде РСДРП, всенародное вооруженное восстание становилось реальностью. Начинались настоящие уличные сражения — битвы на баррикадах.

Взялись за оружие рабочие Баку.

В Либаве восставшие матросы захватили арсенал.

На броненосце «Потемкин» взмыло красное знамя.

Построили баррикады рабочие Варшавы.

В эти июльские дни 1905 года симбирские большевики получают газету «Пролетарий» с ленинской статьей «Революционная армия и революционное правительство». Это было своего рода инструктивное письмо для социал-демократов. «Сознательные представители пролетариата, — писал В. И. Ленин, — члены РСДРП, должны, — ни на минуту не забывая о своей социалистической цели, о своей классовой и партийной самостоятельности, — выступить перед всем народом с передовыми демократическими лозунгами. Для нас, для пролетариата, демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации…»[19]

И социал-демократы, сторонники Ленина, воспринимают этот призыв как боевую программу действия. «С осени 1905 года, — писал Дмитрий Ильич, — начались всеобщие забастовки».

В числе первых, кто «свернул» работу в земской управе и всецело отдался революционному движению, оказались Ульянов и Соловьев. Тогда в Симбирске наиболее организованной частью пролетариата были железнодорожные рабочие. Партийный комитет поручает Ульянову и Соловьеву вести кружок политического просвещения железнодорожников. Требовала внимания и молодежь. В городе были семинария, коммерческое училище, гимназия, другие различные школы. Учащихся тоже волновали самые что ни на есть «взрослые вопросы», и первый среди них — о земле — объект многочисленных и жарких дебатов.

И большевики, невзирая на огромные трудности, использовали каждую возможность, чтобы еще раз с марксистских позиций объяснить молодежи цели и задачи большевиков. В силу особенностей развития капитализма в городах Поволжья преобладал средне- и мелкобуржуазный слой населения. Из его

социальной среды самодержавие довольно быстро сформировало местные отделения «Союза русского народа» — самой реакционной монархической организации, поставившей себе целью любыми средствами не допустить революции в России. Объединенные в черные сотни, монархисты этого союза, поощряемые полицией, стали воинствующей контрреволюционной силой. В Симбирске, как и в других городах Поволжья, число черносотенцев оказалось довольно внушительным.

В партийном комитете, который целиком являлся большевистским, отдавали себе отчет в том, что черносотенцы, чувствуя себя господами положения, ищут случая сорвать свою злобу на рабочих. Ведь в индустриальных центрах России уже шли уличные бои. Восстали шахтеры Донбасса, металлисты Питера, текстильщики Иваново-Вознесенска. В ожесточенное сражение вступила пролетарская Пресня Москвы.

8 ноября 1905 года из-за границы нелегально возвращается Ленин. 10 ноября в газете «Новая жизнь», которую издавала Мария Федоровна Андреева, появляется его первая статья. Она начиналась словами: «Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди…»[20]

Под статьей стояла подпись: «Н. Ленин». «Новая жизнь» была первой легальной большевистской газетой. С приездом Владимира Ильича она стала выходить под его непосредственным руководством, явилась фактически Центральным органом РСДРП. Газета быстро завоевала авторитет. Ее читали во всех губернских городах России. Дмитрий Ильич из статьи понял главное: Владимир Ильич вернулся из эмиграции.

Вскоре Мария Ильинична сообщила, что брат живет в Питере. В Саблине он провел всего лишь одну ночь. За ним сразу же установили слежку. Пришлось скрываться, менять паспорта и конспиративные квартиры.

Дмитрий Ильич решил взять отпуск и съездить в Саблино, повидаться с родными, поговорить с братом. А пока, ожидая официального разрешения земской управы, он ведет активную пропагандистскую работу среди молодежи. Осенью 1905 года при его непосредственном участии создается полулегальная организация под названием «Соединенная группа учащихся средних учебных заведений города Симбирска». В нее вошли прогрессивно настроенные гимназисты, семинаристы, ученики

коммерческого училища, решившие изучать марксизм. Несмотря на многочисленный состав (150 человек), группа осталась вне поля зрения охранки. А ведь многие занятия проходили в доме исправника. Правда, блюститель порядка не догадывался, кто у него собирается и какие книги сюда приносят.

В декабре 1905 года в Симбирск пришло известие о зверском подавлении вооруженного восстания в Москве.

Дмитрий Ильич собрался было уже в дорогу, но письмо из Саблина заставило отложить поездку. Началась усиленная счежка за всеми Ульяновыми. Младшая сестра просила повременить, всюду шпики, ищут Ленина. Квартиры питерских знакомых взяты под наблюдение. Но, как и догадывался Дмитрий Ильич, брат не выжидал, активно действовал, строго следуя правилам конспирации. Он участвует в Таммерфорсской конференции в январе 1906 года нелегально приезжает в Москву, посещает места баррикадных боев, проводит заседание литературно-лекторской группы МК РСДРП, едет в Гельсингфорс, руководит работой Петербургской общегородской конференции РСДРП. И почти каждый день пишет статьи по разнообразнейшим вопросам общественной жизни. Именно статьи позволяют Дмитрию Ильичу представить, какую титаническую деятельность ведет Ленин. И большевики Симбирска, руководствуясь ленинскими указаниями, призывают бойкотировать выборы в I Государственную думу.

Но тучи реакции сгущаются над революционными силами Симбирска. Царизм уже торопился отобрать у грудящихся демократические завоевания. «В начале 1906 года в нашем земстве, — вспоминал Дмитрий Ильич, — появились другие веяния, реакционеры подняли голову, как и всюду, и почти единогласно провалили нашу санитарную организацию».

Земские санитарные врачи оказались без работы. Рухнули многие ценные начинания. Мало того, демократически настроенным врачам было отказано в службе вообще. А начальник жандармского управления полковник Ловягин велел передать Ульянову и Соловьеву, что за их безопасность он не ручается. Намек прозрачный. Уж теперь-то охранка повод для расправы найдет быстро.

Обстоятельства вынудили Зиновия Петровича уехать в Самару, но там он был схвачен и выслан в Усть-Сысольск Вологодской губернии. А Дмитрий Ильич решил перебраться на Украину, в Синельниково.

Постоянной работы не нашлось. Временно предложили должность санитарного врача. Дмитрий Ильич согласился. За четыре месяца он объездил многие населенные пункты Екатеринославской губернии. Он изучает целебные свойства

черноморских и азовских лиманов, обследует санитарное состояние Геническа.

В Синельникове Дмитрий Ильич близко сошелся с давним знакомым еще по Одессе, губернским санитарным врачом Антоном Андреевичем Дзевановским. Общие научные интересы, беззаветная преданность делу народного здравия, недовольство порядками в медицинском обслуживании трудящихся делали их совместную работу увлекательной и плодотворной. Они задумали разработать проект искоренения эпидемий в Причерноморье. Здесь, как и в Поволжье, свирепствовали холера и чума. Более того, огромное число сезонных рабочих (в иные годы до 50–60 тысяч) разносило болезнь по всей России. Нанимались они в помещичьи и кулацкие хозяйства, занимались разведением трудоемких культур: табака, винограда, лечебных трав, а содержались в самых отвратительных антисанитарных условиях.

Хотя проект по своей социальной сути был утопичным (упор делался на санитарное просвещение масс), Дмитрий Ильич охотно взялся за его реализацию, приступил к сбору необходимых статистических данных.

Но работу не пришлось завершить.

ЛИПИТИНО

От знакомого москвича, гостившего в Синельникове, Дмитрий Ильич узнал, что в селе Липитине Московской губернии есть вакансия земского врача.

Ульянов пишет прошение. Губернское медицинское управление ответило быстро. Да, вакансия есть, а чтобы не терять время на формальности (на утверждение кандидатуры губернатором), Дмитрию Ильичу предлагают немедленно убыть к месту службы: Серпуховский уезд, станция Михнево Рязанско-Уральской железной дороги, Липитинский земский пункт.

В начале июля 1906 года Дмитрий Ильич приезжает в Липитино.

Виктор Порфирьевич Шумов, уездный врач, вводит его в курс дела: знакомит с нехитрым хозяйством амбулаторного пункта, вручает ключи от квартиры, предлагает не мешкать с приемом больных. Что же касается «губернаторского соизволения», Шумов просит не беспокоиться, отказа не будет: хороших врачей сюда калачом не заманишь.

Уже на следующее утро Дмитрий Ильич начал прием больных.

Кажется, все складывалось как нельзя лучше. Село, конечно, не ахти какое: черные, покосившиеся от времени избы, скудные наделы земли, глинистая почва.

Близкое соседство с Москвой радовало Дмитрия Ильича: он стремился восстановить связь с местным партийным комитетом и снова активно включиться в его работу.

Вскоре Мария Александровна получила от сына первую весточку.

«Дорогая мамочка!

Извини, что давно не писал тебе; все был занят перевозкой и устройством на новом месте. Теперь кое-как устроились, приехала Тоня и приводит тут все в порядок; хотя нет еще прислуги, трудно найти теперь, пока полевые работы.

Я уже больше недели как начал прием больных, — пока дело, конечно, только еще налаживается или начинает налаживаться.

Живем посредине села; домик — ничего себе, но все-таки и тесновато и неудобно…

Местность тоже не очень важная, хотя все-таки на пригорке и маленькая речонка есть, так что как-никак можно и купаться…

Теперь жду ответа от губернатора об утверждении меня, вероятно, уже скоро что-нибудь получим. Пока крепко целую тебя и Маню, привет нашим.

Твой Дм.».

Он был уверен, что письмо прочтет не только мать, но и брат. Владимир Ильич, хоть и жил нелегально, время от времени посещал Саблино. Но эти приезды были кратковременными, на час-два, чтоб не успели заметить шпики. Он уже знал, что еще в январе 1906 года полиция послала отношение прокурору Петербургской судебной палаты с предложением арестовать Ленина и содержать его под стражей.

Из-за Владимира Ильича Мария Александровна оставалась пока в Саблине. Зять и старшая дочь уже давно не служили в Питере. Зимой за организацию политической стачки на железной дороге Марк Тимофеевич был арестован. И все же жандармскому управлению не удалось найти улик против Елизарова. Он был выпущен на свободу, однако с работы его уволили. Отныне ему было запрещено служить на железных дорогах. Марк Тимофеевич уехал в Сызрань, где стал редактировать газету «Сызранское утро». Вскоре к нему переехала Анна Ильинична. Из Сызрани они перебрались в Самару, звали к себе Марию Александровну. Мать все откладывала свой отъезд. Ее тревожила судьба всех детей, но больше всего старшего сына. Хорошо, хоть у Мити складывались дела благоприятно. Так она считала…

На самом же деле устройство Дмитрия Ильича затягивалось. Московский губернатор не торопился утверждать врача Ульянова в должности. Он запрашивает Департамент полиции, кто такой Ульянов, благонадежен ли он в политическом отношении? Оттуда ответили, приложив перечень «крамол» с указанием, где и когда этот господин привлекался к ответственности.

Утверждение было отложено. А медицинское управление настаивало все-таки «решить вопрос об Ульянове положительно». Ведь с первого дня новый врач выполняет свои обязанности со знанием дела. О таком специалисте уезд давно мечтает. И тогда управление направляет запрос симбирскому губернатору. Тот — надо отдать ему должное — написал отличную характеристику, а самое важное, удостоверил, что за время службы в Симбирской губернии Ульянов к суду не привлекался. Это и решило исход дела.

На аванс (деньги выплатили за полгода вперед) Дмитрий Ильич покупает ружье и оркестран (гармонику) — вещи, как он считал, необходимые для отдыха сельскому врачу. Уже к осени он обошел многие уголки уезда, особенно полюбились ему окрестные леса, места ягодные и грибные.

Вечерами, когда заканчивался прием больных, он брал в руки оркестран и на слух разучивал мелодии. В большинстве это были русские народные напевы, неторопливые и грустные.

Все, казалось, стало на место. Заработок постоянный. Квартира казенная. Питание хорошее. И Москва рядом.

В один из воскресных дней Дмитрий Ильич сделал первую вылазку в столицу. У него был конспиративный адрес, который ему передала Анна Ильинична, — к связной Московского комитета РСДРП Софье Николаевне Смидович. Член партии с 1898 года, стойкая большевичка, Смидович работала пропагандистом в рабочих кружках Москвы, выполняла ответственные поручения Ленина. От нее Дмитрий Ильич надеялся получить исчерпывающую информацию о деятельности партии, чтобы сразу же после вынужденного перерыва вернуться к партийной работе.

Приезд в Москву оказался в общем-то удачный. Софья Николаевна только что вернулась из Питера, виделась с Владимиром Ильичем, получила для комитета инструкции о действиях большевиков по отношению ко II Государственной думе.

Она предложила Дмитрию Ильичу собрать данные о нуждах крестьян Московской губернии, чтобы затем подготовить текст листовки. В России поднималась волна крестьянских выступлений. Всюду им нужно было придать организованный характер. Российский крестьянин прозревает, тянется к политике. Эсеры пытаются укрепить свое влияние на крестьянство. Поэтому нужна боевая, наступательная пропаганда идей большевизма на селе. Первой ласточкой в этом деле стала брошюра Ленина «О нашей аграрной программе».

Софья Николаевна назвала Дмитрию Ильичу адрес, где он мог бы брать литературу для крестьян. По этому адресу он и отправился. Но нужного человека на месте на оказалось. Мало того, на Павелецком вокзале он обнаружил за собой «хвост». Пришлось возвращаться в город, менять извозчиков, отрываться от шпика.

Спустя неделю земский врач Ульянов был вызван в Серпухов. Уездный исправник полковник Плысковский объяснил, что люди с чистыми намерениями, будучи в столице, побеги с вокзалов не устраивают. Исправник предупредил, что он не намерен играть в «кошки и мышки» и если господин Ульянов желает сохранить за собой должность земского врача, о недозволенной властями деятельности должен забыть раз и навсегда.

В душе Дмитрий Ильич поблагодарил исправника за столь своевременное предупреждение. Он выполнил задание Софьи Николаевны, а заодно передал, что за пунктом хранения нелегальной литературы установлена слежка, может, неопытный связной провалил дело, а может, что еще хуже, в организацию

внедрен провокатор. Тогда Дмитрий Ильич мог только догадываться о провокаторстве. Как выяснилось позже, в Московский комитет в ту пору под видом рабочего-большевика проник секретный агент царской охранки Малиновский, который раскрыл фактически всю партийную организацию с ее базами, явками, связными.

По случайности Дмитрий Ильич избежал ареста, но в досье московской охранки появилась запись о том, что, проходя земскую службу в Липитине, Ульянов «находился в постоянной связи с центром большевистской организации».

Охранке удается перехватывать некоторые письма. Большинство их идет по известному адресу: Ульянову, или Крупской, или же сестрам Ульяновым. Опытный конспиратор, Дмитрий Ильич не давал повода заподозрить себя в том, что его письма касаются партийных дел.

29 ноября 1906 года он пишет старшей сестре, приехавшей в Саблино навестить мать:

«Дорогая Анечка!

Большое спасибо тебе за присылку «Газеты Шеб.». Я получаю «Век» (вместо «Пути»), это лучшая газета в Москве.

В Москву часто ездить не удается, раз, редко *2* раза, в месяц; обычно бываю у Лев. (В. А. Левицкого, санитарного врача Подольского уезда. — *Б. Я.*), но в последний раз ездили с Тоней вдвоем на 2 дня и останавливались в номерах, были в Художественном театре «На дне» и в Большом на «Русалке»; мало знакомых в Москве, а зимой здесь в деревне скучненько, хотя сейчас больше дела и часто приходится ездить по вечерам к больным — осень ужасно мокрая и благоприятствует всяким заразам.

Последнее время меня то и дело куда-нибудь таскают: вечером услышишь стук в дверь и вздрогнешь, как виноватый, так и знай, куда-нибудь ехать; как-то в 3 часа ночи позвали, — я зачитался, только потушил свечу и уже заснул — на роды; к счастью, все обошлось благополучно. Так вот постоянно бывает, — временами как будто и дела совсем нет, скучаешь; а то и сразу и туда и сюда и приемы большие. Нет, скверно зимой в деревне в общем…

Вашим письмам бываю очень рад, не поленитесь как-нибудь подробнее написать о себе и своих делах.

Маня пусть напишет и не сердится на меня, что я ей не пишу нынче особо; о чем же писать? Ведь здесь деревня на симбирскую и самарскую непохожа, совсем другой тип — подмосковной грязной слободки.

Целую тебя и Маню. Тоня тоже.

Желаю всего лучшего. Твой *Дмитрий».*

Весной 1907 года в Липитино приехала погостить Мария Александровна. С ней была Анна Ильинична. Мать и сестра общими усилиями навели в квартире порядок и уже спустя несколько дней знакомились с окрестными полями и лугами.

Пока гостили мать и старшая сестра, Дмитрий Ильич съездил в Москву, привез велосипед. Он так увлекся этой покупкой, что, казалось, ничего не замечал вокруг. Строил планы объехать чуть ли не полгубернии: Хатунь, Серпухов, Подольск. Благо уже кое-где есть шоссейная дорога.

В это время Владимир Ильич вернулся из Лондона, где участвовал в работе V съезда партии, и теперь с Надеждой Константиновной отдыхал около Выборга, на даче профессора Н. М. Книповича. Узнав, что мать гостит у брата, он пишет в Липитино:

«Дорогая мамочка! Давно не писал тебе ничего. Анюта рассказала, верно, про наш план устройства на отдых. Я вернулся страшно усталым. Теперь отдохнул вполне. Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего. Еще надеюсь пробыть недели две, а потом вернуться за работу. Надя и Елиз. Вас. здоровы и отдыхают чудесно. Как вы там все устроились? Здорова ли ты? Виделась ли с Анютой и где она, у вас или у Марка теперь? При случае черкни мне или попроси Митю черкнуть несколько слов.

Крепко обнимаю тебя. Твой *В. Ул.*

Мите и его жене большой привет от меня»[21].

И ни слова о съезде. Но между строк все же о главном («вернулся страшно усталым» и «отдых чудесный»): съезд был трудный, но почти по всем вопросам повестки работы съезда победили большевики, иначе ни о каком чудесном отдыхе не могло быть и речи.

Около Выборга Владимир Ильич отдыхал недолго. Охранка выследила его и потребовала от правительства Финляндии выдачи Ленина.

В Москве следствие также занималось Лениным. Его искали в Московской губернии, в том числе у брата. Но тщетно. «Владимир Ильич Ульянов на жительстве в Москве не значится».

Прошла осень. Наступил декабрь. Ударили морозы. Мария Александровна переехала в Питер. Там уже находились ее дочери.

Дмитрий Ильич спешит им выслать немного денег, благо теперь заработок у него приличный.

«Дорогая мамочка!

Вот я уже опять за своими делами. Пробыл 3 дня в Серпухове, затем ездил в Хатунь и Турово к Екатерине Андреевне

(двоюродной сестре. — *Б. Я.*).

На днях освободится и приедет Тоня. Как вы живете там в своей квартире? Здесь продолжаются холода — у нас по утрам в столовой 7°, в маленьких комнатах еще холоднее, продувает невероятно.

На первый и второй праздники собираюсь ехать в Хатунь; там устроили каток и все катаются на коньках…

Получила ли деньги, я не имел еще письма от тебя и не знаю.

Целую тебя и Аню с Маней, привет нашим (Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне. — *Б. Я.)* и Е. В. (матери Н. К. Крупской. — *Б. Я.)*.

Твой *Дм. Ул.».*

«Привет нашим» передать уже было почти невозможно. В России наступала реакция. В петербургских газетах объявлен розыск Ленина-Ульянова. Владимир Ильич вынужден в конце 1907 года перебраться в Женеву. С болью в сердце покидал он Россию, ощущая всю горечь поражения революции.

Но отчаиваться было нельзя и некогда. Вскоре он принимается за разгром махистов — пишет «Материализм и эмпириокритицизм».

Книгу требовалось издать как можно быстрее. Ускорить издание могла Анна Ильинична. По просьбе брата осенью 1908 года она поселяется в Москве, начинает переговоры с книгоиздателями.

Близкое соседство с Липитином придавало ей силы. Как поднадзорному, Дмитрию Ильичу трудно было делать наезды в Москву, но он всегда ждал сестру. И не только он. Здесь все лето жила Мария Александровна. Она знала, что в настоящее время больше всего в ее присутствии нуждается младший сын. И тем не менее: «Теперь будем перебираться в Москву…» — пишет она в Женеву и тут же словно оправдывается: «Кочую я все это последнее время, ну, да это все пустяки…» Она советует сыну не слишком много сидеть за работой: «Это вредно для тебя, надо больше отдыхать, гулять, не забывай этого, прошу тебя».

И сын ее успокаивает: да, он отдыхает. Мало того, собирается прокатиться в Италию, да не один, а дождавшись Маняшу. И здесь же спрашивает: «Почему бы и Мите не приехать сюда? Надо же и ему отдохнуть после возни с больными. Право, пригласи его тоже, — мы бы великолепно погуляли вместе. Если бы затруднились из-за денег, то надо взять из тех, которые лежат на книжке у Ани. Я теперь надеюсь заработать много.

Отлично бы было погулять по итальянским озерам. Там, говорят, поздней осенью хорошо. Анюта приедет к тебе, верно, скоро, и ты тогда посылай и Маняшу и Митю»[22].

Предложение было заманчиво. Конечно, недурно вырваться за границу, отдохнуть. Но работа… К этому времени Дмитрий Ильич по совету Зиновия Петровича Соловьева (он изредка присылал письма), а также по настоянию Антона Андреевича Дзевановского (обосновавшегося в Крыму) продолжил бактериологические исследования, на этот раз на основе статистических данных по Московской губернии. Выяснилось, что холера и чума периодически обрушиваются на районы Центральной России, особенно в жаркие сухие месяцы. Результаты исследований и предварительные выводы Дмитрий Ильич изложил в служебной записке губернскому медицинскому управлению. Запиской заинтересовались. Пообещали поддержать…

А что же касается поездки в Италию, то с собой нужно было везти уйму денег. А такой роскоши Дмитрий Ильич себе позволить не мог. В этот год расходы были слишком велики. Предполагавшаяся поездка в Женеву и Париж младшей сестры, устройство в Москве старшей. Раньше большую часть расходов брал на себя Марк Тимофеевич, но сейчас у него у самого безденежье; после газеты он работал разъездным страховым агентом.

28 сентября 1908 года Дмитрий Ильич пишет в Женеву:

«Дорогой Володя!

Ты зовешь меня вместе с Маней попутешествовать по Северной Италии; большое спасибо — конечно, это было бы весьма недурно, но мне не удастся. Отпуск могу взять только в ноябре и, вернее всего, поеду в Екатеринослав — отпуск только на один месяц.

В январе 909-го года мне разрешено воспользоваться трехмесячной научной командировкой — проектирую заняться в Москве бактериологией и чем-нибудь попутно еще.

Что касается всевозможных прогулок, то об этом почаще надо думать вам с Н. К. и Мане, а для меня в этом недостатка нет, — уж что другое, а гуляю-то вдоволь и с ружьем и на велосипеде. Нынешнее лето изъездил на велосипеде по своему циклометру тысячу верст, из которых %-ов 70 по проселкам. Теперь и холодно и грязновато, больше с ружьем, хотя дичи здесь мало и достается не без труда.

Крепко жму руку и желаю получше отдохнуть, привет Надежде Константиновне и Е. В.

Твой *Дм. Ул.».*

Дмитрий Ильич стал чаще вырываться в Москву. Теперь у него был веский повод: проведывал родных. Той же осенью он прочитал в рукописи новую книгу брата. Идеи книги были ему

близки и понятны. Почти десять лет назад, в письме из Шушенского, Владимир Ильич посоветовал брату обратить внимание на «эмпириомонизмы» Богданова. С тех пор «новейшие течения в философии» не исчезают из поля зрения Дмитрия Ильича.

Зима 1909 года выдалась неустойчивой. Частые оттепели способствовали широкому распространению инфекционных заболеваний. Особенно свирепствовала инфлюэнца (вид гриппа. — *Б. Я.*). Дмитрий Ильич сбился с ног, торопясь к больным. Бывали такие недели, когда отдыхать удавалось пять-шесть часов в сутки. Инфлюэнца не обошла и Ульяновых. Сначала заболела Мария Александровна, затем слегла Анна Ильинична. Дмитрию Ильичу приходилось врачевать и в Липитине и в Москве. В апреле 1909 года мать и старшая сестра выезжают в Крым на лечение. Издательские дела брата берет на себя Дмитрий Ильич.

А научно-исследовательская работа не продвигалась. Зато, поощряемый Софьей Николаевной Смидович, он собирает материалы о революционной деятельности брата Александра. Появилась возможность издания их отдельной брошюрой.

И вдруг 11 мая — среди ночи обыск. Впрочем, обыск был не «вдруг». Дмитрий Ильич ждал незваных гостей к 1 мая. В Серпуховском уезде появились прокламации, призывавшие отметить день Международной солидарности трудящихся. Уездный исправник решил «тряхнуть» земского врача Ульянова.

Обыск, по существу, ничего не дал. В квартире были обнаружены политические книги и брошюры в количестве 127 экземпляров, но их нельзя было причислить к нелегальным — когда-то они продавались свободно. И все же одна улика давала полиции основание доложить московскому губернатору: «Врач Ульянов производит впечатление человека безусловно политически неблагонадежного и крайне конспиративного». Такой уликой явились два листа корректуры (без указания типографии) «Жизнь Александра Ильича Ульянова».

Теперь охранка слежку вела открыто. Каждая поездка в Москву фиксировалась, даже каждый выезд на велосипеде куда-нибудь в Хатунь или Подольск отмечался уездным исправником.

Демонстративное преследование выводило из равновесия. Крепло неодолимое желание сменить место жительства. Где-то в Царицыне появилась вакансия санитарного врача. Он пишет прошение. Краем уха услышал, что требуется врач в Саратове. И туда пишет. Написал в Синельникове Но отовсюду отказы.

Неважное настроение усугубило письмо младшей сестры: она почувствовала себя плохо, просила назначить ей лечение.

Затем пришло письмо от Володи.

«Дорогой Митя! Маняша уже писала тебе о своей болезни. Хочу посоветоваться и я. Доктора нашли у нее воспаление отростка слепой кишки (аппендицит, — кажись, так?). Спросил очень хорошего здешнего хирургу Подтвердил: аппендицит. Советует операцию. Говорят все, что безопасно и излечивает радикально.

Этот хирург… всеми восхваляется. Недавно сделал операцию (ту же) жене приятеля — превосходно; чайная ложка крови; через 8 дней вставать начала. Лечебница хорошая.

Припадок сейчас несильный. Повышения температуры *нет,* Боли не очень сильные. Прошу тебя *немедленно* мне ответить: я склоняюсь к операции, но без твоего совета боюсь решить. *Отвечай немедленно.*

Что операцию сделают здесь хорошо, это несомненно. Ехать куда-либо до операции доктор не советует.

Маме не пишу, ибо боюсь напугать ее зря. Опасности никакой, — Маняша даже не лежит все время, — Анюте тоже не пишу, ибо мама может прочесть.

Напиши, пожалуйста, Марку и — через него (если можно так, чтобы не пугать маму) — Анюте. Но лучше, пожалуй, в Крым не писать вовсе, ибо они перепугаются.

Итак, жду ответа: советуют ускорить операцию здесь. Советуешь ли и ты.

Жму руку. Твой *В. Ульянов»*[23].

Дмитрий Ильич немедленно садится за ответ и, к счастью, успевает. Уже во второй половине июля Мария Александровна получает в Алупке разъяснительное и успокоительное письмо от Владимира Ильича.

«Дорогая мамочка!.. Мы едем да отдых в Бретань, вероятно, в эту субботу… Маняша поправляется быстро: теперь я могу тебе рассказать про *то, что было.* У нее *был* аппендицит, т. е. воспаление отростка слепой кишки… Посоветовавшись с Митей и с лучшими здешними врачами, мы решили операцию сделать тотчас. На неделю поместили Маняшу в хирургическую лечебницу *(очень* хорошую). Операцию сделали *очень удачно:* через неделю Маняша уже вышла из лечебницы и теперь третий день у нас дома. Уже ходит и ест все…

Не сердись, что не писал сразу о Маняше.

Твой *В. У.»*[24].

До сих пор Дмитрий Ильич врачевал всех Ульяновых, а в январе самому и надолго пришлось лечь на больничную койку.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

У высокого крыльца амбулаторного пункта незнакомый кучер осадил разгоряченную лошадь.

— Беда, Митрий Ильич, беда! — и стал сбивчиво объяснять, что от дифтерии умирает дочь начальника железнодорожной станции.

Спустя несколько минут Ульянов уже сидел в санях. Мороз обжигал щеки, забивал дыхание. В трех верстах от станции Михнево на крутом повороте сани опрокинулись, и кучер вместе с врачом полетели в овраг…

Очнулся Дмитрий Ильич уже в больнице, попытался приподняться — острая боль обожгла тело. И вспомнил, как торопился на вызов.

В палату вошел Виктор Порфирьевич Шумов. Без всяких околичностей он объяснил, что сломана нога и вывихнута ключица. Но шины наложены хорошо, можно надеяться, что кости срастутся.

— Что с кучером? — спросил Дмитрий Ильич.

— Кучер ваш целехонек.

О несчастье с младшим братом стало известно Анне Ильиничне, и она немедленно сообщила об этом Владимиру Ильичу по его новому адресу — в Париж. Владимир Ильич прислал в Липитино ободряющее письмо.

«Дорогой Митя! Получил довольно давно твое письмо (а потом и «Ниву» с задачкой) и, к стыду моему, опоздал ответом. Как идет твое выздоровление? Надеюсь, врачи-то уже бывают осторожны и не позволяют себе браться за дела раньше полного выздоровления? Я здесь частенько думал об опасности аварий, когда на велосипеде ездил по центру Парижа, где движение дьявольское. Но в деревне, зимой вывалиться так, как ты! Должно быть, лошадь совсем бешеная и езда была бешеная тоже?

Черкни как-нибудь, вполне ли поправился. Анюта писала, что ногу надеются вылечить (вполне ли? можно ли будет ездить на велосипеде?), а плечо нет. Так ли это? Мне что-то не верится, чтобы вообще нельзя было вылечить сломанную лопатку. Надо уже основательно взяться за лечение и вылечиться до конца.

Насчет Маняши думаю, что хорошо бы ей летом отдохнуть подольше. Мама тоже про это пишет, но боится, что не вытащит ее… А следовало бы.

У нас все по-старому. Жизнь тихая. Погода стоит такая хорошая, что я собираюсь взяться опять за велосипед…

Жму крепко руку. Выздоравливай скорее и основательнее.

Наши все шлют привет.

Твой *В. У.»*[25].

Письмо было датировано 13 февраля 1910 года. Его привез сам лачальник станции, чью дочь ехал спасать врач Ульянов. Ульянов напомнил гостю, что за корреспонденцией подобного рода следят и поэтому ему, государственному чиновнику, рисковать не стоит. Гость согласился, но тем не менее предложил свои услуги в случае надобности.

После его ухода Дмитрий Ильич еще долго не гасил лампу, составлял шахматные задачи. Это занятие немного отвлекало от ноющей боли. Дмитрий Ильич вспомнил одно женевское кафе, где четыре часа подряд они с Владимиром Ильичем сидели за одной партией. «Играет ли сейчас Володя?»

Вскоре пришло еще одно письмо из Парижа.

«Дорогой Митя, — писал Владимир Ильич. — Получив твою задачку, я чуточку «раззадорился» на шахматы, — а то было совсем, совсем все перезабыл. Не играл, кажись, год, а всего за последние годы сыграл несколько «гусарских» и полугусарских партий. Задачку твою я решил легко…

Ну, как идет выздоровление? Вполне ли выправилась нога и лопатка? Скоро ли опять ходить и ездить будешь?

Жму руку. Твой *В. У.»*[26].

На этот раз письмо доставил станционный кучер. Он поблагодарил Дмитрия Ильича за внимание к нему, справился о здоровье и, узнав, что у того все еще болит нога, посоветовал податься в Бессарабию или в Таврию. Об этом Дмитрий Ильич сам подумывал.

Своими соображениями он решил поделиться с Анной Ильиничной. Гуляя на Воробьевых горах, они обсудили план поездки в Таврию.

Из сообщений агентов ЦК, побывавших в Крыму, Анна Ильинична знала, что таврические большевики понесли огромные потери. Разгромлены типографии в Керчи и Евпатории. Прекратила свое существование газета «Солдат», выходившая в Севастополе. Несколько товарищей в глубоком подполье работают в Симферополе. К одному из них у Анны Ильиничны имелся пароль. Этот пароль она и сообщила брату. Но чтобы успешнее действовать, нужно надежное прикрытие — работа по специальности.

Дмитрий Ильич пишет Дзевановскому: есть мысль выехать в Крым, поправить здоровье, а заодно потрудиться на врачебном поприще. Антон Андреевич с ответом не задержался. Он сообщил, что Таврическому земству нужен санитарный врач.

Дмитрий Ильич написал прошение с просьбой разрешить

выезд из Серпуховского уезда. Тут последнее слово за охранкой. Досье пухло от всевозможных характеристик, вроде той, которую совсем недавно дал местный пристав: «врач Серпуховского уездного земства Дмитрий Ильич Ульянов поведения и нравственных качеств хороших, но в политическом отношении неблагонадежен…»

Дмитрий Ильич пишет на имя начальника Московского жандармского управления генерал-лейтенанта Черкасова. Серпуховский исправник полковник Плысковский вызвал к себе Дмитрия Ильича и, не пряча злорадной усмешки, заявил, что цель выезда ему понятна — освободиться от внимания полиции. Но полковник тем не менее пообещал, что прошение будет рассмотрено и осенью или зимой, а вероятнее всего, весной следующего года власти разрешат выезд.

И Дмитрий Ильич стал ждать. Когда наступила долгожданная весна «следующего года», Плысковский снова пригласил поднадзорного на беседу. И на этот раз полковник ничего не сказал обнадеживающего, но дал совет, как он сам считал, чрезвычайно дельный: отказаться от идей социализма — и тогда будет обеспечено место врача хоть в самой столице Российской империи. Только одно условие: выступить публично.

Дмитрий Ильич с явным интересом, внешне хладнокровно, выслушал Плысковского, на предложение ответил вопросом:

— Вот вы, господин полковник, могли бы отказаться от генеральского звания?

— Так у меня его нет! — воскликнул Плысковский.

— А зачем же вы мне предлагаете невозможное?

«Делового разговора» не вышло. Ульянов опять напомнил, что ему совершенно необходимо выехать в Крым на лечение. Плысковский посоветовал набраться терпения и ждать, ведь о нем не забывают. О нем справляются даже высокие начальники: как, мол, ведет себя после обыска.

Земского врача Ульянова действительно вспоминали в Московском жандармском управлении всякий раз, когда удавалось перехватывать письма Ленина. Охранка пыталась расшифровать истинное содержание ленинских посланий. Многих писем не получила Мария Александровна, а ведь она больше всех ждала весточки из-за границы.

«Дорогая мамочка! — писал Владимир Ильич в Саратов. — Сейчас получили твое письмо. Надя очень благодарит и шлет привет. Что до меня касается, то я тороплюсь исправить недоразумение, которое, оказывается, невольно вызвал. Пожалуйста, не посылай мне денег. Теперь нужды у меня нет. Я писал, что не устраивается ни книга, ни статья — в одном из

последних писем. Но в последнем письме я уже писал, что статью, говорят, принимают. О книге я написал Горькому и надеюсь на благоприятный ответ. Во всяком случае *теперь* мое положение не хуже; теперь нужды нет. И я очень прошу тебя, моя Дорогая, ничего не посылать и из пенсии не экономить. Если будет плохо, я напишу откровенно, но теперь этого нет. Издателя найти нелегко, но я буду искать еще и еще, — кроме того, я *продолжаю* получать то «жалованье», о котором говорил тебе в Стокгольме. Поэтому не беспокойся, пожалуйста.

Маняше Надя писала дважды, пишет сегодня третий раз. Получает ли письма Маняша?

Очень рад, что Митя шлет хорошие вести насчет своего перевода…»[27]

Копия письма не случайно оказалась в московском сыскном отделении в «Деле Д. И. Ульянова». Письмо проливало свет на материальное положение Ульяновых. Из его содержания следовало также, что Ленин благосклонно относится к переезду брата в Крым. И охранка подозревала, что переезд Ульянова-младшего продиктован партийными интересами.

В начале 1911 года Московское жандармское управление запросило из Таврии справку о местных политических партиях. Оказалось, наибольшим влиянием среди населения пользовались мелкобуржуазные партии. Среди них первое место занимали социалисты-революционеры. Что же касается РСДРП, то она в Крыму, по оценке охранки, представлена была только меньшевистскими организациями. О большевиках же не упоминалось вообще. Крым, как место отдыха царской семьи и высшей знати империи, от большевизма считался очищенным.

Московское жандармское управление наконец-то выдало разрешение на выезд врача Ульянова в Таврию.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С КРЫМОМ

12 апреля 1911 года Дмитрий Ильич приехал в Крым. Он вышел из вагона и не спеша отправился в город.

Дмитрий Ильич разыскал дом Дзевановского. Жаль, Антона Андреевича на месте не оказалось — он был в отъезде. В тот же день Дмитрий Ильич сходил в губернскую управу, справился насчет вакансий. Инспектор врачебного отдела предложил написать прошение.

Порядок есть порядок. Был он установлен после 1905 года: без предварительной проверки никого на службу не принимать. Мало того, нужна рекомендация влиятельных лиц, в противном случае специалист места не получит.

Дмитрий Ильич настроился, решил дождаться Дзевановского. Из бесед в управе он узнал, что Антон Андреевич, занимая скромную должность врача симферопольской городской больницы, пользуется большим авторитетом среди местной интеллигенции, ведет активную общественную работу.

Вскоре Дзевановский вернулся в Симферополь. Он брался уладить дела Дмитрия Ильича. Особую надежду Антон Андреевич возлагал на пироговцев.

Дзевановский имел в виду Пироговское общество. Оно было основано в 1883 году и вначале представляло собой узкопрофессиональную врачебную корпорацию, во главе которой стояли преимущественно реакционные, связанные с дворянством и капиталистами, деятели медицины. К началу XX века общество пополнилось радикально настроенными земскими врачами и в некотором отношении представляло оппозицию царскому самодержавию.

Надо выбрать место. Лучше бы, конечно, в Севастополь. Там гарнизон, там рабочие. Можно остаться в Симферополе. Как-никак губернский город. Но вакансия была только в Феодосии. Там требовался санитарный врач. Это был самый крупный уезд губернии и самый запущенный в санитарном отношении. Дмитрий Ильич был согласен ехать и в Феодосию, если, конечно, власти губернии не откажутся от его услуг.

Дзевановский сделал все возможное, чтобы назначение состоялось. На заседание Таврической земской управы он явился с товарищами по Пироговскому обществу. Среди них были фармацевт Семен Григорьевич Метт и губернский ветеринарный инспектор Александр Васильевич Рожко — люди в губернии известные и уважаемые. Как и предвидел Дзевановский, «психическая атака» на исполняющего обязанности начальника

губернского врачебного отделения Белиховского возымела свое действие. Вопрос о назначении Ульянова рассматривался в числе первых. Угодливо посматривая в сторону пироговцев, Белиховский огласил:

— Управа слушала прошение врача Дмитрия Ильича Ульянова о предоставлении ему места санитарного врача в одном из уездных земств Таврической губернии и определила: предоставить Ульянову место санитарного врача Таврического губернского земства по Феодосийскому уезду.

Однако утверждение задержалось надолго. Буквально на следующий день Белиховского вызвали к товарищу губернатора. Тот «для пользы дела» ознакомил руководящего земца с предписанием Московского жандармского управления. В нем врач Ульянов характеризовался весьма неблагонадежно в политическом отношении.

Исполняя указания охранки, губернские административные власти задержали утверждение Дмитрия Ильича на должность. Но и не отказали вовсе. Чиновники Департамента полиции, как выяснилось из переписки, наводили справки: является ли Ульянов членом партии большевиков? Может, он вообще отошел от политической деятельности? После поражения революции такие случаи не редкость.

Пока власти судили-рядили, допускать ли Ульянова к исполнению служебных обязанностей, Дмитрий Ильич время попусту не терял. Он знал, что в городе жили и боролись его товарищи по партии. И к одному из них, Тимофею Гавриловичу Багликову, бригадиру крымской трудовой артели, он имел пароль.

Иногда Багликов заходил в кофейню на Александро-Невской улице, возле редакции газеты «Южные ведомости». Там артельщики зачастую отмечали окончание щедро оплаченных работ. Полиция привыкла к их пиршествам. К тому же сам бригадир пользовался у полиции репутацией «своего» человека. Был он женат на сестре урядника, известного в Симферополе черносотенца. Дмитрий Ильич стал заглядывать в кофейню и вскоре по приметам узнал Багликова. Так состоялось знакомство. Но в кофейне разговора не получилось.

В воскресенье утром они увиделись снова, только теперь на берегу Салгира. Багликов сообщил, что в дальнейшем можно будет встречаться в подвале местной кофейни.

В этой кофейне предполагалось организовать типографию. Чтоб Дмитрий Ильич лучше представил условия, в которых вынуждены были действовать симферопольские большевики, Багликов назвал некоторые цифры. В городе тридцать

предприятий, около тысячи рабочих, а большевиков осталось всего девять человек. Остальные арестованы. Партийной организации, по существу, нет. После 1907 года симферопольские большевики дважды пытались связаться с керченскими товарищами. У тех была типография и довольно сильная партийная группа на заводе Бухштаба. Но оба раза подводили связные. Первый провалился по неосторожности. А вот второй как будто сделал все правильно, но почему-то керченский товарищ, хозяин явочной квартиры, вскоре после визита связного угодил на каторгу…

Рассказ Багликова заставил Дмитрия Ильича крепко задуматься. Нужно было создавать, по сути, новую организацию, и именно в Симферополе. Через Симферополь, как представлялось Дмитрию Ильичу, удобнее всего держать связь с уездами губернии. Из Симферополя в Москву, через Александровск и Харьков, шла прямая железнодорожная линия.

Работу по восстановлению и активизации большевистских организаций Таврии следовало начинать не мешкая, тем более что в Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии, Евпатории, Джанкое, на соляных промыслах Сиваша особенно активно действовали меньшевики и эсеры. Невдалеке показалась компания подвыпивших чиновников. Тимофей Гаврилович тотчас развернул принесенный с собой сверток, и в его руках оказалась бутылка «казенки».

— Сколько раз она маскировала нашего брата, — заметил он, нарезая сало.

Багликов искоса посмотрел в сторону расположившихся на траве гуляк. Пора было расставаться. Тимофей Гаврилович назвал Дмитрию Ильичу адреса явочных квартир. На них уверенно можно высылать из Москвы партийную литературу.

Наконец губернская управа утвердила Ульянова в должности санитарного врача, и Дмитрий Ильич, получив напутствие Дзевановского, в начале мая выехал в Феодосию.

Местные феодосийские власти проявили повышенный интерес к личности Дмитрия Ильича Ульянова. Врачи в уезде менялись довольно часто, и приезд еще одного в общем-то представлялся рядовым событием. Но при этом впервые на имя полицмейстера Феодосийского уезда поступило сообщение начальника жандармского губернского управления. Полковник Немирович-Данченко ставил в известность полицмейстера Попова о том, что врач Ульянов трижды арестовывался за революционную деятельность. Поэтому местной полиции предписывалось установить за новым врачом негласный надзор. Полицмейстер поручил исправнику Ионину следить за

Ульяновым и регулярно составлять отчеты о его деятельности.

Таким образом, Дмитрий Ильич еще не приступил к своим обязанностям, а за ним уже устанавливалась слежка.

На железнодорожной станции Аркадий Михайлович Чеглоков, один из уездных врачей, встречал гостя. Чеглоков пожелал новому коллеге успеха и благополучия на весьма тяжелом, но почетном поприще, затем предложил место на скрипучих дрожках.

День клонился к вечеру. Красное солнце освещало голые угрюмые холмы. Только внизу, у самой городской черты, зеленела узкая полоска виноградников.

Чеглоков стал рассказывать о здешних делах. И начал, как ему представлялось, с главного — с воды, недостаток которой ощущается всюду, и прежде всего в борьбе с эпидемиями. Вода поступает только из артезианских колодцев, а колодцы эти принадлежат частным лицам. Существует проект о передаче колодцев городским властям. Но против этого проекта ополчились владельцы. К сожалению, их поддерживают местные власти и даже некоторые медики.

По пути с вокзала дрожки остановил исправник Ионин. Он любезно представился Дмитрию Ильичу, справился о самочувствии, сказал, что в случае надобности он всегда к услугам господина Ульянова. Дмитрий Ильич догадался, что местный блюститель порядка давал понять, что в Российской империи, как ни велика она, каждый человек — под всевидящим оком.

Ионин козырнул и попрощался, но Аркадий Михайлович больше не вернулся к прерванной беседе. Много лет спустя он признается Дмитрию Ильичу, что тогда не на шутку испугался: не везет ли он переодетого жандарма? Время ведь было пасмурное, 1911 год.

Чтобы нарушить неловкое молчание, Дмитрий Ильич спросил коллегу, можно ли найти приличное, но недорогое жилье, семья у него небольшая — он да жена, а потом, может, приедут мать и сестры. Аркадий Михайлович помог Дмитрию Ильичу подыскать квартиру и маленькую дачу на берегу моря.

Из Феодосии Дмитрий Ильич разослал письма родным, товарищам по партии. Вскоре он сам получил весточку от Багликова. Тот просил, если представится возможность, наведаться в Симферополь: нужно посоветоваться по поводу очень важного дела. Значит, Багликов действовал. Но как быстро нужно ехать? Ведь сейчас вырваться в Симферополь не так-то просто. В уезде вспыхнула дизентерия. Очаг погасили. Да надолго ли? Жарко. Сухо. Воды не хватает. А без нее какая профилактика?

«ДАР БОГОВ»

В мае 1911 года Дмитрий Ильич обследовал санитарные условия рыбного завода в Сарайминской волости. Вышел на степной железнодорожной станции. До моря добирался пешком. А это более двенадцати верст. Еще издали увидел три серых деревянных сарая. В одном, как выяснилось, хранилась тара, в другом размещалась контора управляющего, в третьем была ночлежка: в два ряда стояли нары, кое-где перегороженные ситцевыми занавесками, около нар — ящики с утварью и продуктами, в углу — бочка с пресной водой, одна на всех обитателей барака.

Возле ночлежки играли дети. Их матери невдалеке солили рыбу. Все эти женщины попали сюда в поисках хоть какого-нибудь заработка. Платили им гроши.

Дмитрий Ильич подошел к работницам, поздоровался. Ответили вразнобой, не отрываясь от дела. Глаза спрятаны под косынками. Руки в рыбьей чешуе, воспаленные, разъеденные солью. Потихоньку разговорились. Рабочие объяснили, что рыбозавод пускают с начала путины, в марте. В октябре, когда с севера подуют штормовые ветры, завод закрывают. С рабочими производят расчет. Кто недоволен заработком и порядками, установленными управляющим, имеет право покинуть завод в любое время, но без расчета. Поэтому никто не жаловался — люди боялись потерять работу.

Дмитрий Ильич разыскал управляющего. Им оказался Карл Нейфельд, немец-колонист, полный, краснощекий, самоуверенный. Он следил за рыбаками, разгружавшими баркас. С тяжелыми корзинами на плечах рыбаки бреди по пояс в воде. Словно чувствуя на себе цепкий взгляд управляющего, старались держаться бодрей, не выдавали усталости. Они знали, что управляющий здесь и бог и судья.

Ульянов уже встречался с Карлом Нейфельдом в управе, куда того вызвали для объяснения по поводу массового отравления засольщиц. Тогда ничего от него не смогли добиться. Он твердил одно: дескать, сами виноваты, никто не принуждал их есть недоброкачественную рыбу.

А теперь новое происшествие. И снова на рыбозаводе. По поручению санитарно-исполнительной комиссии уезда Дмитрий Ильич выяснял обстоятельства, при которых вспыхнула эпидемия дизентерии.

Оправдываясь, Нейфельд говорил, что рабочие якобы сами не соблюдают правила гигиены, А то, что рабочий день длится на

заводе пятнадцать часов, что людям негде и некогда вымыться, что всюду антисанитарная обстановка, — об этом управляющий предпочитал молчать.

14 июня 1911 года состоялось заседание земской управы. Заслушали доклад членов комиссии о результатах обследования маслобоен, рыбных заводов, железнодорожных станций, жилых помещений рабочих, благотворительных приютов для детей и ночлежек для безработных. Председательствовал Княжевич, крупный феодосийский помещик.

Накануне заседания он пригласил к себе председателя санитарно-исполнительной комиссии Чеглокова и предложил убрать из доклада места, как он выразился, компрометирующие уезд. Чеглоков, пытаясь отстоять суть доклада, ссылался на то, что если не сказать о причинах заболеваний, значит, нельзя наметить эффективные меры по борьбе с инфекционными болезнями, и прежде всего с дизентерией и холерой.

И тем не менее из доклада были удалены разделы, в которых шла речь о неудовлетворительных санитарных условиях. Остались в основном общие рассуждения о пользе санитарного дела, о значении личной гигиены, о популяризации медицинских знаний.

Доклад, как и следовало ожидать, никого не тронул. Члены земской управы, разомлевшие от жары, дремали и мечтали только о том, чтобы скорее все кончилось и можно было утолить жажду в погребке купца Белязева. Наконец слово было предоставлено земскому санитарному врачу. Ульянов энергично поднялся, одернул тужурку и сдержанно и как будто спокойно начал говорить о том, что статистика массовых заболеваний, которую удалось составить к данному заседанию, подтверждает мнение ряда врачей о недостаточной помощи местному населению со стороны земства. А земство, как известно, имеет кое-какие административные права. Вот их и надо использовать. На пути распространения массовых заболеваний нужно уже сейчас поставить надежный заслон. Это вполне в силах земской управы. И Дмитрий Ильич предлагает:

Первое. Обязать предпринимателей выделять часть своего дохода на поддержание санитарных условий на фабриках и заводах, а также улучшить быт рабочих, и прежде всего установить санитарный контроль за качеством питания.

Второе. Увеличить количество медицинских учреждений и снизить стоимость питания в больницах примерно в два раза.

Третье. Передать городскую больницу в распоряжение земства.

— Господин Ульянов, — поднялся побагровевший Княжевич, — вы слишком много хотите.

Дмитрий Ильич с достоинством ответил, что это минимальные требования населения уезда и что требования эти управа может легко удовлетворить. В противном случае в уезде через каких-нибудь десять лет не останется рабочей силы. Особенно высока заболеваемость среди детей. И он привел данные исследования населенных пунктов, расположенных на Черноморском побережье уезда. Почти каждый второй ребенок болен либо туберкулезом, либо трахомой, либо цингой. А в летние месяцы при недостатке свежей питьевой воды большинство детей заболевают дизентерией. В этой связи особое значение приобретают источники водоснабжения. Кто и как ими пользуется?

Председатель заседания стал торопливо листать копию доклада, которую ему оставил Чеглоков. В докладе о воде ни слова.

— Факты общеизвестны, — говорил Ульянов. — Население уезда испытывает постоянную нехватку пресной воды. Большинство рабочих не имеет возможности хотя бы раз в неделю помыться — нет бани. Говорят: чистота — залог здоровья. Вот и давайте сообща бороться за нее, и мы победим не только дизентерию, но и холеру.

Дмитрий Ильич, возбужденный, как после боя, спустился с трибуны. Княжевич объявил перерыв. Он не смотрел в сторону Ульянова, которого уже окружили друзья и знакомые, поздравляли с блестящей речью, не то шутя, не то всерьез намекали, что «отцы города» не простят ему сегодняшнего заседания — зададут «баню».

G этого дня имя врача Ульянова стало в уезде известным.

Дмитрий Ильич не ограничился выступлением. Надо доказать, что вода — союзница в борьбе с массовыми инфекционными заболеваниями, когда ее нет, болезни, особенно в летнее время, распространяются беспрепятственно. И он пишет большую статью «Отчет о холерной эпидемии 1910 года в Феодосийском уезде». Статья была опубликована во «Врачебно-санитарной хронике Таврической губернии». Статью заметили. Губернские власти распорядились рассмотреть на заседании земской управы вопрос о водоснабжении на Керченском полуострове.

Прошло два месяца, как Ульянов впервые увидел Феодосию. Освоившись на новом месте, приглядевшись к крымской земле и ее природе, 26 июня 1911 года Дмитрий Ильич пишет Марии Александровне:

«Дорогая мамочка!

Сейчас получил твое письмо — ездил в город на велосипеде и заезжал в Управу. Ты жалуешься на пыль и жару. У нас еще хуже, чем в Бердянске. На окраинах много немощеных улиц, дуют страшные ветры, облака пыли носятся над городом и над дачами, даже ночью мало прохлады. В комнатах мухи. Одним словом, эта хваленая Феодосия хуже, чем Сахара.

Я живу на даче. Ветер рвет. Солнце жарит. Воды мало в городе, кажется, по копейке ведро. Ее берегут и не поливают даже главных улиц. Погребов при квартирах нет, несмотря на бешеные цены за эти квартиры.

Скучаю страшно по настоящей России с ее лесами, речками, ручьями, с шумной жизнью в лесах и в паче.

Из живых существ ничего порядочного нет — суслики, ящерицы, змеи, пауки…

А еще Феодосия — дар богов, пожалуй, это и дар богов, только глупцам. Крым, чтобы он действительно стал Крымом, что о нем воображают северяне, должен быть залит водой. Воду эту необходимо достать хоть из моря путем опреснения, хоть из облаков путем искусственной конденсации, во что бы то ни стало. А начать в широких размерах лесонасаждение, тогда это будет Крым, а не Сахара».

После заседания земской управы полицмейстер Попов направил начальнику губернского жандармского управления бумагу с изложением основных положений выступления Ульянова. Пока в губернии изучали донесение, Дмитрий Ильич оказался в центре событий, которые представляли для охранки первостепенный интерес.

В одном из писем Банников сообщил, что с Дмитрием Ильичом желает встретиться один местный товарищ. Подробности дела он расскажет при встрече.

Возле дачи Суворина Дмитрия Ильича остановил незнакомый человек. На вид ему было лет сорок, не больше. Ниже среднего роста, крепкого телосложения, с приплюснутым носом, он смахивал на борца из бродячего цирка. Человек назвал пароль и, получив отзыв, представился товарищем Хмелько.

На следующий день вечером Хмелько прокатил Дмитрия Ильича на байдарке, а заодно ввел его в курс партийных дел феодосийского подполья и просил договориться с поэтом Волошиным об оказании помощи социал-демократам. Если тот согласится, то на первых порах у него можно будет хранить нелегальную литературу, устроить партийную типографию.

С Волошиным Дмитрий Ильич лично не был знаком. Но с поэтом когда-то дружил близкий товарищ Дмитрия Ильича —

доктор Аскольд Иванович Теш. Он сейчас живет в Коктебеле, по соседству с Волошиным.

О Максимилиане Волошине Дмитрий Ильич слышал много любопытного. Он слыл человеком весьма оригинальным, в частности, много говорили о его знаменитом кабачке «Бубны», где на лето собирались декаденты со всей России.

Вскоре Дмитрию Ильичу представился случай посетить Коктебель. Но, к его огорчению, Максимилиана Александровича дома не оказалось: был он в Париже, на даче жила его мать Елена Оттобальдовна. В тот же день доктор Теш познакомил с ней Дмитрия Ильича.

Елена Оттобальдовна показала Ульянову дом и сад. Ульянов прикинул — в подвале вполне можно было хранить литературу и даже оборудовать типографию… Но матери поэта Дмитрий Ильич не рискнул объяснить цель своего приезда. Кроме того, публика, жившая на даче Волошиных, не внушала доверия. Здесь находились офицеры, мнящие себя любителями искусств. Не исключена возможность, что охранка имела в этой среде своих людей. Елена Оттобальдовна пригласила Дмитрия Ильича бывать у них в любое время. В Феодосию Дмитрий Ильич возвращался вместе с Аскольдом Ивановичем. Говорили о творчестве Волошина. Под размеренный цокот копыт декламировали его стихи:

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.
Она забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды:
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды…

В Коктебеле не удалось создать тайник для хранения партийной литературы.

Большой уезд, а иметь надежную базу негде. А она была нужна. Уже Багликов предупредил: ждите московский гостинец, но только по-братски поделитесь с Керчью.

В большевистских изданиях особую нужду испытывала партийная группа литейного завода Бухштаба — одного из немногих индустриальных предприятий Крыма.

А еще Багликов просил Дмитрия Ильича как можно скорее приехать в Симферополь.

ОПЫТ КОНСПИРАТОРА

Ульянов снимал квартиру в доме Мельникова по Рукавишниковской улице. Это были две маленькие уютные комнатки со старинной потрескавшейся мебелью. Окна выходили на восток. И рано утром солнце будило жильцов. Раньше всех просыпался Мельников, хозяин дома. Он возился в крохотном садике, ухаживал за цветами. Вскоре к этому занятию он пристрастил и Дмитрия Ильича. По утрам хозяин и квартирант, тихо переговариваясь, поили отдохнувшую за ночь зелень. К восьми часам отправлялись на службу: Дмитрий Ильич — в управу, Харлампий Дмитриевич — в нотариальную контору. Но сегодня вопреки правилу квартирант остался дома.

— Товарищи настоятельно зовут в Симферополь, — ответил он коротко на вопрос жены.

Антонина Ивановна понимала: если Дмитрия Ильича зовут, значит, он там очень нужен.

Вечером, когда хозяин возвратился из нотариальной конторы, Дмитрий Ильич сообщил, что едет по делам в Симферополь. Харлампий Дмитриевич попросил зайти к симферопольскому адвокату и передать оставленные им дарственные.

Дмитрий Ильич ночным поездом отбыл в Симферополь. Наутро, тщательно выбритый, в отутюженном костюме, он зашел к адвокату, передал ему документы от Харлампия Дмитриевича и заодно проверил, нет ли слежки. Потом направился на Бахчеевскую улицу, где жил Гордиенко, кум Багликова. Здесь он и встретился с Тимофеем Гавриловичем. Когда они остались в комнате одни, Багликов сразу же заговорил о главном. Оказывается, подпольщики, пытаясь выявить провокатора, сами попались на удочку охранки. Медведеву, одному из испытаннейших товарищей, пришлось покинуть город. Ошибка, допущенная при разоблачении провокатора, могла стоить ему в лучшем случае каторги.

Дмитрий Ильич внимательно слушал Багликова, по ходу разговора уточняя детали, старался представить себе, как было дело.

Багликов присмотрел на окраине Симферополя пустую дачу, затем нашел покупателя, какого-то московского коммерсанта, и указал ему адрес дачи. Подозреваемому в провокаторстве Иорданскому через Медведева сообщили приметы коммерсанта и приказ руководителя подполья: в седьмом часу вечера быть с велосипедом у дороги возле дачи. К нему подойдет человек (для Иорданского — связной ЦК) и спросит: «Чья это дача?»

Иорданский должен ответить: «Кажется, Сагинбекова». После этого неизвестный должен передать ему пакет. Иорданский вручит его Медведеву за городом в каменоломне.

Как и следовало ожидать, коммерсант не обратил на велосипедиста ни малейшего внимания. Он обошел дачу, сел в пролетку и возвратился в гостиницу. На следующий день Багликову стало известно, что в номере коммерсанта полиция произвела обыск. Итак, провокатор себя разоблачил. Теперь Медведеву предстояло допросить его и ликвидировать. Иорданский появился в назначенном месте. Медведев предложил ему войти в каменоломню, но тот, почувствовав опасность, быстро побежал к дороге. Медведев выстрелил ему вдогонку, но промахнулся. Иорданский больше не появился…

Рассказ Тимофея Гавриловича произвел на Дмитрия Ильича двойственное впечатление. Хорошо, что подпольщики сумели выявить провокатора. Но теперь вся партийная организация поставлена под удар. Ведь Иорданский не раз встречался с Медведевым и через него был связан с Багликовым. Многого Иорданский знать не мог, но тем не менее провокатора следовало уничтожить. Он мог появиться где-нибудь в Харькове или Ростове и попытаться вновь проникнуть в большевистское подполье.

Дмитрий Ильич решил немедленно поменять явки и обеспечить безопасность Медведева. Имелась возможность отправить его за границу. Для этого нужно было рублей триста.

Багликов также сообщил Дмитрию Ильичу, что с ним хочет увидеться матрос-большевик из Севастополя Иван Лозинский. Он уже здесь. Договорились встретиться вечером на этой же явочной квартире.

От Багликова Дмитрий Ильич направился к Дзевановскому, Антон Андреевич был дома, принял гостя радушно, сразу же повел на кухню, усадил за стол. Дмитрий Ильич выложил причину прихода: срочно нужны заимообразно деньги, хотя бы тысячи полторы. Такой суммы в доме не оказалось. Антон Андреевич попросил день-два подождать.

Но дело очень спешное, нужно помочь товарищу именно сегодня — и ни днем позже.

Дзевановский расспрашивать не стал, велел обедать одному, а сам стал быстро собираться: Симферопольский коммерческий банк закрывался рано.

Поздно вечером Дмитрий Ильич снова наведался к Гордиенко, где его уже поджидал Тимофей Гаврилович. Посреди комнаты, подвешенная к потолку, неровно горела керосиновая лампа. В углу под образами теплилась лампадка. И душистый запах масла ощущался во всей квартире.

— А я не с пустыми руками, — при этих словах Дмитрий Ильич выложил на стол пачку ассигнаций. Это были обещанные полторы тысячи для Медведева. Вместе с деньгами он передал зашифрованное рекомендательное письмо в Париж, в местечко Лонжюмо. Багликов пообещал, что через неделю Медведев будет в Стамбуле[28].

Под окном послышались чьи-то торопливые шаги. Вошел Лозинский. На нем была серая вышитая полотняная рубашка, шаровары, сапоги. В этой одежде он похож был на извозчика. Дмитрий Ильич крепко пожал ему руку.

Лозинский рассказал, что на кораблях Черноморского флота идет деятельная подготовка к вооруженному восстанию. Время выступления — весна 1912 года. На этом сроке настаивают меньшевики и эсеры. И так как их большинство, они намереваются руководство будущим восстанием взять в свои руки. Лозинский хотел знать на этот счет мнение большевистского ЦК и лично товарища Ленина — как действовать в этих условиях большевикам Севастополя. Матрос изложил план восстания. Революционные моряки захватывают основные корабли флота — броненосцы и крейсеры — и, опираясь на них, — средние и мелкие корабли. Затем присоединяют к восставшей эскадре флотские экипажи на берегу, солдат крепостной артиллерии и рабочих городских предприятий. Лозинский высказал уверенность, что к началу восстания на флоте в России сложится революционная ситуация, восставших поддержит крымский пролетариат, а затем и вся страна. Эсеры и меньшевики предлагали ограничить размеры восстания Крымом и в случае успеха потребовать от царского правительства политических уступок.

Сообщение Лозинского ошеломило Дмитрия Ильича. Он обещал как можно быстрее поставить в известность Ленина. Дмитрий Ильич попросил большевиков Севастополя проявить максимум осторожности и бдительности: не исключена крупная провокация.

В последних числах сентября 1911 года из Евпатории возвратился Хмелько, куда он ездил по заданию Дмитрия Ильича. Хмелько доложил обстановку. У евпаторийских товарищей дела шли неважно. Меньшевики, по существу, свернули подпольную работу. Новые ленинские работы к ним не доходят. И Хмелько сделал все, чтобы впредь большевистские издания попадали в нужные руки. Была подобрана явочная квартира для хранения литературы. Адрес ее знали только большевики. И все же некоторые товарищи хотя и понимали, что у них с меньшевиками объединение чисто формальное, но тем не менее наивно считали

их своими единомышленниками.

Дмитрий Ильич слушал Хмелько, а из головы не шла мысль о том, что меньшевики — сущий клад для царской охранки. Как-то Владимир Ильич говорил ему, что враг менее опасен, если ты знаешь, откуда он сможет нанести удар. Таким врагом была охранка. Но люди, называющие себя друзьями и наносящие неожиданные удары, страшны вдвойне. Именно такими «друзьями» и были меньшевики. Идя на всякие уловки, они перехватывали и уничтожали большевистскую литературу, нарушая конспирацию, ставили под удар большевистских связных.

Всеми силами меньшевики старались воспрепятствовать встрече Хмелько с евпаторийскими большевиками. Тем не менее Хмелько удалось увидеть товарищей и обсудить задачи на ближайший период. Теперь с этой же целью ему предстояло ехать в Керчь. И поедет он не налегке, повезет новые партийные издания, тем более что Дед[29] его предупредил: «Без посылки не появляйся».

Москва телеграфировала: посылка направлена в Симферополь. Сколько усилий затратили Дмитрий Ильич, симферопольские и московские товарищи, чтобы мало-мальски наладить доставку партийной литературы на полуостров. Особенно они были благодарны Софье Николаевне Смидович. Она поддерживала связь непосредственно с Лениным. Через нее Дмитрий Ильич информировал большевистский ЦК о предстоящем вооруженном восстании на Черноморском флоте. Но туда уже поступали сведения о готовящемся восстании и из других источников. Налицо был факт, имевший важное политическое значение. Армия, как и в 1905 году, опять революционизировалась. Но настораживало и тревожило другое: во главе революционных матросов стремились стать меньшевистские и эсеровские лидеры. Именно они торопили с вооруженным выступлением. Зачем? Какие преследовали цели?

Этих лидеров надо было разоблачить, разъяснить матросам и солдатам, что «преждевременные попытки восстания были бы архинеразумны»[30]. Только почти год спустя, когда о трагедии на Черноморском флоте уже знал весь мир, Владимир Ильич в статье «Революционный подъем», опубликованной в газете «Социал-демократ», открыто заявил: «Мы, с своей стороны, заметим, что получили относительно матросов точные сведения с мест… Охранка явно «работает» провокаторски»[31].

По указанию Ленина, Софья Николаевна Смидович активизировала доставку большевистских газет и брошюр на Крымский полуостров. Большинство посылок транзитом шло в

Севастополь, но, как потом оказалось, далеко не все попадали по назначению. Большая посылка с новейшей партийной литературой пришла в Феодосию. Теперь было с чем ехать в гости к Деду. Хмелько нанял подводу у старого украинца-переселенца. Целый день в сумрачном прохладном сарае стругал бортовые доски, сделал их пустотелыми, заложил в них брошюры и книги, замазал, заклеил, перепачкал навозом. И подвода стала как подвода, ничем не отличалась от других. Переселенец долго смотрел на чудаковатого подрядчика и никак не мог взять в толк, почему старые доски ему не подошли.

Хмелько собирался выехать на рассвете, чтобы к ночи добраться на место. Но, как часто бывает, случилось непредвиденное. Поздно вечером пришел к нему Дмитрий Ильич, обрадованно сообщил, что он получил официальное разрешение выехать в Керчь по делам Пироговского общества. Представлялась новая возможность встретиться с рабочими.

Приглашение Пироговского общества выступить перед керченскими рабочими поступило по почте, и полицмейстер Попов снял с него копию. Дмитрию Ильичу при встрече не преминул сказать, что подобные лекции могут повредить деловой и общественной репутации доктора Ульянова. Внешне Дмитрий Ильич был спокоен, а в душе все кипело: демонстративная слежка выводила из равновесия, лишала покоя.

Но вот он в Керчи. Из барака, где проживали рабочие, вынесли скамейки. Под желтеющим тополем поставили стол. Многие уселись на кирпичах, камнях или просто на земле. Дмитрий Ильич рассказал собравшимся о причинах заболевания туберкулезом, а после, распрощавшись с устроителями встречи, заглянул в кофейное заведение Фукса, где его поджидал Дед. Он был довольно молод, по крайней мере, моложе Дмитрия Ильича. В свое время ему пришлось покинуть Петербург: за участие в забастовках его занесли в «черные списки», и он по совету товарищей переселился в Таврию. Егор Афанасьевич был болен туберкулезом в тяжелой форме. Дмитрий Ильич дал ему адрес знакомого ялтинского врача и посоветовал с лечением не мешкать.

В корчме было душно, как в парилке, и они вышли на свежий воздух. Мерцали звезды. С низины тянуло сыростью. Дед повел Дмитрия Ильича каким-то темным безлюдным переулком навстречу портовым огням, по дороге рассказывал о подготовке партийного собрания. Предстоит обсудить отношение к меньшевикам. Принятая резолюция будет выслана в Симферополь. Дед просил предупредить кого следует, чтобы резолюция попала к товарищу Ленину. А еще Дед сообщил, что

рабочие завода Бухштаба готовят мощную забастовку.

Незаметно вышли к морю. Пора было расходиться. Здесь их могли увидеть полицейские.

Дмитрий Ильич расставался с Дедом как со старым другом, на прощанье еще раз напомнил, чтобы в Ялту он заглянул обязательно.

Поездка в Керчь многое дала Дмитрию Ильичу и прежде всего вселила уверенность, что рабочий класс, несмотря на репрессии, снова организован и серьезно готовится к новой революции. Теперь попасть бы в Севастополь, поговорить с революционно настроенными моряками. А их, судя по сведениям, было уже немало. За два года активной агитационной работы большевикам Ивану Лозинскому, Якову Гаврилову, Александру Веенко удалось сколотить ударные группы на кораблях «Иоанн Златоуст», «Синоп», «Три святителя», «Евстафий», «Пантелеймон», «Кагул», «Память Меркурия». Но в Севастополь можно было попасть только по специальному пропуску. Такой пропуск Дмитрию Ильичу не выдали.

Осенью 1911 года под видом координации действий лидеры меньшевиков и эсеров пригласили представителей большевистских групп на переговоры.

Для обсуждения этого предложения в Карантинной балке собрались Иван Лозинский, Яков Волик, Александр Веенко и Яков Гаврилов. Они понимали, что меньшевики и эсеры предложат ни много ни мало свое безраздельное руководство восстанием. А если восстание даст осечку, вину свалят на большевиков. Разве в седьмом году было не так? И тем не менее отмахиваться от переговоров не стоило. Можно пойти на компромисс по некоторым тактическим вопросам. Что же касается руководства, то им, большевикам, позиция ясна: восстанием должны руководить большевики.

Вскоре Яков Волик встретился с доктором Бирулей. Воркующий тон и обворожительная улыбка одного из авторитетных руководителей севастопольской эсеровской организации обманули неопытного матроса. Бируля рассказал гостю о своей партии, о ее особом отношении к крестьянству. И Яков Волик, сам бывший крестьянин Полтавской губернии, был до глубины души тронут словами Бирули.

Бируля пообещал матросам материальную помощь и попросил Волика, чтобы тот ему докладывал, как идет подготовка к восстанию.

Уже давно для моряков и солдат береговой службы не было тайной, что скоро Черноморский флот выступит с оружием в руках. Но если большевики строго выполняли все условия

конспирации, то руководители местных меньшевистских и эсеровских организаций говорили об этом на своих собраниях во всеуслышание.

Слухи о восстании распространились по городу и по всему Крыму. Для революционеров дело принимало нежелательный оборот. Печальней всего было то, что практическая подготовка к вооруженному выступлению только начиналась. Боевые группы не знали своих конкретных задач. Время выступления определялось ориентировочно. Связь между боевыми группами кораблей отсутствовала.

И Лозинский садится за шифрованное письмо Ульянову. Он объясняет обстановку, которая к октябрю 1911 года сложилась на Черноморском флоте.

А МЫСЛИ В СЕВАСТОПОЛЕ…

Поездки по Феодосийскому уезду, а также по городам Таврии, включение все большего числа большевистских групп Крыма в орбиту подготовки вооруженного восстания на флоте оказали благотворное влияние на работу всего революционного подполья. К тому же Дмитрий Ильич попутно смог собрать обстоятельный материал медицинского характера.

Конечно, научно-медицинская деятельность не могла быть только прикрытием нелегальной партийной работы. И к своим обязанностям Дмитрий Ильич относился самым серьезным образом. Это был подвижнический труд ученого. Например, сбор данных о холере в одной только Кишлавской волости занял более месяца. Земству вначале была известна лишь общая цифра: в селе Кишлав в 1910 году от холеры умерло 49 человек. Село маленькое — около шестидесяти дворов. В каждом втором дворе покойник. Среди умерших много детей. Эпидемия коснулась в основном бедняков, прежде всего сезонных сельскохозяйственных рабочих. Во время эпидемии несколько семей из села Кишлав вернулись на родину, вернулись без предварительного карантина и тем самым создали угрозу заражения северных областей.

Подобную картину Дмитрий Ильич встречал и в Поволжье, когда исследовал эпидемию холеры в Симбирской губернии.

Разные уголки России, а порядки одни. И собственно, дело здесь не в специфических местных условиях, а в социальной системе. Бедность, голодная и полуголодная жизнь большей части населения — вот причина возникновения эпидемий.

Во «Врачебно-санитарной хронике Таврической губернии» за ноябрь 1911 года в рубрике «Сведения о заразных болезнях и состоянии врачебно-санитарного дела в Таврической губернии» Дмитрий Ильич приводит данные о том, что в Феодосийском уезде только за прошлый год почти каждый второй (из 633 заболевших) умер от холеры. Привлеченные для борьбы с этой болезнью 5 врачей, 12 фельдшеров и 6 студентов-медиков, по существу, ничего сделать не могли. Эпидемия обошлась земству более чем в 19 тысяч рублей.

Подобную статистику по другим уездам собрал и Дзевановский. Когда друзья сопоставили данные, Антон Андреевич согласился с Дмитрием Ильичом только в одном: для улучшения народного здравия нужны радикальные меры.

После многократных визитов в Симферополь Дмитрий Ильич добился наконец выделения средств на ремонт старого водопровода. Было дано объявление о найме людей на

землекопные работы. С потеплением улицы Феодосии покрылись кучами камня и глины.

Дмитрий Ильич объезжал волости Феодосийского уезда, знакомился с медицинскими работниками, продолжал собирать статистический материал. К марту 1912 года сведения по медицинскому обслуживанию населения были обработаны и представлены для обсуждения.

10 марта 1912 года состоялось заседание земской управы. Дмитрий Ильич говорил два часа, и никто не прерывал его. Когда он закончил, раздались аплодисменты. Так местная демократическая интеллигенция выразила свою признательность санитарному врачу, который за год сделал то, чего иные его коллеги не смогли сделать за десять.

Доклад Дмитрия Ильича не появился в печати, но его широко обсуждала крымская общественность. Пироговское общество единодушно выдвинуло кандидатуру санитарного врача Феодосийского уезда на II Всероссийский съезд бактериологов и эпидемиологов.

Перед отъездом в Москву Дмитрий Ильич встретился с Багликовым. И тот ему рассказал, что уже получил третий запрос от Лозинского. Лозинский тревожится, почему он, Багликов, молчит, дошло ли его шифрованное письмо до Ульянова. Но никакого шифрованного письма, адресованного Ульянову, Багликов не получал. Может, связной перехвачен охранкой? Может, его убили, как Лохвицкого, руководителя профсоюза симферопольских обувщиков. Связной из Севастополя не мог затеряться бесследно.

Дмитрий Ильич все чаще сопоставлял факты последнего времени. Провокатор Иорданский… Теперь исчезновение связного… А что, если «большевистское око» заиметь в охранном отделении? Такую идею он уже однажды высказал Багликову. Конечно, это дело чрезвычайно трудное — внедрить в охранку своего человека. Но игра стоила свеч. И нужно было ее начинать осторожно и расчетливо.

В марте 1912 года, в дни работы II Всероссийского съезда бактериологов и эпидемиологов, Дмитрий Ильич решил зайти к Софье Николаевне Смидович. Она жила на Рыбинской улице, около завода Динг. К счастью, Софья Николаевна оказалась дома и сразу принялась угощать гостя деликатесами собственного приготовления, а попутно рассказывать о делах Московского комитета РСДРП. После повальных арестов комитет фактически пришлось создавать заново.

Но были и радостные известия. Софья Николаевна сообщила,

что готовится издание ежедневной легальной большевистской газеты. Есть уже решение ЦК. Организацией издания руководит Ленин. В качестве издателя партия назначила Н. Г. Полетаева, опытного организатора, депутата III Государственной думы от рабочих Петербурга. Деньги добыли. Теперь нужны корреспонденты, актив, чтобы газета пробилась в пролетарскую массу.

Все последующие дни в Москве Дмитрий Ильич находился под впечатлением полученных известий. Он представлял, как этой вести о будущей большевистской газете обрадуются Хмелько, Багликов, Афанасьев, Лозинский — все крымские товарищи, с которыми он связал свою судьбу.

Возвращаясь из Москвы, Дмитрий Ильич остановился в Симферополе, встретился с Багликовым. Тот сообщил, что в Симферополе пока тихо, в Севастополе тоже. С особой гордостью Багликов рассказал, как удалось выполнить «особое поручение» Дмитрия Ильича. Помогло благоприятное стечение обстоятельств. На запрос Департамента полиции дирекция аэропланного завода «Анатра» рекомендовала для службы в качестве осведомителя своего «образцового» конторского служащего. Это был Афанасий Семенович Мочалов, член РСДРП с 1898 года, большевик, один из опытнейших подпольщиков Симферопольской партийной группы.

Мочалов понравился Дмитрию Ильичу. Сдержанный. Рассудительный. Немногословный. А главное, убежденный в правоте дела, которому служит и за которое готов пожертвовать собственной жизнью. Дмитрий Ильич разъяснил ему характер будущей работы, работы трудной, но исключительно ценной для партии. Основная задача его — разоблачать провокаторов, предупреждать подпольщиков о грозящей опасности.

К этому времени «институт» провокаторства Департамента полиции действовал по всей России. Шпики и осведомители наводнили города и села. На сыскную службу царское правительство денег не жалело.

Некто Крылов, называвший себя большевиком, в ночь с 7 на 8 мая 1912 года выдал в Саратове Марию Ильиничну Ульянову[32]. Вместе с ней были арестованы Анна Ильинична, прибывшая из-за границы, и Марк Тимофеевич Елизаров.

Мария Александровна сообщила об этом в Феодосию. Дмитрий Ильич, обменявшись с матерью телеграммами, просит Саратовское губернское управление передать младшей сестре письмо следующего содержания:

«Дорогая Маня!

На днях получили от мамы известие о твоем и Анином

аресте, запросили телеграммой ее, не нужен лп приезд Тони, ответила, что пока не надо, так как Аню обещали скоро освободить. Где ты там содержишься, в отдельной камере или в общей, и как чувствуешь себя, здорова ли и каковы условия питания? Пиши, пожалуйста…

Крепко целую тебя и желаю от души бодрости и здоровья.

Твой *Дм. Ульянов».*

За неимением улик Анну Ильиничну вскоре выпустили. Об этом Дмитрию Ильичу стало известно из ее письма.

В середине июня 1912 года царским ищейкам удалось раскрыть подпольную организацию на Черноморском флоте. Начались повальные аресты.

В первых числах июля в Севастополь прибыл морской министр Григорович. Царь поручил ему возглавить коллегию военно-полевого суда. Григорович провел совещание с офицерами контрразведки, поставил перед ними задачу — с пристрастием допросить руководителей восстания и проследить их связь с подпольными организациями России. От их усердия контрразведчиков, как он считал, зависело спокойствие на флоте.

Началось следствие. В переполненной тюрьме и день и ночь работала комиссия коллегии военно-полевого суда.

Матроса Ивана Лозинского допрашивал капитан Путинцев. Откуда-то он узнал, что Лозинский вел переписку с большевистским центром. Об этом еще до ареста матрос говорил своим товарищам, не скрывая того факта, что вооруженное выступление готовы поддержать моряки Балтики, рабочие Одессы и Риги. Путинцеву также было известно, что Лозинский несколько раз нелегально приезжал в Симферополь, где встречался с местными большевиками.

В Феодосию поступали противоречивые вести о масштабах провала. Но ясно было одно: руководство восстанием на Черноморском флоте полностью арестовано. О судебном процессе газеты ничего не писали — цензура запретила.

Дмитрий Ильич ждал подробностей от Багликова. Несмотря на то, что в Севастопольскую крепость въезд временно был закрыт, Багликову удалось побывать в порту и повидать подпольщиков с Морского завода.

Тимофей Гаврилович писал Дмитрию Ильичу, что не сегодня-завтра состоится суд над матросами Зелениным, Карпишеным и Силяковым. По их делу следствие уже закончено. И еще сообщал, что Иван Лозинский, арестованный вместе с основной массой моряков, передал на волю записку. Лозинский обвинял в измене эсеров. Они выдали охранке руководство восстанием после того,

как большевики отказались сотрудничать с эсеровскими лидерами. В этой же записке Лозинский предупреждал, что связной, направленный к Багликову, схвачен контрразведкой и сейчас находится в тюрьме.

Невеселыми новостями Дмитрий Ильич поделился с Хмелько, и тот предложил ему на всякий случай собраться в дорогу. Из Феодосии почти каждую ночь идут контрабандистские фелюги в Стамбул. За деньги контрабандисты перевезут кого угодно. Им все равно, паломники или революционеры. Лишь бы платили…

Но Дмитрий Ильич советом товарища не воспользовался — был убежден, что матрос Лозинский его не выдаст.

По поручению Дмитрия Ильича Багликов еще раз съездил в Севастополь, надеясь организовать побег арестованным матросам, но выручить их оказалось невозможно…

Скупые сведения о событиях на флоте просочились за границу. Весть о провале восстания в Севастополе застала Владимира Ильича в Кракове. Он знал, что Дмитрий Ильич в какой-то мере причастен к подготовке вооруженного выступления.

Сейчас брат молчал. Значит, что-то случилось. А случиться могло одно… И Владимир Ильич, встревоженный печальной вестью из России, решает послать брату ободряющее письмо. Но прежде уточнить адрес, а заодно убедиться, что о Мите знают родные»

1 июля 1912 года он пишет в Саратов:

«Дорогая мамочка! Получил твое письмо с сообщением о поездке по Волге и Каме и с новым адресом. Я как раз тоже должен дать новый адрес. Из Парижа я нынешним летом забрался очень далеко — в Краков. Почти Россия! И евреи похожи на русских, и граница русская в 8 верстах (поездом от Границы часа два, от Варшавы

9 часов), бабы босоногие в пестрых платьях — совсем как Россия…

Желаю вам с Анютой хорошенько отдохнуть и прокатиться приятнее по Волге. Жары начинаются сильные. На реке, должно быть, хорошо будет.

Относительно Маняши надо надеяться — после того, что тебе сказали, — что долго ее продержать не смогут.

Привет Марку!

Пришли мне, пожалуйста, дорогая моя, адрес Мити…

Твой *В. Ульянов*»[33].

Процесс в Севастополе затянулся до глубокой осени. С 24 октября по 6 ноября были осуждены 143 матроса. На этом процессе давали показания 500 свидетелей, и среди них — эсеры.

Суд приговорил 17 матросов к смертной казни, остальных — к каторжным работам на различные сроки.

Результаты процесса огласила газета «Запросы жизни». Снова забурлила Россия. Из канцелярии императора на имя председателя коллегии военно-полевого суда пришло распоряжение пересмотреть приговор. Опять заседали юристы, в который раз перечитывая списки обвиняемых. Приговор по делу 143-х был пересмотрен и смягчен. Но не для всех.

…В ночь на 24 ноября 1912 года приговор приводился в исполнение. Вблизи семафорил Херсонесский маяк, вырывая из темноты мокрые фигуры конвоиров и матросов. Капитан Путинцев, которому была поручена казнь, тяжело ступая по раскисшей глине, остановился перед строем. Солдат-конвоир поднял над головой фонарь. В скупом свете сверкали бусинки косого дождя.

— Слушай приговор военно-полевого суда…

Грозно полоснул залп, и девять матросов упали в наполненную водой яму. Только Лозинский остался стоять, у солдат не поднялась рука убивать руководителя севастопольского восстания. Тогда Путинцев, вырвав винтовку у стоявшего рядом конвоира, выстрелил в матроса…

ДАЧА МИТИ

За два года Дмитрий Ильич объездил большинство городов и уездов Таврии. Пироговское общество посылало его с разнообразнейшими поручениями. И он, пользуясь такой возможностью, встречался с большевиками-подпольщиками, пересылал по явочным квартирам литературу, словом, делал все, что требовала партия. Дмитрий Ильич с радостью сознавал, что обстановка меняется к лучшему, влияние большевиков в стране возрастает.

Весной Дмитрий Ильич получил из Саратова долгожданную весть: к нему в Крым собирается приехать мать…

Первого апреля 1913 года Дмитрий Ильич выехал на извозчике к поезду. Было холодно. И он, боясь, как бы мать не простыла, захватил с собой плед. Джанкойский прибывал с некоторым опозданием. Дмитрий Ильич ходил взад-вперед по перрону. Под ботинками глухо хрустел ракушечник. Где-то вдалеке крикнул паровоз. Волнение от предстоящей встречи усилилось. Наконец поезд подошел к перрону. Взгляд Дмитрия Ильича скользнул по окнам вагона. Мама!.. Аня!..

Мария Александровна, постаревшая, совершенно седая, смотрела на младшего сына веселыми счастливыми глазами, не произнося ни слова. Наконец заговорила!

— Митя! Вот и мы! Здравствуй, сыночек! Вечером на даче, где Ульяновы снимали верхний этаж, был маленький пир и импровизированный концерт. Дмитрий Ильич взял в руки гармонь, или, как он ее называл, оркестран, и простуженным тенором запел: «Есть на Волге утес…»

Мария Александровна, удобно устроившись в глубоком кожаном кресле, внимательно слушала сына, плотно сжав губы. Допоздна горел свет в комнате Ульяновых. Пели. Говорили. Мария Александровна и радовалась и грустила. Через закрытые окна в комнату глядели крупные холодные звезды.

После ужина Дмитрий Ильич и Анна Ильинична пошли к морю. Обсуждали недавние события. Греческое коммерческое судно привезло паломников из Мекки. Почти все они были больны оспой. Им запретили высадку. Тогда ночью с помощью контрабандистов люди все-таки выбрались на берег и на поездах разъехались по всей России. Управа подняла на ноги весь медперсонал, да что толку… А полиция гоняется только за подпольщиками. Но все равно не поспевает. В Крыму идет процесс объединения трудящихся не по национальному признаку, а по классовому. Перед таким объединением любая полиция

бессильна.

Анна Ильинична подтвердила, что с подобным явлением столкнулся и Володя в Кракове. Объединяются поляки, немцы, украинцы, русские. Но только рабочие. Национальная буржуазия проповедует разделение наций, а рабочие действуют наоборот…

Значит, это общий процесс…

В середине апреля из Саратова привезли воспитанника Елизаровых — Гору Лозгачева, очень смышленого, не по годам развитого мальчика. Гора сразу же обратил внимание на табличку с надписью: «Дача Мити».

— Ваша дача?

— Ну, конечно, моя, — засмеялся Дмитрий Ильич. — Раз я — Митя и живу здесь, значит, моя!

С появлением Горы смех, шутки не прекращались даже за обедом.

— Какое сходство между бурным морем и маленьким ребенком? — обводя всех прищуренными, с лукавинкой глазами, спрашивал Дмитрий Ильич и сам же подсказывал ответ: — Оба ревут, а если потрогать, оказывается — оба мокрые.

Дядя Митя, по мнению Горы, был самым веселым на земле человеком.

Вскоре санитарные дела позвали Дмитрия Ильича в Симферополь. А где санитарные, там и подпольные. Новое сообщение Багликова обрадовало: Мочалов принят на службу в охранное отделение. Дмитрий Ильич предупредил Тимофея Гавриловича: пока никаких конкретных поручений Мочалову не давать, разведчику сначала необходимо войти к врагу в доверие.

За время, проведенное Дмитрием Ильичом в Симферополе, произошли события, которые заставили его отложить очередные дела и углубиться в медицинские книги. Тяжело заболела Надежда Константиновна. Краковские врачи нашли у нее базедову болезнь. В течение трех недель ее лечили электричеством, но состояние нисколько не улучшалось. Многие польские врачи рекомендовали Владимиру Ильичу отвезти жену в Швейцарию, к доктору Кохеру.

Владимир Ильич описал Дмитрию Ильичу характер болезни. Просил совета. И вот перед Дмитрием Ильичом справочник врача, зарубежные медицинские журналы, которые он выписывал в большом количестве. Статьи немецких медиков Дмитрий Ильич переводил прямо с листа. Чтение французских источников продвигалось значительно медленней. И тем не менее в словарь приходилось заглядывать не так уж часто. Дмитрии Ильич пришел к выводу, что, судя по характеру заболевания, делать операцию Надежде Константиновне не следует. Так он и ответил

брату и в это же письмо вложил подробнейший рецепт.

Надежда Константиновна ответила теплым письмом на имя Марии Александровны. В нем она благодарила Дмитрия Ильича за то, что он убедил Володю лечить «базедку» без хирургического вмешательства. Владимир Ильич дополнил:

«Дорогая мамочка! Приписываю пару слов к Надиному письму. Извиняюсь, что не писал. Уезжал на пару дней, а теперь перевозка.

Мите большое спасибо за письмо. От Марка тоже имел очень большое и интересное письмо. Отвечу ему уже из Поронина.

Поронин — это станция перед «Закопане» (курорт). В Закопане есть *прямые* беспересадочные вагоны 2-го класса из Варшавы, третьего из «Границы».

Крепко тебя обнимаю и шлю большой привет всем нашим.

Твой *В. У.*»[34].

Несмотря на сдержанный тон, приписка была успокаивающей. Но об улучшении здоровья жены — ни слова. Дмитрий Ильич как врач понимал: полегчает не сразу. Наконец 25 мая пришло долгожданное письмо от Надежды Константиновны.

«Дорогая Марья Александровна! Сегодня получили Ваше письмо. Тороплюсь ответить.

Я уже поправляюсь. Сердцебиения гораздо меньше. Следуя совету доктора, ем за троих, лакаю молоко, принимаю препарат железа Робена, и вообще все очень хорошо. Володя очень кипятится, особенно его смущают Кохером. Я очень рада, что Дм. Ил. ему написал письмо, что операции не стоит делать и т. п., а то ему наговорят всякой всячины: то ослепнуть можно, то 1,5 года лежать без движения и т. д. У меня совсем не такая уж сильная степень болезни, и за лето выздоровею…»

Владимир Ильич остался верен себе и размашистым беглым почерком добавил:

«Дорогая мамочка! Крепко обнимаю тебя и шлю всем привет. Мите большое спасибо за письма. Надю уговариваю ехать в Берн. Не хочет. Но теперь она *немного* поправляется.

Твой *В. У.*»[35].

— Вот и оживает наша Надюша, — просияла Мария Александровна, смахивая с морщинистой щеки набежавшую слезу.

Спустя неделю успокоенные Мария Александровна и Анна Ильинична покидали Крым. Они уезжали на север — в далекую и незнакомую Вологду, где отбывала ссылку Мария Ильинична. Мария Александровна и особенно Гора обещали приехать в Феодосию снова.

Но никто из Ульяновых не предполагал, что через год в их судьбу ворвется военная буря…

КРЕПОСТНОЙ ГАРНИЗОН

В середине 1914 года Россия вступила в войну… Всюду виднелись хоругви и портреты царя. Симферополь, всегда тихий и сонный, был неузнаваем.

Дмитрий Ильич с трудом пробирался через толпу, направляясь в городскую больницу, где дежурил Дзевановский. Еще издали он увидел его на балконе. Антон Андреевич и его коллеги наблюдали за уличным шествием.

В больнице Дмитрий Ильич узнал, что он, как и большинство медиков губернии, уже мобилизован в армию. Место службы — Севастопольский госпиталь. Почему? Дзевановский ответил: когда-то у земского врача Ульянова было желание попасть в главную крепость Черноморского флота. А так как с мнением Дзевановского в медицинском управлении считались, на том и решили: пусть Ульянов служит в Севастополе. Дзевановский же сначала был назначен врачом в 51-й Литовский пехотный полк, затем переведен на должность делопроизводителя санитарной части штаба 11-й армии Румынского фронта.

Возвратившись в Феодосию, Дмитрий Ильич получил приказ о призыве в армию. Первые дни он работает в военно-медицинской комиссии. С утра до вечера осматривает мобилизованных, определяет их пригодность к военной службе, испытывая при этом угрызения совести: волей-неволей приходилось говорить: «Да, здоров», — и люди уезжали на фронт воевать за чуждые им интересы. Феодосийский воинский начальник подполковник Гулевич заметил: Дмитрий Ильич тяготился своими новыми обязанностями. Вскоре, не выдержав, Ульянов заявил:

— Подобная честь не для меня. Мое дело лечить…

— Тогда, не мешкая, отправляйтесь в госпиталь, — рассерженно ответил Гулевич.

Перед отъездом в Севастополь Дмитрий Ильич в последний раз встретился с Хмелько. Товарищи договорились о связи и порядке пересылки литературы, явках и адресах. Родным Дмитрий Ильич сообщил о себе коротко.

«Дорогая мамочка! Я призван на войну и назначен врачом в Севастополь. На днях еду туда, купил уже сапоги со шпорами, шью мундир и шинель, покупаю шапку и т. д. и завтра буду совсем военным человеком. Назначен в госпиталь, так что совсем хорошо… Вчера и сегодня сижу и осматриваю запасных у воинского начальника…

Крепко целую тебя и Маню, пишите.

Врачей забрали почти половину.

Твой *Д. У.*».

В августе 1914 года Севастополь выглядел спокойным, как море в ясную погоду. По чистым, опрятным улицам весело бежали трамваи. На аккуратных клумбах цвели гладиолусы. О войне пока напоминали только корабли, теснившиеся в бухте, да множество матросов, солдат, офицеров на улицах. Стук каблуков и звон шпор не утихали даже глубокой ночью.

Дмитрий Ильич поселился на тихой Владимирской улице, в доме номер пять.

В день приезда он оставил дома нераспакованные чемоданы и поспешил на явочную квартиру. Обогнув завод Харченко, вышел на Херсонесскую улицу. Дом номер восемь. Вход со двора. Вторая дверь налево. Постучал. Из распахнутого окна выглянула моложавая широколицая женщина. Он догадался, что это жена Ивана Каллистратовича Ржанникова.

Дмитрий Ильич оставил ей свой адрес и ушел. Вечером, уже в сумерках, к нему постучал средних лет мужчина с длинными, закрученными кверху усами, представился мастером по ремонту английских замков. Не торопясь выложил инструмент. Долго вертел в руках замок, рассказывал о своем друге Тимофее Гавриловиче из Симферополя. Дмитрий Ильич поддержал разговор. Так состоялось знакомство, которое вскоре переросло в дружбу.

Иван Каллистратович рассказал, что после разгрома революционной организации на Черноморском флоте в 1912 году крепкой подпольной организации здесь, по существу, не осталось. Уцелевшие большевики ограничили свою деятельность распространением антивоенной литературы среди рабочих, матросов и солдат Севастопольского гарнизона. Об издании листовок и брошюр пока приходится только мечтать. Создать свою, большевистскую типографию при усиленной слежке охранки в настоящий момент совершенно невозможно.

Дмитрий Ильич понимал, что партийную организацию в Севастополе нужно восстанавливать, и делать это как можно быстрее. А пока предстояло входить в курс непосредственных служебных дел. В штабе он ознакомился с приказом о назначении его на должность старшего ординатора во второй временный крепостной госпиталь. Там уже в авральном порядке готовились палаты к приему раненых, операционные, перевязочные, процедурные, аптека и склады. Прибытие первого транспорта с ранеными ожидалось к концу августа.

Штат госпиталя еще не был укомплектован. Медики, в большинстве своем призванные из запаса, нуждались в учебе и

разумном руководстве, на деле же приходилось делать то, что заблагорассудится начальнику, известному на всю крепость солдафону, человеку, далекому от медицины. Врачи по его указанию часто занимались такой работой, которую мог с успехом выполнить любой фельдшер. Так, терапевту Ульянову он отдал распоряжение уточнить наличие медикаментов и доложить на утреннем обходе. Это распоряжение Дмитрий Ильич выполнил с присущей ему добросовестностью. В присутствии врачей он перечислил по списку, какие медикаменты и перевязочные материалы находятся в аптеке и на госпитальном складе. Не густо. А точнее, лечить нечем.

Полковник нахмурился и приказал Ульянову лично заняться пополнением склада.

Оказалось, нелегко добыть в военном Севастополе медикаменты! Хождение по учреждениям, уговоры и просьбы — все впустую. В штабах и учреждениях засели чиновники, которых могли прошибить только взятки. Давний знакомый, а ныне врач соседнего госпиталя, Владимир Львович Лягодкин посоветовал Дмитрию Ильичу быть с армейскими чиновниками понахальней: нужно во что бы то ни стало добыть медикаменты — начинай с интендантских кладовщиков. Они знают, что у них есть, а чего нет. К начальству же обращаться в крайнем случае.

Благодаря обширным связям Лягодкина Дмитрий Ильич достал медикаменты и перевязочный материал, чем очень удивил начальника госпиталя.

По неопытности Дмитрий Ильич сказал начальнику госпиталя, что в крепости засели воры и спекулянты. Не знал он, что его начальник сам был замешан в воровстве. Об этом ему стало известно год спустя, когда один знакомый интендант признался, что полковник продавал ему пуды бинтов, продавал в то время, когда раненых вынуждены были перевязывать лоскутами от старых простынь.

В чрезвычайно трудном положении оказались медики 29 октября 1914 года. Перед рассветом со стороны мыса Лукулл появился германский линейный крейсер «Гебен». Став бортом к Севастополю, он открыл по городу огонь. Бил главным образом по жилым кварталам и солдатским казармам. За четверть часа крейсер выпустил около шестидесяти крупнокалиберных снарядов.

Гром взрывов сорвал Дмитрия Ильича с койки. Бегом он поднялся на третий этаж и с балкона увидел дуэль «Гебена» и русских артиллеристов. Получив несколько прямых попаданий, корабль развернулся и, не прекращая огня, исчез в тумане.

Дмитрий Ильич поспешил в госпиталь. По дымным улицам

везли подводами, а то и несли на носилках искалеченных людей. Врачи, фельдшера, санитары выбивались из сил, оказывая раненым помощь. Бинтов не было. В ход (в который раз!) пошли простыни и полотенца. Почти целую неделю никто из медиков не покидал крепостной госпиталь.

За какое бы дело Дмитрий Ильич ни брался, он работал с завидным трудолюбием. Этим он расположил к себе главного врача Владиславлева, и тот всячески ограждал его от нападок начальника госпиталя.

У Дмитрия Ильича появились знакомые и среди флотских офицеров. Однажды в кабинете у доктора Бирули речь зашла о дисциплинарных взысканиях. Щеголеватый лейтенант Лунин решительно заявил, что флотские командиры — люди высокого интеллекта и они не могут допустить несправедливости по отношению к подчиненным.

Дмитрий Ильич хотел возразить, что в армии и на флоте процветает мордобой, но к их разговору уже прислушивались, и он только пообещал доказать Лунину обратное.

По данным врачебной экспертизы Дмитрий Ильич составил таблицу. В ней указал характер проступков и меры наказания за них. Как оказалось, карцер, изнурительная стойка с полной выкладкой, рукоприкладство — обычная вещь на флоте. К таблице Дмитрий Ильич приложил список офицеров, по распоряжению которых производились наказания. Материал этот был передан Лунину.

Лейтенант хорошо помнил процесс над черноморскими матросами. Тогда, в 1912 году, он считал восстание против царя беззаконием. Теперь же, после бесед с Ульяновым, молодой офицер многое понял.

Как-то в воскресенье они вдвоем отправились на Херсонесский маяк. Смотритель маяка, отставной матрос, провел офицеров на пустырь, заросший жестким татарником. Дмитрий Ильич ступал за сгорбившимся стариком, а перед глазами словно живой стоял Иван Лозинский.

Из-за далеких гор выползали тучи. И над морем, над побелевшими гребнями волн сиротливо висело осеннее солнце, скупо освещая глинистую землю. Смотритель, простуженно покашливая в заскорузлый кулак, наконец остановился, показал на безымянную могилу. Офицеры молча сняли фуражки…

Обстановка в госпитале складывалась все труднее. Начальник госпиталя доносил в контрразведку, что Ульянов обменивается корреспонденцией с Москвой и, по всей вероятности, с заграницей.

Контрразведка усилила за Дмитрием Ильичом наблюдение. В

октябре — ноябре жандармы перехватили письма, которые Дмитрий Ильич отправил Марии Ильиничне в Вологду и Софье Николаевне Смидович в Москву. Письма были сугубо личные, но контрразведка Севастополя насторожилась и 8 ноября 1914 года направила в Департамент полиции депешу, в которой указывала: «В данное время Ульянов ведет переписку с партийными лицами, стоящими во главе революционных организаций».

Контрразведка имела основания подозревать Ульянова в связи с местным подпольем. Об этом было доложено по команде. В военно-санитарном управлении Румынского фронта переполошились, но Дзевановский поспешил успокоить коллег. Он заверил, что знает врача Дмитрия Ульянова по работе в Таврической губернии как человека, для которого интересы медицины превыше всего. На этой почве он и не уживается с начальником госпиталя. Рано или поздно начальник госпиталя сведет с Ульяновым счеты. Дзевановский настоял «разъединить враждующие стороны». Вскоре в Севастополе был получен следующий документ:

«Приказом по военно-санитарному ведомству от 31 декабря 1914 года за № 123 были перемещены для пользы службы старшие ординаторы севастопольских крепостных временных госпиталей № 1, призванный из ополчения санитарный советник Нильсон (Евгений), и № 2, призванный из запаса лекарь Ульянов (Дмитрий), один на место другого».

Дзевановский своевременно обезопасил друга. Он был уверен, что новый начальник госпиталя не станет преследовать Ульянова.

В январе 1915 года Дмитрий Ильич зашел к Ржанникову. Иван Каллистратович только что возвратился из артиллерийской мастерской, куда его недавно перевели. Дмитрий Ильич заметил, что хозяин сегодня выглядит именинником. Оказалось, радость у них была общая. Иван Каллистратович показал журнал «Нива». На пятнадцатой странице красовался заголовок «Пролетариат и война». Это была вклейка реферата Владимира Ильича, с которым он недавно выступил в Женеве.

«Полоса национальных войн прошла, — писал Владимир Ильич. — Перед нами война — империалистическая, и задача социалистов — превращать войну «национальную» в гражданскую»[36].

Дмитрий Ильич углубился в чтение. Было такое чувство, что брат не в далекой Женеве, а здесь, в Севастополе.

Ржанников пообещал написать листовку и размножить ее на военных кораблях севастопольской крепости. Лучше других это задание мог выполнить матрос-большевик Мишин.

С радистом корабля «Три святителя» Алексеем Мишиным Дмитрий Ильич был уже знаком. У Мишина по молодости лет недоставало еще опыта партийной работы. И было опасение, как бы он не наделал ошибок.

Так оно и получилось.

В ноябре над Севастополем почти не показывалось солнце. Низкие темные тучи сеяли дождь, и город тонул в сумраке.

Несмотря на строгий приказ коменданта всячески экономить электричество, почти круглосуточно во всех учреждениях и штабах горел свет. Приказ повсеместно нарушался. Не считались с ним и в управлении контрразведки, где работа кипела день и ночь. Только за последние два года здесь «по состоянию здоровья» сменилось два начальника. Прислали из Москвы третьего — полковника Смирнова.

Смирнов умел работать без шума, но результативно. Так считал шеф жандармов, направляя его в «неблагополучный Севастополь». Царское правительство по-прежнему испытывало страх перед моряками-черноморцами. Прошло три года после расправы над матросами, но в городе витал «мятежный дух».

С исключительной скрупулезностью Смирнов изучал доставленные в управление печатные издания, обнаруженные на кораблях «Три святителя» и «Память Меркурия». В «Морской устав» была вклеена листовка с текстом ленинского реферата «Пролетариат и война».

Для выявления революционного подполья нужен был опытный провокатор. И Смирнов, не доверяя своим помощникам, лично отбирал людей, способных быстро войти в доверие корабельных команд.

…Утром перед поднятием флага на «Три святителя» прибыла группа матросов-новобранцев. Новичкам на корабле были рады, особенно нижние чины. Да это и понятно: самая грязная и трудная работа ложилась на плечи молодых матросов. Они сразу же почувствовали себя в железном боцманском кулаке.

Издевательства и придирки со стороны боцмана и некоторых офицеров начались с первого дня. Скоро один из молодых матросов тайком от начальства стал обращаться к старослужащим за «сочувствием», вызывая их на откровенный разговор. Не обошел он вниманием и Мишина, попросил у него «почитать что-нибудь политическое». Просьба была естественная, и Мишин пообещал при удобном случае удовлетворить желание молодого матроса.

В первое же увольнение на берег Мишин отправился к Ржанникову, рассказал ему о разговоре с новобранцем, ожидая

похвалы, но в ответ услышал, что в контрразведку попали большевистские листовки и уже на «Три святителя» проник провокатор. Может, это и есть тот самый, который просил «почитать что-нибудь политическое».

Выпроводив Мишина, Ржанников в тот же день встретился с Дмитрием Ильичом, предупредил, что Мишин может быть схвачен, поэтому надо что-то предпринять, обезопасить матроса.

Принимая раненых, Дмитрий Ильич думал, как избежать провала. Куда проще Мишину покинуть корабль. Но Мишин не просто матрос. Он радист. Через его руки проходят секретные документы командования флота. Нет, Мишин должен остаться на своем месте. Но как это сделать?

А что, если «перекрасить» Мишина под меньшевика?

Ознакомившись с планом Дмитрия Ильича, Иван Каллистратович удовлетворенно кивнул: под меньшевика так под меньшевика…

Мишин вручил новобранцу «обещанное» — последние плехановские брошюры. Но тот на следующий же день разочарованно их вернул…

И все же Мишина забрали в контрразведку. Полковник Смирнов допытывался, с какой целью матрос посещает дом номер пять по Новороссийской улице. Мишин ожидал такого вопроса и заранее приготовил ответ. По этому адресу живет его друг Владимир Макаров.

Через несколько дней Мишина отпустили на корабль, но оставили под надзором. Список подозреваемых лиц был сокращен. Выпадал из этого списка и военврач Ульянов. И все же начальник контрразведки продолжал за ним наблюдение. Основание — брат Ленина.

По сообщению осведомителя, Ульянов перед рождеством посетил кофейню, где встретился с художником Владимиром Кирилловичем Яновским. Разговор шел о предполагавшейся поездке Яновского в Швейцарию, в частности в Берн. Там же,. судя по письму, перехваченному Московским жандармским управлением, находился Ленин. Копия этого письма была в деле военврача Ульянова.

«Дорогая Маняша! — писал Владимир Ильич. — Получил сегодня твое письмо от 14.XI и очень был ему рад. Адрес ты написала нашей старой квартиры. Теперешний адрес: Distelweg. 11.

Насчет того, существует ли здесь бюро для сведений о пленных русских, постараюсь навести справки, а равно и о том пленном, про которого ты спрашиваешь. Может быть, по случаю предстоящих праздников, не сразу это узнаешь, но во всяком

случае постараюсь.

Мы живем ничего себе, тихо, мирно в сонном Берне. Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами. Приятно даже почитать — после периода ежедневной газетной работы. Надя имеет здесь еще педагогическую библиотеку и пишет педагогическую работу.

Писал Анюте насчет того, нельзя ли найти издателя для аграрной книги: я написал бы здесь. *Ежели* будет случай, узнай и ты.

Почему ничего не написала о себе, — как здоровье? Имеешь ли заработок? Какой, где, сносный ли? Черкни при случае.

Крепко, крепко жму руку.

Твой *В. Ульянов*»[37].

Красным карандашом Смирнов подчеркнул слова: «Мы живем ничего себе, тихо, мирно в сонном Берне» и отдал приказание обыскать квартиру Яновского.

Сразу же после рождественских праздников в Севастополь приехал Елизаров. На нем была новая казенная шинель чиновника пароходства «Волга». Она плотно облегала его худощавую фигуру. В усах и бороде уже пробивалась седина, на высоком лбу лежали глубокие морщины.

Марк Тимофеевич выложил новости, перечислил приветы и поклоны. Затем сообщил, что власти разрешили ему остановиться в Севастополе только на одни сутки. И еще сказал, что за всеми Ульяновыми усилена слежка.

Из Севастополя в Петроград на Фонтанку, 16, в Департамент полиции, была доставлена срочная депеша. Полковник Смирнов настаивал произвести обыск на квартире художника Яновского. Обыск ничего не дал: письмо Ульянова обнаружено не было. Но, словно в ответ на депешу, Департамент полиции ставил полковника Смирнова в известность, что в ближайшее время Севастополь намеревается посетить царь. К его приезду необходимо очистить крепостной гарнизон от «нежелательных элементов». Что же касается персонально военврача Ульянова, за ним усилить наблюдение и при необходимости подвергнуть аресту.

1916-й. ТОЛЬКО ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

Второй год громыхала война. Широким потоком с Румынского фронта шли санитарные транспорты. Пристань Русского общества пестрела белыми халатами и серыми солдатскими гимнастерками. Близкое дыхание войны ощущалось во всем: и в огромном скоплении раненых, и в постоянном реве гидропланов над севастопольским рейдом, и в свирепости военно-полевых судов…

Приближался день приезда царя. В городе наводили порядок. Нижним чинам запрещалось появляться за пределами казарм. Усилилось патрулирование улиц, прилегающих к вокзалу. Вокзал был наводнен шпиками. Смирнов передал градоначальнику контр-адмиралу Бурлею список подозрительных офицеров, которые, по его мнению, подлежат аресту. Контр-адмирал нашел, как он сам считал, очень простой выход: в целях безопасности императора предложенных флотских чинов отправить в Балаклаву, брата Ленина — в тюрьму.

Лейтенант Лунин, случайно увидевший ордер на арест Ульянова, передал врачу Шведову, что их общий друг в опасности. Шведов тотчас отправился в терапевтическое отделение к Дмитрию Ильичу и предложил ему немедленно «заболеть», иначе не избежать ареста.

Предложение резонное. Единственно, о чем попросил «заболевающий», это передать рабочему Ржанникову пакет с листовками для расклейки по городу в день приезда царя.

В полдень Ульянов «почувствовал себя плохо», и главный врач госпиталя отправил его домой. А на следующий день к дому Дмитрия Ильича подкатил пароконный экипаж. В присутствии офицера контрразведки врач удостоверил, что господин Ульянов действительно нездоров. Непрошеные гости застали Дмитрия Ильича — в постели. Он в самом деле чувствовал себя плохо, у него была высокая температура. Крупозное воспаление легких — таков был диагноз.

Дмитрия Ильича навещали знакомые, приносили новости. Как-то забежала медсестра Носова, с восторгом сообщила, что по городу расклеены листовки. Называются они «О поражении своего правительства».

Царь не стал дожидаться предполагавшегося парада кораблей Черноморского флота и вечером отбыл в Ялту, в свой ливадийский дворец.

Появление в севастопольской крепости листовок с текстом ленинской статьи дорого обошлось начальнику контрразведки.

Директор Департамента полиции генерал-майор Климович перевел полковника Смирнова на Балтику с понижением в должности.

Март был на исходе. Дмитрий Ильич «выздоровел», опять приступил к исполнению своих трудных обязанностей. Ждал вестей из Швейцарии. Из Петрограда. Из-подо Львова, где не утихая шли ожесточенные бои. Там в санитарном поезде служила сестрой милосердия Мария Ильинична.

Однажды, заехав по делам в городскую больницу, Дмитрий Ильич лицом к лицу столкнулся с доктором Бирулей. Бируля с фарисейской миной на лице выразил «коллеге» сожаление по поводу смерти… старушки Ульяновой.

Дмитрий Ильич поспешил на городской телеграф. Разыскал телеграмму. Читал — не видел букв. «Мама скончалась».

В конце июня 1916 года здоровье Марии Александровны резко ухудшилось. Врач Штремер, лечивший ее, нашел слабость сердечной мышцы. 5 июля Анна Ильинична послала брату срочную телеграмму. «Мама больна. Без сознания. Приезжай». Но Дмитрий Ильич телеграмму не получил: задержала военная цензура. Ее вручили вместе со второй только через три недели.

С телеграфа Дмитрий Ильич медленно побрел по булыжным севастопольским улочкам. Брел не зная куда. Остановился на Приморском бульваре. За севастопольским рейдом садилось солнце и ослепительно ярко отсвечивало в окнах домов. В скверике под брезентовым навесом гремела медь духового оркестра. Музыканты в бескозырках, разомлевшие от жары и усталости, исполняли что-то из «Травиаты». Дмитрий Ильич закрыл глаза. Вспомнил домик в Симбирске, представил, как мать играла эту мелодию на рояле.

По его впалым щекам катились слезы, и он даже не пытался скрыть это от недоуменно посматривавших на него незнакомых солдат и матросов.

Потрясенный смертью матери, Дмитрий Ильич стал малоразговорчив. Он чувствовал угрызение совести оттого, что не так часто писал ей, как того хотелось бы. Последний раз он видел ее в марте. Тогда мать вдруг себя почувствовала плохо, и Анна Ильинична вызвала брата телеграммой. Исхлопотав недельный отпуск, Дмитрий Ильич приехал в Лыкошино, под Петроград, где мать жила на даче. Тогда единственно, что его утешило: мать старалась выглядеть бодрой, не теряла надежду увидеть всех своих детей вместе. Когда младший сын уезжал, просила, чтоб он не забывал писать. Из Севастополя письма еще доходят…

Но вихрь военных событий так закружил Дмитрия Ильича,

что часто некогда было оторваться от дела. Мария Александровна не обижалась на молчание. Она терпеливо ждала сына в гости.

25 декабря 1915 года она ему писала: «Не могу не повторить душевное желание мое и всей семьи нашей повидать тебя здесь у нас. Мне не позволяют выходить на воздух по плохому здоровью моему: как счастлива была бы повидать тебя и посоветоваться с тобой. Похлопочи об отпуске, чтобы повидаться с нами, хотя на несколько дней. Кроме радости свидания, ты будешь полезен нам как доктор, к которому я отношусь с особенным доверием, так как ты излечивал меня уже не раз».

К концу зимы Марии Александровне стало хуже. 17 февраля 1916 года она призналась сыну, что пролежала долго и «немало лекарств проглотила». В письме мать просила: «Как счастлива была бы я, если бы могла обратиться к твоей помощи…»

У Марии Александровны появились частые приступы одышки. Это было следствием бронхита и воспаления легких. Она почувствовала, что жить ей осталось недолго. Ее не покидала надежда, что еще раз увидит младшего сына. Даже в последние часы своей жизни справлялась о нем.

«…Была я безотлучно при маме во время ее болезни, да и весь последний год почти не отходила от нее… — писала Анна Ильинична младшему брату. — Заболела мама с 24-го июня… Она была все время очень кротка и благодарила за всякую мелочь. В начале болезни она сказала: «Дай мне что-нибудь, ну, облатку, — ты же знаешь что, — я хочу пожить еще с вами!» А потом повторила несколько раз: «Что уж бог даст!» Дня за два до смерти она сказала: «Куда же папа наш ушел?!», а в день смерти: «Где же наш Митек?» В день смерти я принесла ей цветок из сада, и она улыбнулась так оживленно, сказала по-французски: «Как это красиво! Какой хорошенький цветок». И глаза ее заблестели. Она говорила ласково со мной и Маней. Но пульс у нее стал слабый и неровный. В 2 ч. она заснула спокойно, потом вдруг как-то глубоко вздохнула раз, другой и посинела. Впрыснули камфору, но было уже поздно… Мне не тяжело, а приятно писать и слышать о ней… Обнимаю тебя горячо… Ты так походишь на нее! Будь здоров, хороший мой!

Твоя *А. Елизарова.*

…Будь покоен за меня… Пиши на адрес Марка».

В этом же письме сестра сообщала, что ее посадили в тюрьму, но она надеется, что ненадолго, ибо не представляет себе, в чем ее могут обвинить.

В офицерской столовой госпиталя, где питались врачи, Дмитрию Ильичу удалось перекинуться несколькими фразами со Шведовым. Сергей Федорович посоветовал дать Марку

Тимофеевичу телеграмму, что можно предпринять для освобождения Анюты, со своей стороны, Дмитрий Ильич готов сделать все возможное. Это подбодрит сестру.

Ждать пришлось долго. Марк Тимофеевич ответил после письма из Цюриха. В том письме Владимир Ильич писал:

«Дорогой М. Т.! Пожалуйста, покажите эту открытку Маняше или перешлите ей. Я получил вчера ее письмо (открытку) от 8.VIII, а также книги, за которые очень благодарю. Весть о том, что Анюта в больнице, меня очень обеспокоила. В чем дело? Не та ли эта болезнь ее, из-за которой ей пришлось уже, как она писала, побывать в больнице и оперироваться? Надеюсь, что, во всяком случае, она и Вы обратитесь только к самым лучшим хирургам, ибо с посредственными докторами в таких случаях иметь дело никогда не следует. Буду с нетерпением ждать вестей почаще, хотя бы кратких…

Ваш *В. Ульянов*»[38].

1916 год в жизни Дмитрия Ильича был отмечен *еще* одним печальным событием. Антонина Ивановна Нещеретова, проживавшая в Феодосии, сообщила Дмитрию Ильичу, что их отношения стали формальными, поэтому нет смысла считать себя мужем и женой. Дмитрий Ильич с ней согласился. И они оформили развод.

В 1914 году, когда Дмитрий Ильич был призван в армию в связи с началом империалистической войны, он познакомился с Александрой Федоровной Карповой. Она была коренной жительницей Севастополя. Здесь родилась и выросла. Она любила город и его историю, хорошо знала его людей. В конце 1916 года они поженились.

Однако большинство дней супружеской жизни они провели врозь. Напряженная партийная и врачебная работа заставляла Дмитрия Ильича постоянно находиться в гуще масс. О семейном уюте он только мечтал. Тяжелые годы гражданской войны разлучили их надолго, и только после освобождения Крыма Красной Армией Дмитрию Ильичу удалось отыскать ее.

ВЕТЕР ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 год начался в севастопольском крепостном госпитале необычно. В одной из палат раненые устроили митинг. Несмотря на угрозы начальника госпиталя, митинг прошел под лозунгом: «Долой войну! Не будем возвращаться в окопы!»

Оказавшись невольным участником митинга, Дмитрий Ильич узнал, что «бунтуют» солдаты не только в госпиталях. По распоряжению коменданта крепости, казарма артиллерийского дивизиона оцеплена войсками. Идут переговоры командования с артиллеристами о выдаче зачинщиков митинга, заявивших: «Долой царя!» Командование флотом и гарнизоном торопилось локализовать очаги выступлений революционно настроенных солдат и матросов, опасаясь, что пламя восстания перекинется на весь город, а затем и на боевые корабли Черноморской эскадры. Тогда уж революцию не остановить никакими, даже самыми репрессивными мерами. Третий год полыхала война, и гнев трудящихся достиг предела.

Севастополь начала 1917 года был подобен бочке с порохом, которая могла в любой момент взорваться. В крепости насчитывалось 80 тысяч населения, из них почти 30 тысяч — рабочие военных предприятий. Кроме того, Черноморский флот состоял более чем из 100 боевых кораблей с экипажем в 40 тысяч матросов. В большинстве своем это были крестьяне из украинских губерний, а также рабочие, призванные из Ростова, Николаева, Луганска. Харькова — индустриальных районов. На отдельных кораблях и военных заводах Севастополя действовали большевистские агитаторы. Правда, Черноморский флот не имел большевистской организации, такой, как на Балтике. Здесь было засилье кадетов, меньшевиков, эсеров. Они называли себя борцами за демократию, но на деле занимали откровенно контрреволюционную позицию. Поэтому, не встречая сопротивления, командование флота безбоязненно отдавало в арестантские роты большевистски настроенных солдат и матросов.

Военно-полевой суд ждал и солдат крепостной артиллерии, отказавшихся выдать организаторов антивоенного митинга. Но в ночь на второе марта оцепление казарм неожиданно было снято. И еще двое суток город жил в неведении: как это понимать? В печати — никаких разъяснений. Мало того: подписчикам не поступили ни петроградские, ни московские газеты.

В столице что-то произошло. Об этом знало только командование флота. Но оно выжидало. Видимо, ему нужны были

указания: как действовать дальше?

Третьего марта в госпитале творилось невероятное. Раненые вновь митинговали. Начальник госпиталя делал вид, что ничего не видит и не слышит. С утра он уехал в штаб, вернувшись, объявил: царь Николай II отрекся от престола, власть перешла в руки Временного правительства. Больше он ничего не сказал, но уже и этого было достаточно. Ликованию не было предела. Революция совершилась!

И севастопольская крепость из края в край забурлила митингами. Быстрее всех действовали кадеты. Уже к шестому марта они во всех городах Таврии сумели создать «общественные комитеты» и «комитеты общественного спасения».

«Общественный комитет» был образован и в Севастополе. По-прежнему действовала городская дума. Началась спешная перекраска городских учреждений в «революционный» цвет. Полиция стала называться милицией, полицейские — милиционерами. Кроме того, в числе милиционеров оказалась довольно большая группа черносотенцев, принимавших участие в расправе над соратниками лейтенанта Шмидта. Почувствовав силу, кадеты повели агитацию за поддержку Временного правительства.

В армии и на флоте, в сущности, все осталось по-старому. Адмирал Колчак, махровейший монархист, будущий «верховный правитель», уверенно, как и при царизме, командовал Черноморским флотом. Единственное новшество — к командующему был приставлен комиссар Временного правительства.

Севастополь наполнился «листками», «известиями», «бюллетенями» — печатной продукцией многочисленных буржуазных и мелкобуржуазных партий. В Крыму их было более двух десятков. Среди обилия листовок в Севастополе не оказалось только большевистских. Здесь большевики не имели своей типографии. Все типографии находились в частных руках. Предприниматели-полиграфисты выполняли заказы лишь за большие деньги. Севастопольские большевики не располагали не только деньгами, но и своей самостоятельной организацией. Они по-прежнему считались «объединенными» с меньшевиками. Благодаря такой половинчатой позиции некоторых большевиков все партийные средства оказались в руках у ренегатов.

Еще в 1914 году, сразу же по приезде в крепость, ознакомившись с партийной обстановкой, Дмитрий Ильич отрицательно отнесся к такому объединению. За два с половиной года он ни разу не присутствовал на «объединенных» заседаниях. Может, это уберегло его от ареста. Сейчас ситуация менялась.

Настала пора выходить из подполья.

5 марта Иван Каллистратович Ржанников встретился с Дмитрием Ильичом у него на квартире, принес подарок: первую доставленную в Севастополь «Правду». После длительного перерыва газета снова издавалась. Для Дмитрия Ильича за последнее время это был, пожалуй, самый памятный день. О чем писала «Правда»? Она призывала создавать рабочие Советы по типу тех, которые были в годы первой русской революции. «Правда» писала, что такой Совет уже создан в Петрограде. Совет потребовал освободить всех политических заключенных.

Действия Петроградского Совета радовали. Надо следовать примеру петроградских рабочих. Советы рабочих и солдатских депутатов в противоположность буржуазному Временному правительству — орган пролетарской власти. «Правда» разъясняла, что нужно делать пролетариату во всех уголках России.

Вечером этого же дня немногочисленная группа севастопольских большевиков собралась в столовой на Рыбной площади для обсуждения неотложных вопросов. Главным на повестке дня стоял вопрос об участии в выборах депутатов в Советы. Уже не было секретом, что кадеты и эсеры форсировали события, спешили создать Советы, по духу близкие к «комитету спасения». Даже наметили дату выборов: 6 марта. Большевики пришли к единственно правильному выводу: превосходство врагов временное. Надо на выборах, где только возможно, выдвигать своих, большевистских кандидатов. В полдень 6 марта начались выборы в Совет. Наряду с кадетами выборами руководили меньшевики и эсеры. Абсолютное большинство депутатов оказалось от мелкобуржуазных партий. В Севастопольский Совет первого состава вошло только два большевика, Калич и Сюсюкалов.

Обстановка в Севастополе не благоприятствовала работе большевистских депутатов. И о том, чтобы перетянуть массы на свою сторону, еще не могло быть и речи. Мелкобуржуазная волна, как писал об этом периоде В. И. Ленин, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, то есть заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику.

Город жил ожиданием больших перемен. Ждал вестей с севера и Дмитрий Ильич. Давненько послал письмо старшей сестре. Ответа долго не было. И вот наконец-то весточка.

«Дорогой мой Митек!

Послала тебе как-то открытку (в ответ на твою). Получил ли ты ее? Письма идут очень медленно…

…Вспоминаю прошлый год, когда мы видались. Вообще так грустно сегодня, когда вспомнишь прошлый год… От В[оло]ди было письмо, что никак не проехать теперь. Волнуется он там и рвется сюда. Намечает один путь. Все же приедет, я думаю, в более или менее скором будущем. Переселяйся и ты тогда в Питер или Москву…

Твоя *Анна*

1 апреля 1917 г.».

Письмо ободряло. Было предчувствие, что брат не сегодня-завтра вернется в Россию… С ним можно будет посоветоваться.

А пока — действовать, не теряя времени. Опыт подсказывал: прежде всего надо объединить усилия большевиков, работать согласованно, сообща.

Уже на первом собрании большевиков Дмитрий Ильич Ульянов поставил вопрос о создании в Севастополе большевистской организации. Его поддержали Ржанников и Калич. Будучи избранным в Совет, Андрей Калич посетил многие корабли флота, установил личные контакты с большевистски настроенными матросами.

В апреле 1917 года состоялось первое организационное собрание большевиков севастопольской крепости. Был создан горком РСДРП (б). Его членами стали: А. Калич, И. Назукин — матрос-подводник, И. Ржанников — большевик с 1903 года, С. Сапронов — матрос, участник революционного движения на Балтике в 1912 году. Дмитрий Ильич вошел в агитационную группу горкома.

Сразу же после собрания Калич уехал в Петроград с докладом в ЦК. Оттуда он привез текст открытого письма В. И. Ленина, адресованного участникам Всероссийского съезда крестьянских депутатов. В этом письме Владимир Ильич призывал крестьян и батраков объединяться, немедленно брать всю власть в свои руки. Он подчеркивал, что только крестьяне и батраки сами могут освободиться от помещичьей кабалы. Письмо удалось размножить в частной типографии. Денег хватило лишь на 500 экземпляров. Агитационная группа горкома распространила ленинское письмо на кораблях и в казармах. Меньшевики тотчас предприняли ответные действия против Севастопольского горкома РСДРП (б). Исполком Совета запретил владельцам частных типографий печатать большевистские листовки. И теперь большевики могли рассчитывать лишь на помощь товарищей, работавших в других городах. Газеты и брошюры стали поступать из Одессы, Екатеринослава, Харькова. Что же касается «Правды» и «Солдатской правды», тут дело обстояло гораздо сложнее. По распоряжению командования флота эти газеты задерживались

под любым предлогом. Дело дошло До того, что судовой комитет «Трех святителей» обратился ко всем матросам, солдатам и рабочим крепости с призывом потребовать от командования флота не препятствовать доставке «Правды» на корабли флота.

Командующему Черноморским флотом адмиралу Колчаку все чаще докладывали об обнаруженных на кораблях листовках.

И вот адмирал пригласил для дружеской беседы руководителя местных эсеров Бирулю и лидера меньшевиков Канторовича. Памятуя о «духе времени», он не приказал, он попросил помочь ему «навести порядок на флоте».

Бируля и Канторович, знавшие лично Дмитрия Ильича и неоднократно слушавшие его выступления на митингах, решили использовать его имя в провокационных целях. По городу был пущен слух о том, что якобы к военврачу Ульянову собирается приехать его брат — Владимир Ильич Ленин. По всему Крыму буржуазные и мелкобуржуазные газеты, словно по команде, почти одновременно опубликовали «разоблачительные» письма Ленина, выставляя его как «немецкого шпиона».

Дмитрию Ильичу стало известно об этих слухах, но он на первых порах не придал им никакого значения. Враги распространяют любую ложь, лишь бы очернить революционеров. Он считал, что слухи сфабрикованы командованием флота, отъявленными контрреволюционерами. И хотя Дмитрий Ильич прекрасно помнил образцы политического двурушничества меньшевиков, он не хотел, не мог допустить мысли о том, что они смогли организовать эту гнуснейшую провокацию.

Больше того, Симферопольский Совет по настоянию меньшевистских и эсеровских депутатов высказался против приезда Ленина в Крым. Такое предложение от имени своей фракции внес не кто иной, как севастопольский эсер Бируля, якобы располагавший достоверными сведениями из самых авторитетных источников. Провокационное постановление эсеро-меньшевистского Совета опубликовали многие газеты Крыма.

Эта акция врагов революции вызвала гнев и возмущение крымского пролетариата. Рабочие и матросы потребовали принять резолюцию о политическом недоверии прислужникам буржуазии из Симферополя. На заседании Совета попытался выступить Калич, но эсеры, кадеты и меньшевики встретили его появление на трибуне невообразимой руганью и едва не стащили с трибуны. Тогда Сюсюкалов обратился с протестом в редакцию газеты «Крымский вестник». Редактор, ознакомившись с текстом, согласился напечатать, но… за баснословную сумму. Ни одна газета Крыма большевистского протеста не опубликовала.

Крымским большевикам помогли рабочие Одессы, Харькова,

Донбасса. Ростовская газета «Знамя свободы» 16 мая напечатала резолюцию рабочих. В этой резолюции говорилось: «Выразить глубокое возмущение против насильственных мер, предпринятых исполнительным комитетом Совета, и позорного отношения названного Совета к старому солдату революции и выразителю интересов всего международного пролетариата — товарищу Ленину. Приветствовать его и выразить ему глубокое сожаление в том, что в России существуют рабочие и солдаты, подобные симферопольским депутатам».

В дальнейшем обстановка стала еще хуже. Ссылаясь на постановление Симферопольского Совета, эсеры, меньшевики, не говоря уже о кадетах, стали терроризировать большевиков и сочувствующих им солдат и матросов.

Как-то вечером санитар севастопольского госпиталя обнаружил выброшенное прибоем тело матроса. Матрос был еще жив. Санитар доставил его в перевязочную. Там ему была оказана необходимая помощь. Придя в себя, он узнал военврача Ульянова. Так Дмитрий Ильич познакомился с большевиком Михайловым, матросом с корабля «Борец за свободу». Оказалось, что днем Михайлов выступал на митинге, разоблачал Временное правительство, но эсеры его избили и выбросили за борт. Теперь Михайлову не было резона возвращаться на свой корабль — арестуют, и Дмитрий Ильич отправил его с провожатым на квартиру рабочего Клепикова. Утром в госпиталь нагрянули офицеры контрразведки, они потребовали от Дмитрия Ильича объяснений: куда исчез избитый на митинге матрос Михайлов. Ульянов отвечать отказался. Ему пригрозили арестом.

Эти слова не были пустой угрозой. Уже в мае в Севастопольской крепости было объявлено, что большевикам запрещается вести агитационную деятельность в какой бы то ни было форме. Севастопольский горком РСДРП (б) перешел на полулегальное положение, а вскоре был разгромлен. Уехавший в Петроград в составе делегации Черноморского флота Андрей Калич вернулся в Севастополь под конвоем.

Стало ясно, что против военврача Ульянова готовится провокация. Секретарь комитета Савелий Сапронов в целях безопасности Дмитрия Ильича советует ему поменять обстановку, хотя бы на время.

Выход был найден. В Одессе, в штабе Румынского фронта, работали друзья Дмитрия Ильича: Дзевановский — главным военно-санитарным инспектором, профессор Бурденко — начальником санитарной части армии. По требованию Дзевановского и по согласованию с Бурденко военврач Ульянов переводится «поближе к фронту» — назначается

делопроизводителем управления санитарной части армии.

В начале июня Дмитрий Ильич выехал в Одессу. Это были горькие, тревожные дни. Уже в июле партия большевиков вынуждена была снова уйти в подполье. Газеты пестрели сенсационными сообщениями о розыске главного большевика — Ленина. Несколько раз на глаза Дмитрию Ильичу попадались заметки: Ленин арестован… Неужели все повернуло в старое русло?

С грустью писал он в эти дни в Питер Марку Тимофеевичу Елизарову, надеясь, что его письмо прочтут брат и сестра: «… Пока сижу за бумажными делами делопроизводителя врачебно-клинического отдела, но возможно, что в скором времени Дзевановский даст мне место врача для поручений».

НАРОДНЫЙ КОМИССАР

ОКТЯБРЬ

В сентябре политическая обстановка в стране круто изменилась. Из Советов рабочие и солдаты изгоняли кадетов, меньшевиков, эсеров… Влияние большевиков усиливалось.

Дмитрий Ильич снова просит Дзевановского похлопотать о переводе в Севастополь — там он связан общественными и партийными делами, там его работа будет эффективнее. Антон Андреевич понимал, почему его друг рвется обратно в Крым, и отговаривать не стал: ему виднее.

По приезде в Севастополь Дмитрий Ильич познакомился с Юрием Петровичем Гавеном. Революционный путь Гавен начал еще в 1901 году, активно включившись в деятельность марксистского кружка Прибалтийской учительской семинарии. В апреле 1907 года он был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП. Потом попал на каторгу. Весной 1917 года вернулся из Сибири, и Яков Михайлович Свердлов направил его в Крым, напутствуя такими словами: «Вопрос о взятии власти пролетариатом — вопрос нескольких дней. Во всех крупных центрах пролетарские силы уже достаточно созрели. На юге же, особенно в Крыму, дела обстоят плохо. Там наблюдается полное засилье социал-соглашателей. А это особенно печально, если принять во внимание значение Севастополя как военного порта. Ваша задача — превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья. Севастополь должен стать Кронштадтом Юга».

Юрий Петрович признался Дмитрию Ильичу, что ехал он с мыслью сразу же по приезде в Севастополь наладить выпуск газеты. Но на месте, к огорчению своему, убедился: в ближайшее время с газетой ничего не получится — нет денег, нет печатников, нет базы. Все типографии в руках меньшевиков и эсеров. Деньги ЦК обещал прислать, а вот бумагу и типографию рекомендовали искать на месте.

Пока же нужно было завладеть инициативой, вырвать солдат и матросов из пут меньшевистского фразерства. Кроме Гавена, здесь с июля вела работу среди матросов Надежда Ильинична Островская. При содействии Ржанникова она проникла в Севастополь и уже на второй день на солдатском митинге была избрана в Совет. В середина лета удалось восстановить Севастопольскую большевистскую организацию. Массы пошли за большевиками. В августе миноносец «Капитан Сакен» первым из кораблей Черноморского флота полностью перешел на сторону большевиков.

Комиссар Черноморского флота эсер Бунаков вынужден был телеграфировать в Морской генеральный штаб: «За короткое время Севастополь стал городом большевиков. Большое возбуждение, беспрерывные митинги, на которых дают говорить только большевикам. В некоторых частях уже взяли на руки оружие. У большевиков появились хорошие ораторы… Решительных мер против агитации большевиков и против митингов принять нельзя, так как не на кого больше положиться…»

Когда Бунакову доложили, что вернувшийся из Одессы военврач Ульянов включился в активную работу, выступает на митингах, он распорядился арестовать его и предать военно-полевому суду, как офицера, уклоняющегося от исполнения своих обязанностей.

В тот день Дмитрий Ильич выступал на корабле «Ростислав». На берег вернулся уже вечером. Распрощавшись с матросами, пошел к себе на квартиру. Но не успел отойти от пирса, как его арестовали. К счастью, матросы «Ростислава» заметили, как Дмитрия Ильича увозили под конвоем, и они, выскочив на берег, быстро разоружили конвой контрреволюционеров.

О безопасности Дмитрия Ильича позаботился и Севастопольский комитет РСДРП (б). Член комитета Савелий Сапронов встретился с Бунаковым и потребовал оставить Ульянова в покое, а от себя добавил, что, если преследования не прекратятся, он, Бунаков, будет ответ держать за все сразу. В 1906 году Сапронов служил вместе с Бунаковым. Они готовили восстание на учебных кораблях «Рига» и «Память Азова». Руководителей восстания выдал провокатор. Подозрение пало тогда на Бунакова.

Рабочий класс России повсеместно готовился к вооруженному восстанию — последнему, решительному бою с капитализмом.

Благодаря энергичной деятельности Островской, Гавена, Ульянова большевистская организация Севастополя увеличилась до 150 человек. К середине октября большевики вели работу практически на всех кораблях и в каждой казарме. Военные предприятия оказались почти полностью под влиянием большевиков.

В октябре прошли широкие митинги в судостроительных мастерских Севастопольского порта, на линейных кораблях «Иоанн Златоуст» и «Евстафий», на гидрокрейсере «Авиатор», в Минной школе, в двух дивизионах крепостной артиллерии, Втором крепостном госпитале, Флотском экипаже. На этих митингах были приняты большевистские резолюции о немедленном переходе всей власти к Советам, передаче земли

крестьянам, установлении рабочего контроля над производством, об освобождении всех политических заключенных. По поручению горкома партия Дмитрий Ильич проводил митинг на корабле «Свободная Россия». В резолюции моряки «Свободной России» заявили: «Вся полнота власти должна перейти в руки революционного пролетариата и крестьянства в лице их представителей, так как только в этом есть спасение страны в революции. В основу деятельности власти должна быть положена резолюция, принятая Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Петрограда от 1 сентября 1917 г.».

И снова после четырехмесячного перерыва на кораблях флота стали реять красные флаги. Первым поднял красный флаг миноносец «Фидониси». Этот корабль был опорой Севастопольского комитета большевиков. Его примеру последовали миноносцы «Заветный», «Хаджибей», «Калиакрия», «Дерзкий», «Пронзительный».

Меньшевики и эсеры, пользуясь своим численным преимуществом в Совете, всячески пытались сорвать подготовку вооруженного выступления воинских частей и рабочих.

Однажды вечером район крепостного госпиталя оказался оцепленным отрядом милиции. Комиссар милиции вручил начальнику караула предписание: посты, расположенные на территории складов, передать под охрану милиции. Начальник караула, человек исполнительный, приказ выполнил тотчас же, однако перед уходом заглянул в госпиталь, где у него было много знакомых, рассказал о странном распоряжении Совета: оружие со складов передать милиционерам, этим торговцам и чиновникам. А ведь склады принадлежат саперному батальону, значит, солдаты являются хозяевами оружия и боеприпасов, которых, кстати, хватило бы на целый полк.

Дмитрий Ильич, услышавший эту новость, понял, в чем дело: солдаты саперного батальона идут за большевиками. Значит, эсеры и меньшевики, пользуясь «законной властью», решили разоружить саперов.

Милиционеры под покровом темноты торопливо грузили на подводы оружие и боеприпасы. Надо было немедленно действовать. Если поднять по тревоге саперный батальон, бой неминуем: саперы не допустят разоружения батальона.

Пришлось из госпиталя срочно послать связного к дежурному по городскому комитету большевиков.

Вызванный наряд матросов отправился в госпиталь и вынудил милицию ретироваться.

Этот случай заставил городской комитет большевиков

принять решение об охране революционными матросами и солдатами военных крепостных объектов. Как показали дальнейшие события, эта мера была нелишней.

Город жил напряженным ожиданием вестей с севера. Ночью на городском телеграфе торопливо застучали аппараты: «Вчера, 25 октября 1917 года, в Петрограде совершилась социалистическая революция. Временное правительство низложено. Вся полнота власти в руках Советов».

Рано утром исполком Севастопольского Совета собрался на экстренное заседание. Здесь из двадцати пяти членов было только четыре большевика. Солдаты, моряки и рабочие потребовали от исполкома признать власть Советов как единственно законную власть России.

В девятом часу утра в госпитале раздался телефонный звонок. Попросили к трубке Дмитрия Ильича. Юрий Петрович Гавен поздравлял всех товарищей с победой революции. От него Дмитрий Ильич узнал, что взят штурмом Зимний дворец, министры Временного правительства арестованы, товарищ Ленин возглавил правительство. Уже опубликованы декреты о мире и земле.

Большевики госпиталя поспешили в «Ренессанс»[39] на открытое заседание Совета.

Здание городского театра гудело от множества голосов. Матросы с трудом сдерживали восторженную толпу народа. Дмитрий Ильич протиснулся в зал в тот момент, когда председатель заседания читал резолюцию:

— «Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов, заслушав доклад исполнительного комитета о всех его действиях в этот исторический переходный момент Великой революции, считает постановление исполнительного комитета о взятии власти в свои руки как активную поддержку революции в момент решительной схватки буржуазии с демократией — вполне правильным».

Председатель продолжал:

— «Подтверждая и приветствуя взятие власти исполнительным комитетом Совета, Совет по-прежнему уполномочивает на выполнение своей воли и исполнительный комитет. Да здравствует взятие власти Советами!»

Присутствующие предложили послать в Петроград телеграмму. Спустя несколько минут председатель вышел на трибуну и огласил текст:

— «Петроград… Петроградскому Совету для Всероссийского Съезда Советов. Приветствуем победоносную революцию. Власть Советом взята. Ждем распоряжений».

Председатель потряс в воздухе листком бумаги. Зал ликовал. Но буквально на следующий же день меньшевистско-эсеровский Совет, получив директивы из своих центров, заявил, что он не признает Советской власти. В Севастополе запахло порохом. Меньшевики и эсеры привели в боевую готовность верные им воинские части. Большевики также готовились к битвам.

Дмитрий Ильич поспешил перебраться на Екатерининскую, 12, где помещался комитет РСДРП (б), и целиком отдался агитационной работе.

Партийный комитет работал круглосуточно, одно заседание сменялось другим, неотложно решались сотни больших и малых вопросов. Во флигеле, примыкавшем со двора к дому, размещалась агитационная группа Ульянова. Вскоре ей пришлось выполнять весьма важную и ответственную задачу.

Из Ростова прибыла делегация рабочих. Там контрреволюция уже подняла голову. К Ростову подступал царский генерал Каледин. На Дону начиналась гражданская война. Классового врага могла сокрушить только хорошо обученная и вооруженная революционная армия.

Делегаты рассказали о том трудном положении, в котором оказались ростовские рабочие. Нет оружия. Нет продовольствия. Дмитрий Ильич, внимательно выслушав ростовских делегатов, посоветовал им завтра же об этом рассказать на Черноморском флотском съезде. Он был уверен, что черноморские моряки помогут ростовчанам.

Члены комитета в оперативном порядке обсудили просьбу ростовских товарищей. До открытия Черноморского флотского съезда оставались всего одни сутки, но за это время надо было успеть поговорить со многими товарищами.

Канун съезда для Дмитрия Ильича и его помощников явился периодом больших испытаний. Летучие митинги, на которых выступали большевистские агитаторы с разъяснением сути калединщины, прошли на многих кораблях и в солдатских казармах. Агитаторы убедили массы в том, что Каледин — это ставленник контрреволюции и его выступление можно подавить только силой оружия.

На съезде слово было предоставлено главе делегации — члену Ростовского городского Совета. Тот зачитал письмо ростовских рабочих. Письмо выслушали в полном молчании, но, когда председательствующий большевик Платонов поставил перед съездом вопрос, посылать или не посылать помощь, зал наполнился выкриками. На трибуну поднялся правый эсер Бунаков.

— Ростовский пролетариат, — патетически начал он, —

героический пролетариат. Мы восторгаемся мужеством, с которым он борется против генерала Каледина. Но… — он сделал паузу, отпил из стакана глоток воды, — но, славные делегаты-черноморцы, мы не можем послать помощь ростовчанам, мы не должны распылять наши силы.

— А если ростовчане сами не справятся? — бросил из президиума реплику большевик Пожаров.

Бунаков узнал его голос и, не оборачиваясь, ответил: — Не справятся — значит, сами виноваты, что не мобилизовали всю доблестную ростовскую Красную гвардию. Товарищи, я считаю, мы должны послать на Дон делегацию для оказания, так сказать, символической помощи.

Пожаров попросил слова.

— Свое мнение эсеры высказали. Они отказываются помочь революционному Ростову. Ну а мы, большевики, предлагаем послать на Дон сильную, хорошо вооруженную флотилию.

На реплику Бунакова «За вами не пойдет матросская масса» он потряс в воздухе пачкой бумаг:

— Вот оно, доказательство того, что за нами пойдут. Это резолюции моряков в поддержку ростовского пролетариата.

Теперь даже колеблющиеся поняли, что массы на стороне большевиков. Предложение Пожарова было принято сорока тремя голосами против двадцати трех.

После съезда большевики сразу же начали формировать флотилию. В добровольцах недостатка не было. Около тысячи моряков записалось в экспедиционный отряд. 12 ноября флотилия вышла из Южной бухты и взяла курс на Дон. В ее составе были два миноносца и два тральщика. Вместе с вооруженным отрядом отправился и врач Владимир Сергеевич Лягодкин. Он охотно принял предложение Дмитрия Ильича возглавить санитарное отделение отряда.

Вслед за Донской флотилией севастопольцы приступили к формированию нового Черноморского отряда.

Как никогда, ощущалась отдаленность Севастополя от красного Петрограда. Из столицы с нетерпением ждали известий и прежде всего «Правду».

С севера прибывали поезда. «Правды» не было. Газета таинственным образом исчезала в дороге.

«Дорогие товарищи! — писал в ЦК Николай Арсеньевич Пожаров. — Комитет, вынужденный долгим неполучением ЦО «Правды», с самого начала Октябрьского переворота, поручил мне обратиться к вам с настоящим письмом. Мы неоднократно обращались к издательству с просьбой об аккуратной посылке газет. С тем же теперь обращаемся и к вам.

Кроме этого, организация очень нуждается и в литературе последних новейших изданий, отсылка которых на наши заказы задерживается…

Теперь, когда здесь, на юге, разгорается борьба с контрреволюцией, когда нарождаются «краевые» власти из городской думы, земств, городов, нам нужно развить самую упорную борьбу, самую широкую агитацию. Здесь открыто призываются массы на борьбу с Советами, с правительством народных комиссаров. Нужны силы, нужны работники, присылайте немедленно.

В Симферополе образовалась краевая власть из городских дум, земских самоуправлений, национальных групп и оборонческих советов в составе 48 человек, которая называет себя «советом народных представителей». Задача этой власти: «регулирование денежных знаков, с одной стороны, борьба с большевиками, с «большевистским» правительством и с Советами, воспрепятствование доставки хлеба в центр, с другой». Это не пустые слова, это факты…»

Пожаров сообщал также, что Севастопольский Совет такую власть не признает и своих представителей отзывает, а в самом Севастополе для работы с многочисленным воинским гарнизоном нужны работники, которые помогут окончательно вырвать массу из-под влияния эсеро-меньшевистско-кадетских руководителей.

«Мы пытаемся выпускать здесь газеты, ищем типографию, нужны будут деньги, но также нужны будут и работники, способные поставить газетное дело. Нам нужно одного газетного работника и двух агитаторов-организаторов».

Пожаров предложил Дмитрию Ильичу вместе с товарищами Кобылянским, Алексакисом и солдатом Басенко войти в состав редколлегии будущей газеты. Начались поиски типографии и печатников. Одновременно Дмитрию Ильичу было поручено выяснить обстоятельства исчезновения «Правды». И вот здесь пришлось прибегнуть к помощи большевистского разведчика, заброшенного симферопольскими подпольщиками в местную охранку еще накануне войны. Так спустя четыре года Дмитрий Ильич снова встретился с Афанасием Семеновичем Мочаловым, бывшим служащим губернского жандармского управления. Пока только было известно, что поезда, следующие в Крым, как правило, обыскиваются и все большевистские издания изымаются. Все это происходит между Джанкоем и Симферополем. Действуют опытные сыщики, по всей вероятности, дрессированные еще охранкой. Мочалов взялся их обнаружить и обезвредить.

В конце ноября 1917 года крымская контрреволюция

образовала два так называемых правительства: татарская националистическая «директория», вынашивавшая планы отторжения Крыма от России и присоединения его к Турции, и «совет народных представителей» (кадеты, эсеры, меньшевики), или, как их метко переименовали трудящиеся, «совет народных предателей». Эти два антисоветских фронта создали объединенный «Крымский штаб» — вооруженные силы контрреволюции. «Крымский штаб» располагал значительными силами — его поддерживал мусульманский корпус и 200 тысяч бывших офицеров царской армии.

«Крымский штаб» рассчитывал одним ударом покончить с Советами в Крыму. Первый открытый конфликт между «Крымским штабом» и Севастопольским ревкомом произошел 28 декабря 1917 года в связи с разоружением большевистски настроенных воинских частей, дислоцированных в Евпатории. Большевики Евпатории обратились за помощью к Севастопольскому ревкому. Тот потребовал от «Крымского штаба» в течение 24 часов вернуть оружие солдатам и матросам Евпатории. В ответ на ультиматум «Крымский штаб», в свою очередь, потребовал от ревкома прекратить посылать матросов-агитаторов в города Крыма и стал спешно подтягивать войска к Севастополю.

В ночь с 10 на 11 января 1918 года вооруженные отряды татарских националистов кинулись на Севастополь. Бой завязался у Камышловского моста. Первый удар приняли севастопольские рабочие.

В ревкоме Юрий Петрович Гавен огласил донесение командира второго красногвардейского отряда. Оно заканчивалось словами: «Идет кровопролитный бой. Немедленно пришлите помощь». Вместе с подкреплением отправился и врач Ульянов. Пожаров, увидев его под пулями перевязывающего раненых, предложил покинуть поле боя. Но Дмитрий Ильич не ушел в укрытие, пока не подобрали последнего раненого.

Ночью революционные войска севастопольского гарнизона двинулись на Симферополь, сбивая по пути заслоны татарских националистов и белогвардейцев. Вместе с боевыми отрядами рабочих, солдат и матросов Дмитрий Ильич участвовал в освобождении Симферополя. Только на рассвете 16 января вернулся домой и сразу же поспешил в редакцию.

В среду, 24 января 1918 года, конфискованная у кадетов «американка» уже печатала первые экземпляры «Таврической правды». Все эти дни Дмитрий Ильич не покидал редакции, вместе с Кобылянским и Алексакисом собирал материалы, многие статьи писал сам, разъясняя в них первоочередные задачи

трудящихся Крыма.

Трудности встречались на каждом шагу. Не хватало бумаги. Не было хороших печатников. Центральный Комитет не мог дать всего того, что просили севастопольцы. Из ЦК писали: «Вы спрашиваете, товарищи, сможет ли ЦК помочь вам в чем-либо в создании газеты «Таврическая правда». Не знаю, о какой помощи вы говорите, о материальной или о литературной? Относительно последней вряд ли, так как все наши литературные силы не могут сотрудничать даже в «Правде», все они работают, кто в комиссариате кем-либо, кто в экономическом совещании, кто в банке… Что же до материальной, то, вероятно, некоторую помощь ЦК мог бы оказать, хотя некоторая доля помощи вам уже оказана и вам послано 800 рублей. На бумагу же вам рассчитывать не приходится, так как лишней бумаги нет у нас в распоряжении».

Стало ясно: надо искать полиграфистов на кораблях.

Назавтра Ульянов отправился на «Трапезунд». Матросы встретили Дмитрия Ильича как старого знакомого. Здесь он уже однажды выступал. Дмитрий Ильич постарался объяснить, что без хорошо оборудованной типографии, без полиграфистов нет возможности выпускать ежедневную газету. Матросы возмутились — по какому же тогда праву в революционном Севастополе свободно печатается контра?

Общее собрание экипажа корабля «Трапезунд» постановило: газету «Крымский вестник» закрыть как контрреволюционную, а типографию передать большевистской организации — газете «Таврическая правда».

В ночь с 5 на 6 февраля Дмитрий Ильич написал статью, которая появилась в «Таврической правде» под названием «Задачи Советской власти в деле охраны народного здравия».

«Рабоче-крестьянская революция в своем поступательном движении сметает все остатки старого строя, ломает все ненужные перегородки между людьми, разрушает до основания прогнившие учреждения. Подобно бурному весеннему потоку, она сносит на своем пути все запруды и преграды. Это ее разрушительная, очистительная работа.

Но, разрушая старое, можно теперь же созидать новое; отбрасывая негодное, нужно бережно сохранять здоровые ростки, нужно использовать в полной мере полезную работу прошлого, его долгий опыт и знания. Созидательная творческая работа несет с собой очень много трудностей, но из этого вывод только один: нужно, не медля ни минуты, дружными усилиями браться за дело».

Далее Дмитрий Ильич выдвигает конкретные задачи, которые требуют безотлагательного решения. Главная из них — ликвидация так называемых профессиональных заболеваний.

«При новом, социалистическом строе профессиональные болезни нужно свести на нет, нужно устранить все трудности в производствах, здоровье рабочего должно быть оберегаемо всеми мерами».

Сколько лет Дмитрий Ильич вынашивал эти мысли!

СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ТАВРИДЫ

Северный мартовский ветер принес на крымскую землю резкое похолодание и запах порохового дыма. На Украине полыхали бои с немецкими интервентами. Фронт медленно приближался к Перекопу и уже черной тенью касался Таврии.

Для защиты Крыма в спешном порядке формировались части Красной Армии. Но уже было видно, что хорошо обученную многочисленную армию оккупантов остановить не удастся. Тогда Таврический ЦИК, избранный в марте 1918 года на губернском съезде Советов, предпринял смелые организационные и дипломатические шаги. На очередном заседании Центрального Исполнительного Комитета член губкома партии Станислав Новосельский сообщил:

— Совнарком Российской Советской Социалистической Республики предлагает нам обнародовать свою республику в пределах нейтральной зоны, то есть весь Крым…

Таврический ЦИК принял постановление об образовании Советской Социалистической Республики Тавриды. Членов Таврического ЦИКа тревожило поведение буржуазных украинских националистов: своей предательской политикой они способствовали немецкому наступлению на Крым[40]. Ставку на немцев делали и татарские националисты. И тем не менее ЦИК пришел к единодушному мнению: объявить Советскую Таврию составной частью Российской Федерации, власть которой распространяется на Черноморский военный флот.

Заборы и стены домов украсились декретом:

«Центральный Исполнительный Комитет, согласно постановлению 1-го Учредительного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и поселянских депутатов, всех земельных и военно-революционных комитетов Тавриды, состоявшегося 10 марта 1918 года, объявляет территорию Крымского полуострова в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Перекопского уездов Советской Социалистической Республикой Тавриды».

Совет народных комиссаров республики возглавил Антон Павлович Слуцкий, присланный Лениным. Накануне заседания ЦИКа Антон Павлович встретился с Ульяновым и предложил ему занять пост комиссара по делам национальностей Крыма. Дмитрий Ильич ответил, что на этот пост нужен человек, до тонкостей разбирающийся в местных национальных условиях. Он же себя к таковым не относит. Для работы в наркомате Ульянов посоветовал привлечь товарищей, которых он хорошо знал по

многолетней подпольной работе и которые могли со знанием дела разобраться в программах и программках многочисленных буржуазных партий, в частности татарских, немецких, караимских.

По рекомендации Слуцкого Дмитрий Ильич возглавил в правительстве Советской Тавриды Наркомат здравоохранения. Новые обязанности заставили переехать в Симферополь — столицу республики. Через несколько дней он был уже в командировке: объезжая города Крыма, создавал первые на полуострове советские медицинские учреждения. Врачей нет. Медикаментов нет. Работники ревкомов, куда Дмитрий Ильич обращался за содействием, не знали, за что хвататься: кругом разруха, саботаж, нет продовольствия, топлива, одежды.

С грустными мыслями нарком здравоохранения ехал в Симферополь. Видимо, нужно начинать с соответствующих декретов по созданию медицинских учреждений в уездах. Но в первую очередь выступить на заседании совнаркома…

В Симферополь попасть ему не удалось. Дорога оказалась перерезанной отрядами мусульманского корпуса, не добитого в январских боях и теперь занявшего леса Восточного Крыма. Пришлось возвращаться в Феодосию, чтоб оттуда дозвониться в совнарком, выяснить обстановку.

Оказалось, контрреволюция перешла в наступление повсеместно. Судьба Республики Тавриды была предрешена. Войска кайзеровской Германии ворвались в Крым. Сбивая малочисленные красногвардейские заслоны, они быстро продвигались в глубь полуострова. В спешном порядке началась эвакуация советских учреждений в Севастополь, под прикрытие военного флота. Туда же переехало и правительство во главе с Антоном Слуцким.

В Феодосию поступали сведения одно тревожнее другого, но все прямо или косвенно были связаны с продвижением немецких войск по дорогам Таврии.

Поздно вечером в дом Теребнинской на Керченском шоссе, где поселился Дмитрий Ильич, заглянул Хмелько, товарищ по довоенному подполью, а ныне член Феодосийского ревкома. Он только что возвратился из Судака, там принимал участие в разгроме банды татарских националистов, замучивших председателя местного ревкома Суворова и безоружных моряков, обслуживавших маяк на мысе Меганом. Но самую печальную новость Дмитрий Ильич узнал из газеты, которую Хмелько захватил с собой. Это были «Известия ВЦИК» от 22 апреля 1918 года. Газета сообщала:

«Немецко-австрийские войска заняли Симферополь. У входа в

Севастополь немецкие подводные лодки начали свою «контрольную работу»… Что же касается Крыма, то здесь немецкое правительство не пробовало даже найти какое-либо оправдание для своих действий. На Крым, который даже в Украинском универсале признается русским, направлены теперь захватные вожделения немцев, преследующих здесь одну цель. Русский Черноморский флот, господствующий на Черном море, должен быть уничтожен, не знаем, в пользу ли Украины или турецкого султана, но другой цели, кроме уничтожения русского Черноморского флота, не может преследовать германская армия в Крыму».

Казалось, Советская власть обосновалась в Крыму надежно, навсегда. А уже сданы Евпатория, Симферополь. Неизвестно, что происходило в Севастополе… Пока не оккупирована немцами Феодосия, надо попытаться проскочить в Севастополь морем. По берегу бесполезно: татарские националисты перехватят. Но в Феодосии не нашлось ни одного катера: еще месяц назад они были переброшены в Керчь для охраны пролива, с Кубани ждали высадки белогвардейского десанта. Теперь поговаривали, что немцы дойдут до Керчи, соединятся с белогвардейцами. Слухи о том, что немцы занимают весь полуостров, вскоре подтвердились орудийными выстрелами: на море около Судака шла артиллерийская дуэль. Сомнений не было — немецкий флот препятствовал эвакуации войск Советской Таврии. Караваны судов, отстреливаясь от наседавшего врага, тянулись на юго-восток, в неоккупированные порты Северного Кавказа.

А ночью в центре Феодосии неожиданно вспыхнула ружейная перестрелка. На рассвете к Дмитрию Ильичу в сопровождении красногвардейцев заскочил Хмелько. Он осторожно поддерживал раненую руку. На пыльном бинте проступала кровь. Оказалось, подпольная контрреволюционная организация, называвшая себя «Союзом инвалидов», подняла мятеж. Офицеры, составлявшие ядро организации, захватили почту. Пришлось их выбивать силой.

Хмелько предупредил, что завтра-послезавтра немцы будут в городе, и пообещал прислать подводу. Друзья распрощались. Это была их последняя встреча[41].

В сопровождении опытного проводника Ульянов выехал в Евпаторию. Там он был известен узкому кругу людей как санитарный врач Феодосийского уезда. Он не знал, что несколько дней назад трагическая судьба постигла комиссаров Республики Тавриды Антона Слуцкого, Яна Тарвацкого, Алексея Коляденко, Станислава Новосельского и друга Дмитрия Ильича еще по довоенному подполью Тимофея Гавриловича Багликова.

…21 апреля, не дождавшись корабля из Севастополя, члены ЦИКа Тавриды решили на автомобилях проскочить из Ялты в Феодосию, чтобы оттуда морем уйти и Новороссийск. Утром Алексей Коляденко позвонил в Алушту. К телефону подошел начальник милиции левый эсер Белов. Он заверил комиссара, что в городе Советская власть держится крепко, можно ехать спокойно, а сам тут же передал эскадронцам — главарям татарского контрреволюционного мятежа — встретить большевиков как следует.

У деревни Биюк-Ламбат татарские националисты устроили засаду, и члены правительства Советской Республики Тавриды были схвачены и доставлены в Алушту к Белову. Татары избили связанных комиссаров, затем раздели и втолкнули в каменный подвал купеческой дачи. Двое суток Белов зверски издевался над комиссарами-большевиками. На третий день в бухту вошел миноносец с десантом красных моряков, спешивших на выручку членов ЦИКа. Татарские националисты увели пленников в горы и в трех километрах от города изрубили шашками.

…Весть о мученической смерти членов правительства Советской Тавриды была получена Владимиром Ильичей вместе с фронтовой сводкой. Член реввоенсовета республики Семен Иванович Аралов сообщил также, что пока нет никаких сведений о наркоме здравоохранения Ульянове. Может, он в Новороссийске?

19 мая 1918 года на имя комиссара Черноморского флота поступила радиограмма. Реввоенсовет республики предписывал установить местонахождение Д. И. Ульянова. Командование флота радировало: в Новороссийск комиссар Ульянов не прибыл…

ЕВПАТОРИЙСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

На рассвете пароконная подвода тихо въехала в Евпаторию. В город Дмитрий Ильич добрался в общем-то благополучно. Проводник оказался человеком боевым и бывалым.

Вскоре товарищ Андрей, так теперь называли подпольщики Дмитрия Ильича, уже работал врачом в евпаторийской городской больнице. Больница была превращена в опорный пункт большевистской партийной организации.

Шло жаркое лето 1918 года. Крымские большевики еще не могли противостоять хорошо вооруженным войскам оккупантов. За создание боевого партизанского отряда и взялся товарищ Андрей.

В середине августа уполномоченный ЦК КП(б)У Александр Иванович Находкин познакомил Дмитрия Ильича с двадцатилетним каменотесом Иваном Петриченко. По мнению Товарищей, он мог бы возглавить партизанский отряд. Иван Никифорович Петриченко был богатырского телосложения, с черными закрученными кверху усами на крупном загорелом лице, носил обувь самого большого размера. В Евпатории его хорошо знали. Это он год назад на глазах у прохожих, спасаясь от ареста, кулаком насмерть убил офицера. Тогда ему удалось спрятаться в Севастополе. Там летом 1918 года он вступил в большевистскую партию и в начале августа вернулся в Евпаторию, сколотил группу конных бойцов, которая вскоре была сильно потрепана в боях с белогвардейцами. И вот теперь он с горсткой людей скрывался вблизи от города, в Мамайских каменоломнях. Здесь он знал каждую пещеру.

Петриченко охотно согласился возглавить партизанский отряд, которому сам он дал название «Красные каски». Дмитрий Ильич пообещал достать оружие и боеприпасы, но предупредил, что боевые действия отряда должны согласовываться со всем партизанским движением в Крыму.

На плечи Дмитрия Ильича легли заботы по снабжению отряда оружием. В Симферополе по решению Совнаркома Тавриды была заложена база оружия. Предстояло связаться с симферопольскими подпольщиками. Получив явку, Дмитрий Ильич сам отправился в город. Уже через неделю у Мамайских каменоломен партизаны сгружали с подвод ящики с патронами.

Отряд начал боевые операции. Появились первые раненые. Партизанского госпиталя не было. И раненые сначала лечились в городской больнице. Но вскоре белогвардейская контрразведка (в Евпатории ее возглавлял полковник Демин) узнала, что раненые

партизаны обращаются за помощью к врачам города. Комендант Евпатории издал приказ, запрещавший лечить раненых без разрешения оккупационных властей. За невыполнение приказа — расстрел.

Многие врачи города не рискнули более принимать раненых бойцов. И все же однажды обстоятельства вынудили Дмитрия Ильича обратиться к доктору Казасу.

Ночью при плотно закрытых шторах доктор Казас сделал трудную операцию девятнадцатилетнему пареньку — Сергею Немичу. Пробираясь в каменоломни, Сергей попал в засаду. Белогвардейская пуля засела в легком. Отстреливаясь, партизан вернулся в город и, оторвавшись от преследователей, укрылся в подвале грязелечебницы. Только следующей ночью он сумел добраться до товарища Андрея.

Партизанский отряд мужал в боях. И, несмотря на потери, рос численно. Партийный комитет направил в каменоломни около ста человек. Это были люди, готовые до последнего дыхания драться с врагами Советской власти. Зная коварство врага, партизаны забирали с собой жен и детей.

Руководители евпаторийского подполья понимали, что семьи связывали бойцов, делали отряд громоздким и маломаневренным, а Мамайские каменоломни волей-неволей превращались в клочок территории, вокруг которой враги сосредоточивали свои карательные силы.

Кроме того, осведомители делали свое черное дело: многие раненые, лечившиеся в городе, были схвачены контрразведкой. Не избежал ареста и Семен Немич, брат Сергея. Вскоре была арестована их сестра Антонина и другие активнейшие подпольщики.

Наступил сентябрь. Два новых жестоких удара обрушились на евпаторийскую подпольную организацию.

Первый удар — неудачный побег из евпаторийской тюрьмы Зуйкова, Матвеева, Семена и Антонины Немич, Демышева и Корнилова — тех людей, что были так нужны для работы в подполье. Дало осечку одно звено, и операция, тщательно подготавливаемая партийным комитетом, провалилась. Вся группа была расстреляна.

Второй удар — весть о покушении на Ленина. 3 сентября 1918 года «Евпаторийское слово» сообщило: «В пятницу 30 августа на заводе Михельсона совершено покушение на вождя большевиков — Ленина. Стрелявшей оказалась социал-революционерка Каплан. Положение Ленина безнадежное…»

И больше ни одной строчки. Александр Иванович Находкин пробрался в Симферополь. У симферопольских товарищей свежих

газет из Москвы не нашлось. И только неделю спустя связной областного партийного комитета Овсянников привез из Севастополя «Известия ВЦИК» за 13 сентября. В бюллетене № 36 о состоянии здоровья Ленина на 20 часов 12 сентября сообщалось: «Кровоизлияние в плевру почти всосалось. Сегодня наложена на руку повязка с вытяжением. Самочувствие хорошее. Больному разрешено немного вставать с постели.

Регулярный выпуск бюллетеней прекращается».

Находкин не стал больше ни минуты задерживаться в Симферополе, обходя караулы знакомыми тропинками, поспешил в Евпаторию. Утром уже был в городской больнице и вместе с Дмитрием Ильичом читал «Известия».

Выздоровление Ленина вдохнуло в евпаторийских подпольщиков новые силы. Партизанские операции принимали все больший размах. Оккупанты не поспевали со своими отрядами «защиты». Впрочем, немецким оккупантам уже было не до партизан. В Германии вспыхнула революция. И немцы спешно эвакуировали свои войска из Крыма.

В Симферополе сменились власти. Марионеточное правительство генерал-лейтенанта Сулькевича передало свои полномочия местному миллионеру Соломону Крыму. Немецких оккупантов сменяли английские, французские, греческие, турецкие. С их одобрения подняла голову «Добровольческая белогвардейская армия».

В ноябре в Крым прибыл Ян Гамарник, представитель ЦК КП(б)У. 1 декабря 1918 года он открыл в Симферополе подпольную партийную конференцию. Решения конференции обязывали большевиков Крыма развернуть повсеместно широкую партизанскую войну против оккупантов и белогвардейцев.

Партизанский отряд «Красные каски» предпринял новую серию дерзких вылазок. Дорога между Евпаторией и Симферополем стала ареной боевых действий.

Полковник Демин докладывал начальнику штаба «добровольческой армии» генералу Пархомову: «Город Евпатория в любой момент может очутиться во власти партизан, а добровольцы, находящиеся в Евпатории, могут при создавшихся условиях не оправдать возлагавшихся на них надежд. Крайне необходимы безотлагательные действия, тем более что 15 января нового стиля городские большевики намерены совершить долго подготовлявшееся восстание. В городе паника».

Полковник Демин разработал план крупной операции. Чтобы его реализовать, нужна была санкция начальника штаба армии. И тот ничего не имел против: «В Евпаторию для водворения

спокойствия и ликвидации партизан в каменоломнях следует из Симферополя отряд; из Севастополя в Евпаторию следуют два союзных миноносца. Пархомов».

Над партизанским отрядом нависла серьезная угроза. После многочисленных боев в отряде не хватало боеприпасов, продовольствия, медикаментов.

В сопровождении опытного проводника Дмитрий Ильич отправляется в каменоломни, везет самое необходимое: медикаменты и хлеб.

В степи дул холодный, пронизывающий ветер. Не теплей оказалось в пещерах. Командир отряда стал показывать гостю хозяйство и расположение отряда: длинное подземелье с сотнями уступов и выступов. Казарма, мастерская, столовая… Много детей и женщин. Более пятидесяти раненых. Все понимали, что через день-два отряду предстояло принять неравный бой. Около берега, напротив катакомб, дымил греческий миноносец «Пантера», чуть поодаль стояли английские эсминцы. В город уже прибыл казачий полк, эскадрон татарских националистов, офицерский батальон… И вся эта сила — против обескровленного в боях партизанского отряда.

Дмитрий Ильич предложил в самом укромном месте оборудовать медицинский пункт и немедленно, этой же ночью, вывезти всех детей. После короткого совещания женщины согласились, но, к сожалению, не все.

Скрываемые темнотой партизаны, одетые в маскировочные халаты, доставили детей в город — там их приютили работницы городской больницы.

Утром 18 января офицерский батальон под прикрытием корабельных орудий начал атаку. Белогвардейцам удалось прорваться в первый ярус катакомб и засыпать камнями единственный колодец.

Каратели, пообещав пощаду, предложили женщинам и детям выйти из каменоломен. Но когда те вышли, были тут же скошены пулеметами.

С английских эсминцев матросы принесли баллоны с люизитом. И газ, как вода, потек в катакомбы.

Партизаны предпочли умереть в открытой схватке, с пением «Интернационала»…

Гибель красных партизан несколько ослабила большевистское подполье Крыма. Но евпаторийские большевики уже сколачивали новый вооруженный отряд. Он был еще плохо обучен, но готов оказать свою посильную помощь Красной Армии.

4 апреля 1919 года в Евпатории был создан революционный комитет. Заместителем председателя стал товарищ Андрей — Дмитрий Ильич Ульянов. Ревком возглавил вооруженное восстание, и 7 апреля, за четверо суток до вступления в город Красной Армии, взял власть в свои руки.

ВО ГЛАВЕ КРЫМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вечером 11 апреля к зданию Евпаторийского ревкома подкатил обшарпанный «фиат». Из машины выбрался крупного телосложения человек с редкой седой бородкой. Налегая на старенькие костыли, обошел машину, стал считать на радиаторе пулевые пробоины.

Из здания выскочили ревкомовцы: поздний гость не иначе как из Симферополя. И не ошиблись. Это был Юрий Петрович Гавен. Только ехал он из Джанкоя. По дороге его несколько раз обстреливали: по степному Крыму уже рыскали кулацкие банды.

Так после года разлуки Ульянов и Гавен снова встретились. Снова им предстояло работать вместе. Юрий Петрович заехал за Ульяновым. Утром они должны быть в Симферополе.

Дмитрий Ильич попрощался с ревкомовцами, сел в машину. По пути заскочил на Вокзальную улицу, на квартиру, торопливо собрался, и вскоре «фиат» вырвался на Симферопольскую дорогу. Гавен торопил шофера, и тот выжимал из мотора все, что было можно. В облаке коричневой пыли растворилась Евпатория, остались позади белые мазанки Сак. Юрий Петрович наконец заговорил о главном, о том, что есть решение ЦК РКП(б) об образовании Крымской Советской Социалистической Республики. И ему с группой товарищей поручено сформировать правительство. Возглавить его рекомендовано Ульянову.

Дмитрий Ильич молчал. Отказаться он не имел права. Но считал, что на посту предсовнаркома должна быть «более сильная кандидатура». И он надеялся, что в скором времени такого человека Москва пришлет обязательно.

Областная партийная конференция, которая вскоре открылась в Симферополе, одобрила решение ЦК РКП(б) об образовании Крымской Советской Социалистической Республики.

В состав правительства вошел Дмитрий Ильич Ульянов, назначенный по его просьбе не председателем, а заместителем председателя Совета Народных Комиссаров, хотя с первого и до последнего дня Крымской Советской Республики Дмитрию Ильичу пришлось исполнять обязанности предсовнаркома: Москва так и не прислала «более сильной кандидатуры».

Дмитрий Ильич был назначен также на пост наркома здравоохранения. Потом, спустя много лет, вспоминая эти дни, он скажет: «Работали на пределе физических возможностей большевика». На многое не хватало времени, и прежде всего на сон… Дмитрий Ильич вместе с Иваном Назукиным, Иосифом Полонским, Орионом Алексакисом и другими товарищами вошел

также в состав областного партийного комитета.

Юрий Петрович Гавен поручил восемнадцатилетнему чекисту Семену Мануйлову быть при главе правительства, следить за его отдыхом. Но… тут же у Мануйлова вышла осечка. Чекист напомнил Дмитрию Ильичу, что тот вот уже целые сутки не спит, чего доброго, и свалиться можно.

— Вы правы, отдыхать нужно, — весело сказал Дмитрий Ильич. — Но, дорогой Семен, только не сейчас… Видите, сколько людей ожидает…

Во втором часу ночи начиналось заседание Совнаркома. Ульянов дописал листок, передал Алексакису, распорядился, чтобы текст отпечатали немедленно, а Мануйлову, пока будет идти заседание, можно отлучиться домой и к шести утра вернуться: в семь часов предстояло ехать на митинг. Дмитрий Ильич клятвенно обещал, что и сам после заседания поспит немного.

Уже взошло солнце, когда Семен Мануйлов, побывав дома, возвращался в Совнарком. По дороге он обратил внимание на рабочего с рулоном бумаги под мышкой и небольшим ведерком в руке. Рабочий расклеивал первомайское воззвание Крымского обкома партии к трудящимся Крыма. В необычной тишине весенние улицы выглядели праздничными. Семен невольно залюбовался яркими, расклеенными повсюду листками, но, вспомнив, что пора поднимать Дмитрия Ильича, прибавил шагу. Каково же было его удивление, когда он, войдя в здание, лицом к лицу столкнулся с Дмитрием Ильичом. Тот попросил Семена взять пакет и отнести на завод «Анатра», а потом они побывали в ЧК. Предстояло распутать, как выразился Дмитрий Ильич, любопытное дело.

Чекисты задержали некого Бобровского, бывшего члена кадетского правительства, задержали с мандатом, подписанным предсовнаркома Крыма. Дмитрий Ильич долго всматривался в подпись. «Липа» была оформлена на высоком уровне.

— Замечательный пример бдительности, — похвалил Дмитрий Ильич обнаружившего подделку председателя Феодосийского ревкома. — Передайте ему горячий привет и благодарность от Советского правительства Крыма.

А что сказал в свое оправдание Бобровский? Он подтвердил догадку о том, что бланки с подписями руководящих советских работников изготовляют в Бахчисарае агенты Соломона Крыма.

Вскоре правительство Крымской Советской Республики приняло постановление об обязательной регистрации правительственными учреждениями всех командированных и уполномоченных, направляющихся на места, а также о

тщательной проверке документов этих лиц. Вместе с этим постановлением были высланы образцы подписей ответственных работников, имеющих право выдавать мандаты.

У Дмитрия Ильича было к чекистам еще одно дело. Оно ему не давало покоя уже больше года. Он попросил председателя Крымчека навести справки о Мочалове и его двух помощниках.

Контрреволюция скоро почувствовала, что Ульянов — опытнейший революционер, не случайно стоящий во главе правительства Советского Крыма. «Интеллигент с пролетарским нутром» — так писали о нем буржуазные эмигрантские газетенки.

Вскоре по его инициативе Совнарком предпринял шаг, после которого уже не смогли оправиться загнанные и подполье враждебные советскому строю партии. Этим шагом явилась декларация правительства Крымской Советской Республики. В ней излагалась широкая программа действий и определялись цели и задачи правительства и трудящихся Крыма. А в отношении врагов… «Считаясь с продолжающейся еще борьбой с буржуазной контрреволюцией на Крымском полуострове и в целях создания вооруженной опоры власти рабочих и крестьян, Временное рабоче-крестьянское правительство уделит особое Свое внимание вопросам формирования регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

В этой же декларации со всей решительностью подчеркивалось, что в рядах Красной Армии и Красного Флота, на железных дорогах, на освобожденных от власти помещиков полях, в учреждениях — повсюду должна чувствоваться непреклонная воля пролетариата и революционного крестьянства покончить со старым миром и воздвигнуть новый, коммунистический строй.

Декларацию подписали Ульянов, Дыбенко, Гавен, Городецкий, Вульфсон-Давыдов, Полонский, Назукин.

В Москве декларация вызвала особый резонанс. Владимир Ильич, ознакомившись с ее содержанием, попросил телеграфировать в Харьков и Киев, чтоб принять эффективные меры по упрочению Советской власти в Крыму. Правительству Крымской Республики была оказана посильная финансовая и материальная помощь.

Встречной телеграммой в Москву Симферополь передал:

«Провозглашая создание Крымской Социалистической Советской Республики, Советское Временное Рабоче-Крестьянское правительство Крыма обращается с коммунистическим приветом к братским социалистическим республикам России, Украины, Венгрии, Баварии и Литвы, а также ко всему международному коммунистическому пролетариату и выражает полную решимость

бороться в тесном союзе со всеми советскими республиками до полного торжества мировой коммунистической революции. Временное Рабоче-Крестьянское правительство Крыма твердо уверено в том, что близок день, когда на развалинах залитого кровью капиталистического мира Третьим Коммунистическим Интернационалом будет воздвигнуто царство свободного труда.

Да здравствует международная коммунистическая революция!

Да здравствует международная Республика Советов!

За председателя Временного Рабоче-Крестьянского правительства Дмитрий Ульянов».

Телеграмма шла с грифом «срочная» и поэтому немедленно была вручена Ленину. В ответной телеграмме Владимир Ильич потребовал сообщить состав правительства, а также упрекнул брата в том, что он ни строчкой не обмолвился о себе, о своей жизни за последний год. Секретарь Совнаркома Крыма Давыдов подготовил до предела лаконичную информацию, которая, в сущности, касалась только деятельности правительства. Но Москва ждала от Совнаркома главного: какие вопросы в настоящий момент решают крымчане. Поэтому Дмитрий Ильич счел нужным добавить: «Опубликовали правительственную декларацию, в общем схожую с вашей. На днях, собрав фактические данные о зверствах добровольцев, учиненных под охраной союзников над мирным населением, опубликуем по радио протест против пошлых действий Антанты и продолжающейся блокады Крыма. Копию ноты протеста сообщим немедленно».

И еще об одной телеграмме стоит напомнить. Ее прислал старый друг еще по Симбирску, а ныне заведующий отделом Наркомата здравоохранения РСФСР, Зиновий Петрович Соловьев. Зиновий Петрович просил Дмитрия Ильича рассказать о своей одиссее в Крыму и предлагал помощь.

С первого дня работы Крымского Совнаркома в Симферополе находился Климент Ефремович Ворошилов. По поручению правительства РСФСР и УССР он вместе с другими товарищами помогал Дмитрию Ильичу Ульянову в организации деятельности наркоматов молодой республики, с его участием состоялось несколько заседаний, в том числе по распределению наркомовских постов. Климент Ефремович щедро делился с Дмитрием Ильичом московскими новостями, рассказал о том, как и при каких обстоятельствах был ранен Ленин. Дмитрий Ильич расспрашивал о родственниках. И вдруг — чего никак не ожидал — он узнал о внезапной смерти в марте этого года Марка Тимофеевича Елизарова. Умер он от тифа, будучи в

командировке в Петрограде.

Однако Дмитрий Ильич имел сведения не обо всех близких ему людях. Он предпринимает попытку отыскать жену — Александру Федоровну Карпову, телеграфирует в Севастополь, в ревком. Оттуда сообщили, что по указанному адресу Карпова не проживает. Где же она? Может, в другом городе Крыма? А может, и вовсе не в Крыму? Ему было известно, что в связи с оккупацией Крыма многие севастопольцы выехали в Новороссийск. Но сейчас с Новороссийском нет связи. Была надежда, что Александра Федоровна, прочитав декреты за подписью Д. Ульянова, догадается отозваться. Но нп звонка, ни письма за весь 1919 год от нее не последовало.

Дмитрий Ильич хотел было сразу написать в Москву, но срочные дела не дали… Только через несколько дней он сумел выкроить время для письма родным: «Дорогая Маня!.. Я должен был остаться в Симферополе наркомом здравоохранения…

Вследствие болезни Гавена, приковавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастопольским и симферопольским рабочим и матросам.

Временно, за неимением лучшего, посадили меня — в ожидании сильного кандидата с севера от вас.

Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от вас и Киева сядем на мель — полное отсутствие денег и т. п.

О своем плане по курортному делу пишу Зиновию Соловьеву, на завтра созываю совещание товарищей и специалистов врачей, так что общего доклада и сметы представить пока не могу…

…У меня самочувствие великолепное, работа бодрит. При вашей поддержке будем налаживать курортную работу, после нескольких лет разгрома и хищений находящуюся в жалком состоянии. И устроим настоящую пролетарскую здравницу для всей Советской России, использовав все лечебные ресурсы Крыма.

Крепко целую тебя, Аню и Володю. Привет и пожелание здоровья Н. К. и всем вам. Печальную весть о Марке узнал недавно. Она как громом поразила меня. Твой *Дмитрий».*

Дмитрий Ильич успел только поставить на конверте адрес: «Москва, Редакция «Правды», Марии Ильиничне Ульяновой», как его срочно вызвали к аппарату. Звонил председатель Джанкойской ЧК, докладывал о выполнении задания. Подробности обещал сообщить при встрече.

Наконец-то история с Мочаловым прояснилась. ЧК Джанкоя установила, что в декабре 1917 года Мочалов прибыл в Джанкой и вел какое-то расследование. Затем с приходом белогвардейцев его уже видели в форме офицера «Добрармии». В апреле 1919

года он отступил вместе с белогвардейскими частями не то в Ялту, не то в Севастополь. И сейчас, по всей вероятности, находится по ту сторону фронта: в Керчи или на Кубани. Председатель Джанкойской ЧК пообещал доставить Мочалова живым или мертвым. Дмитрий Ильич объяснил чекисту, что Мочалов большевик-подпольщик. Его нужно разыскать, установить с ним связь, и если он прочно легализовался, пусть остается на месте. Но без заданий не оставлять. К нему необходимо послать человека абсолютно надежного, смелого, осмотрительного.

На Мочалова Дмитрий Ильич возлагал большие надежды. Мочалов мог добыть сведения о подпольных контрреволюционных организациях Крыма. Крымская контрреволюция получала от белогвардейской армии и самой Антанты щедрую материальную поддержку. Необходимы были эффективные меры по пресечению враждебной деятельности кадетов, меньшевиков, левых и правых эсеров, татарских националистов, немцев-колонистов, бандитов, называвших себя «зелеными», наконец, штатных агентов, навербованных и оставленных интервентами для диверсионной и идеологической борьбы с большевизмом.

На заседании Совета Народных Комиссаров в числе важнейших рассматривался вопрос о ликвидации контрреволюции на полуострове. Специальным декретом было решено упразднить чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и уголовными преступлениями, главные функции ЧК передать особому отделу при Военно-революционном совете республики. Ему же передавался батальон особого назначения. Декрет подписали Ульянов и народный комиссар внутренних дел Гавен. Согласно этому декрету на местные органы власти ложилась вся ответственность за наведение революционного порядка в уездах и волостях. Сами трудящиеся активно включились в работу по выявлению и ликвидации замаскировавшихся врагов.

Одновременно принимались меры по укреплению революционной законности. По указанию Ульянова на всех собраниях, митингах, был зачитан следующий приказ:

«1) Самочинные обыски, аресты, захваты частных квартир, всякие самосуды, в том числе и над бывшими чинами «Добровольческой армии», реквизиции, конфискации и т. п. нарушения революционного порядка будут рассматриваться как действия, направленные против Советской власти, будут караться со всей строгостью революционных законов.

2) Всякие призывы и выступления против отдельных наций

будут караться со всей строгостью революционных законов до расстрела включительно.

3) Лица, пойманные и уличенные в убийствах, налетах, грабежах и в расхищении народного достояния, будут беспощадно расстреливаться…»

Приказ вступал в силу немедленно. И друзья и враги сразу же почувствовали железную власть — пролетарскую диктатуру в действии.

Вскоре из штаба деникинской армии от Мочалова поступили первые сведения. Мочалов передал имена некоторых руководителей террористических групп, действовавших в портовых городах Крыма. Кроме того, ему удалось установить, что ряд меньшевиков и эсеров ведут активную идеологическую работу на предприятиях Симферополя и Севастополя, агитируя против Советской власти.

И вот результат. В Евпатории раскрыт белогвардейский заговор. В Севастополе ликвидирована диверсионная группа. Комиссар почты Иолтуховский заставил выйти на работу всех саботажников, поддавшихся агитации эсеров.

Но сломить сопротивление внутренней контрреволюции было недостаточно. Требовалась мощная военная сила, которая бы успешно противостояла войскам Антанты. Нужно было увеличить численность Красной Армии, повысить ее боеспособность.

В кабинете предсовнаркома собрались нарком по военным и морским делам Дыбенко, нарком труда Полонский, нарком внутренних дел Гавен. В оперативном порядке был обсужден проект декрета об освобождении семей красноармейцев от налогов, о бесплатном обеспечении их жилой площадью. Этим же декретом нетрудоспособным членам семей красноармейцев гарантировалась денежная помощь за счет государства. Проект был всем хорош, но в банке Крымской Республики не было ни копейки денег.

И тогда по предложению Дмитрия Ильича был обсужден проект еще одного декрета, который гласил: «Все имущество лиц буржуазии, бежавших из Крыма, объявить собственностью Крымской Советской Республики».

В тот же день оба проекта обрели силу закона. Так родились важнейшие документы правительства Советского Крыма. Благодаря этим документам республика укрепила свою Красную Армию рабочими Симферополя и Севастополя, Ялты и Феодосии, рыбаками Керчи, крестьянами степных уездов Таврии.

Преодолевая трудности, новая жизнь набирала силу. Дмитрий Ильич решил объехать города Крыма и лично убедиться, как на местах выполняются декреты Советской власти.

На шестиместном автомобиле «дэлонэ-бельвиль» вместе с Дмитрием Ильичом, помимо шофера, находились четыре красноармейца из батальона особого назначения, вооруженные ручными пулеметами «льюис».

Выехали утром. Вскоре стало припекать. К полудню солнце жгло немилосердно. У Карасубазара сделали привал. Около ручья возле украинских мазанок бойцы расположились на отдых. К автомобилю подбежали ребятишки. Увидев на фуражках людей красные звезды, стали рассказывать о том, что в горах прячутся бандиты, по ночам спускаются в долину и грабят поселян, не трогают только кулаков и немцев-колонистов, хотя у богачей хлеба много.

Дмитрий Ильич попросил мальчишек разыскать председателя местного Совета. Мальчишки мигом исполнили просьбу. Вскоре перед Дмитрием Ильичом стоял уже немолодой человек в выцветшей солдатской гимнастерке и худых сапогах. Он подтвердил, что у кулаков и колонистов хлеб есть, но поселяне боятся его реквизировать. В горах бандиты. На море англичане. За Ак-Монаем белые. Если прижать богатеев, то они руками бандитов расправятся с поселянами.

Разговор с председателем местного Совета натолкнул Дмитрия Ильича на мысль: создать на всей территории республики вооруженные отряды, им в обязанность вменить изъятие хлеба и скота у контрреволюционных элементов. В противном случае республика может остаться без продовольствия.

В Феодосии Дмитрий Ильич встретился с командующим Ак-Монайским фронтом Шишкиным. Тот пожаловался, что нет боеприпасов, особенно снарядов. На выстрелы английских кораблей отвечать нечем, и англичане с каждым днем наглеют. Дмитрий Ильич поставил в известность командующего, что английскому правительству послана нота протеста. Но у того на сей счет была своя точка зрения: разбойники признают только силу. Разбойников надо бить, а не посылать им ноты.

Вместе с комендантом Феодосии Петром Грудачевым Дмитрий Ильич зашел к писателю Викентию Викентьевичу Вересаеву, который в 1916 году переехал из Москвы в Крым. По поручению Дмитрия Ильича он возглавил комиссариат народного образования при Феодосийском ревкоме. Друзья не виделись более десяти лет, было что вспомнить: и Тартуский университет, и подпольную работу в начале века, когда в Туле в доме Вересаевых товарищи избрали Дмитрия Ильича делегатом на второй съезд партии, и врачебную практику — у обоих было много общих друзей и знакомых. Предстояло обсудить и вопросы,

которые волновали их сегодня.

Викентий Викентьевич высказывал наболевшее: далеко не все люди творческого труда считаются с трудностями, которые переживает республика.

Дмитрий Ильич был убежден, что скоро и люди творческого труда в своей массе тоже повернут к ним. Они наглядно убедятся, что такое Советская власть. Уже подписан декрет о взятии под охрану государственной картинной галереи Айвазовского. На этот счет даны указания. Этим же декретом объявляется национальным достоянием домик Чехова в Ялте, а в Симферополе открывается университет.

Викентий Викентьевич попросил предсовнаркома поддержать интеллигенцию материально. Особенно учителей. Голодают. Хотя голодали не только учителя. У республики не было ни хлеба, ни денег. Но все это было у местной буржуазии. Хлеб и деньги у них предстояло отобрать силой.

Дмитрий Ильич напомнил Вересаеву, что совсем недавно, а точнее 15 мая, он выступал на торжественном собрании, посвященном началу работы Симферопольского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, и поставил перед Советом три главные задачи:

«1. В самое ближайшее время укрепить власть так, чтобы иметь возможность в любой момент дать должный отпор как внешним, так и внутренним врагам, которые в такой трудный для Советской власти момент наносят удар в спину, натравливая одну национальность на другую, пользуясь темными инстинктами несознательных элементов.

2. Наладить хозяйственную жизнь, финансовый аппарат, так как прежние «правители» оставили пустые кассы и разрушенное хозяйство. Правительство Крыма без активной помощи Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов мало сможет сделать. Только организованностью и обоюдной помощью может быть все налажено.

3. Развернуть культурно-воспитательную работу так, чтобы поднять культурный уровень каждого гражданина на должную высоту».

И вот теперь, объезжая города Крыма, он все больше осознавал, что задачи останутся невыполненными, если не проявить максимум усилий.

В беседе ночь прошла незаметно. Над заливом поднималась заря. На горизонте виднелись английские миноносцы.

В Народном доме собрался партийный актив города — депутаты Совета и воинских подразделений. Дмитрий Ильич

выступил с речью, которую закончил словами:

— Не выжидать, а самоотверженно трудиться и сражаться, наступать на буржуазию, руководствуясь декретами Советской власти!

Затем он отвечал на записки. В каждом вопросе улавливал скрытую настороженность, которая порождалась обстановкой. Наведенные дула вражеских орудий угнетающе действовали на горожан. Путь был один — очищение моря от кораблей Антанты. Нужна была армия. Нужны были командиры, способные вести за собой красноармейцев. Нужно было время. Но история не отпустила его Крымской Республике.

Потом Дмитрий Ильич посетил Евпаторию, заночевал у своего товарища по подполью Александра Ивановича Находкина.

— Мало-помалу приводим санаторий в надлежащий порядок, — похвалился Александр Иванович. — Некоторые лечебницы уже не стыдно показать самому товарищу Ленину.

— Прекрасная идея! — сказал Дмитрий Ильич. — Посмотрим санаторий, подыщем для Владимира Ильича подходящее помещение. Здесь можно будет по-настоящему вылечить ему раненую руку.

У Дмитрия Ильича была твердая уверенность, что Крым больше не окажется в руках белогвардейцев. Обнадеживала революция в Германии, антивоенные выступления рабочих в Западной Европе, а главное, успехи Красной Армии, достигнутые на юге Украины. Дмитрий Ильич выбрал для Ленина особняк на берегу моря. Пляж рядом, санаторий с необходимыми медицинскими приборами рядом. И нет городского шума.

Евпаторийские комсомольцы, узнав, что в город предполагается приезд товарища Ленина, на своем собрании постановили привести особняк в идеальный вид. Они тут же приступили к делу.

Молва о приезде самого дорогого гостя на отдых катилась по селам Евпаторийского уезда. А уезд считался далеко не спокойным. Кулачье и немецкие колонисты часто обстреливали советские автомобили. Были жертвы. Кроме того, разогнанное белогвардейское офицерье нашло себе приют во многих кулацких семьях.

В уезде срочно наводился революционный порядок. Военный комиссар Сакской волости Громада издал приказ об усилении бдительности: «…всем сельским комитетам установить строгое наблюдение за всеми проезжающими и тщательную проверку их документов, и внушающих недоверие препровождать в Саки в Военный комиссариат… Начальнику милиции 1-го отдела Евпаторийской уездной конной милиции принять это к

руководству, увеличить охрану в установленных пунктах и дать по сему вопросу подробное объяснение и указания товарищам милиционерам».

Приказ военного комиссара Сакской волости явился толчком к организации в Саках и в Евпатории частей особого назначения, состоявших из революционной молодежи. Пятнадцати-семнадцатилетние ребята внесли в ревком предложение о создании специального батальона по охране товарища Ленина. Предложение было принято, началась запись добровольцев.

Организаторами батальона были братья Александровы, первые евпаторийские комсомольцы. Дмитрий Ильич случайно узнал, что их старший брат пропал без вести, а жена брата с ребенком в Москве терпит нужду. Не мешкая он пишет ободряющее письмо Александровой, запиской в «Правду» предупреждает Марию Ильиничну: «Маня, к тебе зайдет Александрова. Она с ребенком хочет ехать в Крым к своим родным. У нее был гнойный плеврит, и ей следует полечиться на юге. Если можешь, посодействуй ей получить пропуск сюда…»

Вернувшись в Симферополь, Дмитрий Ильич написал Марии Ильиничне большое письмо, в котором, в частности, сообщал:

«Передай Володе, что в Евпатории в лучшей санатории у самого берега моря я приготовлю ему помещение, чтобы он хоть 2–3 недели мог отдохнуть, покупаться и окрепнуть. Там есть у нас все приборы для электро- гидро- механо- и гелиотерапии, и можно полечить ему руку. Тем более, что он никогда не видел нашего Черного моря. Надеюсь, что к тому времени море будет вполне наше, без английских жандармов…»

ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ

Поездка по городам Крыма позволила Дмитрию Ильичу увидеть события как бы изнутри, определить их сущность в тех многочисленных связях, которые характеризовали общественно-политическую жизнь полуострова.

«Нам некогда думать о мирном строительстве, — писал он в газете «Таврический коммунист» 20 мая 1919 года. — Все силы сверхчеловечно напряжены для войны, отнюдь не потому, что мы ее хотим, но только потому, что крепостники и капиталисты не дают нам передышки».

Для него, как и для других членов правительства, не было секретом, что Антанта не сегодня-завтра ударит по нашим позициям, перейдет в наступление. Поэтому вся надежда на мощь Красной Армии. Но — и это все понимали — без укрепления экономической базы республики армия будет неустойчивой, слабой. Победоносное окончание войны зависело от уровня развития промышленности и сельского хозяйства.

Однажды после заседания Совета народных комиссаров Дмитрий Ильич вдруг получил телеграмму:

«Нуждаясь в климатическом и санаторном лечении для великорусских инвалидов труда и войны на курортах Крыма, Наркомздрав приступает к развертыванию санаторных коек и приспособлению курортов Крыма, берет на себя финансирование Крымских курортов и снабжение их санаторным оборудованием, высылает комиссию, которая совместно и в согласии с представителем Наркомздрава Украины и Крыма решит вопрос о разверстке коек между населением всех федеративных республик России. Замнаркомздрав».

Прочтя телеграмму, он повеселел. Здоровье трудящихся ставилось в ранг национального достояния.

Но чтоб лечить трудящихся, нужен был хлеб. Хлеба требовались тысячи пудов. Для армии, для рабочих. Для больных.

Дмитрий Ильич подумал о крестьянах, которые в ту пору стали объединяться в коммуны. Вот кому надо дать исключительные полномочия, чтобы вырвать у кулака хлеб! И тогда будет чем кормить армию и пролетариат. Будет что послать голодающей России.

Совнарком рассмотрел предложение Дмитрия Ильича о создании продотрядов с подчинением их Народному комиссариату внутренних дел. После короткого, но жаркого обсуждения предложения были приняты к руководству.

Борьба за хлеб, в которую активно включились крестьяне-

бедняки, и в первую очередь коммунисты, началась повсеместно. За несколько дней тысячи пудов крымской пшеницы перекочевали из амбаров кулаков в зерноприемники государства. А в начале июня первый эшелон с крымским хлебом был направлен голодающим рабочим Москвы и Петрограда.

В ритме Совнаркома трудился и Комиссариат здравоохранения. Добрая половина работников находилась в уездах. В Ялте, Алупке, Алуште, Евпатории были обследованы бывшие царские дворцы, поместья князей и графов. Был определен объем восстановительных работ, а также составлены списки медицинского оборудования, которое предполагалось установить. Советы и ревкомы взяли на учет персонал врачей и фельдшеров.

Обстановка показывала, что настала пора ехать в Киев и просить помощи. Эта задача поручается члену правительства Вульфсону.

К тому времени Комиссариат здравоохранения имел пять отделов: санитарно-эпидемический и курортный, сельской медицины, врачебно-санитарный, судебно-медицинский и административный, фармацевтический.

Дмитрий Ильич обращается к бывшим членам Пироговского общества с призывом поддержать мероприятия Советской власти, принять участие в улучшении здравоохранения. Особо нуждающимся врачам и фельдшерам выдан паек.

Паек… Полфунта хлеба в сутки на одного человека. Но далеко не каждый получал и эти 200 граммов. Перед Дмитрием Ильичом лежала разнарядка. Крымпродкому предписывалось заготовить для нужд армии: мяса и рыбы — 29 934 пуда, масла и сала — 3468 пудов, свежих овощей — 25 500 пудов.

А еще нужно помочь голодающему северу. Москва настоятельно требовала отгрузить Петрограду: 35 тысяч коробок овощных консервов, 30 тысяч фунтов компота, 7 тысяч пудов томата-пюре, 100 пудов повидла, 50 пудов варенья, 1004 пуда изюма, 700 пудов инжира…

И коммунисты Крыма, мобилизовав население, выполнили задание Москвы. На север пошли эшелоны с дарами крымского края.

В самом центре Симферополя, на Лазаревской улице, днем и ночью заседал Совнарком, даже на сон у членов правительства не оставалось времени. Из крымских уездов поступали неутешительные новости: враги яростно сопротивляются всем начинаниям Советской власти. Нужно было сломить их упорство, чем быстрее, тем лучше для революции.

На экстренном заседании 9 июня 1919 года с участием

наркомов Дыбенко, Гавена, Городецкого, Полонского, Назукина, Арабского, Маметова, Идрисова был поставлен вопрос о мерах против буржуазии. Дмитрий Ильич, председательствовавший на заседании, объяснил, что саботаж свергнутых классов вынуждает прибегнуть к жестокой политике по отношению к контрреволюционно настроенным слоям. Он предлагает национализировать все имущество буржуазии, и прежде всего промышленные предприятия, капиталы машиностроительных, нефтяных и других фирм, транспортные средства, а также дворцы и виллы. Предложение было принято единогласно.

Молва о национализации имущества буржуазии облетела города Крыма и не только Крыма. В ставке «Добровольческой армии» декрет вызвал панику. Бежавшие из Крыма предприниматели устроили настоящее паломничество к генерал-лейтенанту Деникину, командующему вооруженными силами на юге России. Они потребовали немедленно возобновить активные боевые действия на Ак-Монайском фронте.

Над Екатеринодаром, распугивая стаи ворон, звенели колокола, попы благословляли белогвардейское воинство на новый поход против красного Крыма.

До таврических берегов не доносился колокольный звон, но все явственнее чувствовалось время великих сражений. Об этом красноречивее всего говорили донесения из-за линии фронта. Одно из них поступило лично к Дмитрию Ильичу. Оно было от Мочалова из Екатеринодара. Доставил его связной, молодой человек с офицерской выправкой. Дмитрий Ильич пригласил к себе наркома внутренних дел Гавена и начальника особого отдела, сопровождавшего связного от Арабатской стрелки, куда тот приплыл на рыбацкой шхуне. Связной рассказал о Мочалове: жив, здоров, служит в деникинской контрразведке. В донесении говорилось: через восемь-десять дней «Добрармия» при поддержке флота Антанты переходит в наступление. Предполагается высадка десанта в районе Судака силами до двух пехотных полков. Запланировано также восстание в тылу Ак-Монайского фронта. Центр восстания — Карасубазар.

Агентурные сведения представляли для Советского правительства исключительную ценность.

Из Севастополя немедленно был вызван наркомвоенмор Дыбенко. Правительство в срочном порядке усиливало оборону побережья. Благодаря принятому ВЦИК декрету об объединении военных сил РСФСР, УССР, БССР, Крыма и других советских республик было кое-что сделано для организации отпора интервентам и внутренней контрреволюции. Но декрет только вступал в силу. И реальную угрозу, которая нависла над

полуостровом, могла отвести лишь Красная Армия Крымской Республики. Севастополь формировал матросские ударные батальоны. Из Симферополя на ак-монайские позиции перебрасывался 3-й ударный Крымский полк.

У Дмитрия Ильича еще теплилась надежда, что красноармейцы смогут продержаться до подхода главных резервов союзных республик, и поэтому нельзя было ослаблять деятельность по укреплению экономики полуострова.

На степных просторах после обильных майских дождей буйно заколосилась пшеница. В Совнарком докладывали, что урожай обещает быть щедрым, но убирать его нечем. И вдруг нашелся легчайший способ приобретения сельхозорудий. На днях товарищи вернулись из Александровска. Площадки местного завода были завалены косилками, жатками, боронами. И все это добро лежало мертвым грузом. Дирекция завода поставила крымчанам условие: обменяем, но только на товары. Дмитрий Ильич пишет письмо в Совет Народных Комиссаров УССР с просьбой оказать Крыму помощь в уборке урожая. Он акцентирует внимание украинского правительства на том, что руководители предприятия отказываются дать машины, требуя взамен вино, кожу, табак… Курьер отвез письмо в Киев. Украинский Совнарком распорядился отгрузить машины в адрес Крыма без какого-либо обмена. Через три дня должны были прибыть вагоны с косилками.

Но за эти три дня на крымской земле произошли события, имевшие для республики трагические последствия.

Все свое внимание правительство сосредоточило на отражении ударов белогвардейских войск и интервентов. Севастопольский коммунистический отряд, состоявший из моряков, и 1-й интернациональный полк мужественно сдерживали натиск врага. Но силы были неравными.

5 июня 1919 года Совнарком заявил решительный протест правительствам Антанты и президенту Вильсону. Корабельная радиостанция из Севастополя на весь мир объявила:

«Всем! Всем! Всем!

Теперь, когда еще яснее стала та поддержка, которую союзники оказывают монархической «Добровольческой армии», Временное Рабоче-Крестьянское правительство считает своим долгом сообщить всему цивилизованному миру о происходящих в Крыму событиях.

Существование тесного контакта союзного командования с добровольцами не оставляет никакого сомнения. Снабжая военным снаряжением и деньгами, оно помогает добровольцам продолжать военные действия в Крыму. Но чудовищнее — это зверская форма, в которую обличается эта поддержка… Союзные

суда и по сие время обстреливают Керченский полуостров, сметая огнем целые деревни и губя культуру края».

Чтоб выдержать натиск Антанты, нужны были хорошо обученные, закаленные в боях войска. А Крымская Советская Республика располагала, по существу, несколькими полками. Основу войск республики представляла 1-я дивизия Красной Армии, политкомиссаром которой был Астахов, а начальником штаба Петриковский, люди не только беззаветно преданные Советской власти, но и прекрасные военачальники. Находившаяся в авангарде наступающих советских войск 1-я дивизия 20 апреля 1919 года на подступах к Севастополю встретила яростное сопротивление врага. Противник огнем своей корабельной артиллерии заставил красных бойцов окопаться. Командование дивизии знало, что превосходство в живой силе и технике на стороне врага, понимало также, что приказ очистить от интервентов и белогвардейцев весь Крым должен быть выполнен. Выход из создавшегося положения указали сами интервенты. Через парламентеров они предложили заключить перемирие для эвакуации из Севастополя сухопутных войск Антанты. Срок — одни сутки. Командование дивизии рассудило, что при существующем соотношении сил за одни сутки Севастополь не взять, и на свой страх и риск приняло предложение. На следующий день Красная Армия заняла Севастополь без боя.

А полтора месяца спустя по приказу Л. Троцкого начальник штаба 1-й дивизии С. К. Петриковский был арестован. Петриковский и политкомиссар этой дивизии Астахов обвинялись в самовольном заключении соглашения с противником. В ответственнейший момент борьбы с контрреволюцией командование самого боеспособного соединения Красной Армии в Крыму было обезглавлено. Дмитрий Ильич, пользуясь правом председателя Крымского Совнаркома, опротестовал приказ, как объективно способствовавший врагам революции. Он считал, что это личная инициатива Л. Троцкого. Подобные приказы Троцкий издавал не однажды. Но попытки Дмитрия Ильича отменить приказ к успеху не привели. И тогда он обращается с письмом к Ленину, обосновывает революционность и гуманность, в действиях товарищей Петриковского и Астахова, объясняет, что в той ситуации, 20 апреля 1919 года, при отсутствии связи со штабом фронта командование 1-й дивизии поступило весьма правильно и своевременно, оно выполнило поставленную задачу (Севастополь был взят) и сохранило жизнь многим бойцам.

Владимир Ильич немедленно дал письму ход. 14 июня 1919 года он его пересылает в органы юстиции с запиской: «…Это письмо доставили мне тт. Петровский и Муравин, приехавшие из

Крыма от брата.

Дайте, пожалуйста, законное движение этому заявлению и для направления дела в суд по возможности в Москву и на суд.

Ваш Ленин»[42].

Слова «на суд» он подчеркнул тремя линиями. Дело о Петриковском и Астахове Владимир Ильич брал под свой личный контроль, а письмо брата прилагал в качестве решающего документа. С начальника штаба и политкомиссара 1-й дивизии обвинения были сняты. Но упущенное время наверстать не удалось. Военная обстановка резко ухудшилась. Противник подтянул с Кубани свежие силы. Планы наступления красных войск на Керчь откладывались.

Совнарком формирует новые воинские части, отправляет их на фронт и одновременно ведет подготовку к

1 съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

15 июня 1919 года на страницах симферопольских «Известий» за подписью председателя Совнаркома Д. И. Ульянова оглашается «Положение о выборах делегатов на съезд». В положении говорилось: «В настоящий момент тяжелой борьбы рабочих и крестьян за свое освобождение с контрреволюционерами всего мира Советская власть является единственной, которая может достигнуть этой цели и спасти трудящихся от рабства, нищеты, голода и болезней.

Съезд всех Советов Крыма, как высшая власть Социалистической Республики, должен состоять только из представителей городского пролетариата и деревенской бедноты».

18 июня 1919 года из Феодосии поступило сообщение: «В районе Коктебеля с кораблей Антанты высажен белогвардейский десант».

По распоряжению предсовнаркома наркомвоенмор Дыбенко тут же выехал на фронт. Нужно было принять срочные оборонительные меры — сбросить десант в море или хотя бы не дать ему продвинуться в глубь полуострова.

Последующие сообщения с фронта обстановку прояснили: белогвардейский десант под командованием генерала Слащева вышел в тыл советских войск, сражавшихся на Ак-Монае, и теперь пытается их отрезать, продвигаясь в направлении Симферополя.

На экстренном совместном заседании Совнаркома и обкома партии члены правительства согласились с мнением Гавена о том, что целесообразно Ак-Монай оставить, иначе войска будут уничтожены.

Дмитрий Ильич телеграфировал в Москву: для Крымской

Республики есть два выхода: стоять насмерть и погубить республику или эвакуировать армию, сохранив силы для дальнейшей борьбы.

Москва предложила второй путь как наиболее разумный.

И еще об одном эпизоде следует упомянуть. В ночь с 18 на 19 июня 1919 года на имя председателя Совнаркома Крымской Республики поступила срочная телеграмма: «Совет Обороны предлагает немедленно начать переброску маршрутными поездами угля из Крыма, особенно Севастополя, на Александровск, для регулярной работы железных дорог в связи с неотложными воинскими перебросками на фронте XIV армии и для бронепоездов. Точное количество необходимого угля должно получить от командарма XIV Ворошилова. Запросите его немедленно по прямому проводу. Переброску следует начать немедленно так, чтобы первые маршруты ушли со специальными провожатыми в течение 24 часов… Необходимо проявить максимальнейшую энергию…

Предсовобороны Ленин»[43].

На тексте телеграммы стояла виза: «На телеграф: срочно. *Вне всякой очереди.* Сообщите, *когда* принято. Ленин».

Дмитрий Ильич понимал всю сложность предстоящей работы по вывозке угля в расположение ворошиловской армии. Он тут же телеграфирует в Севастополь, настаивает на мобилизации всех рабочих и матросов на погрузку. Но, оказывается, в Севастополе нет железнодорожных платформ, а в крытые вагоны загружают боеприпасы для Ак-Монайского фронта.

А время бежало. Каждый час промедления грозил остановить красные бронепоезда. Ведь они действовали не в лесистой местности, а в степи, где основным и единственным топливом крестьянских хат был кизяк. На кизяке бронепоезда далеко не продвинутся.

И тогда Дмитрий Ильич вопреки сопротивлению некоторых членов Совнаркома отдал распоряжение перебросить из Симферополя три эшелона порожняка под уголь. Он шел на риск. Ведь фронт неумолимо подкатывался к Симферополю. Только в полдень удалось связаться с командармом Ворошиловым. Он сообщил: угля нужно как можно больше. На подмогу севастопольским рабочим и матросам, мобилизованным на погрузку топлива, он высылал летучий красноармейский отряд.

Через сутки первый эшелон с углем был уже в пути, спешил в Александровск.

Совнарком и обком партии организуют эвакуацию учреждений и ценностей в глубь страны. Республика переместилась на колеса.

Через крымскую степь потянулись эшелоны на Никополь, Александровск, Синельниково.

Дмитрий Ильич беспокоился не только об эвакуации учреждений и ценностей, но и о судьбе будущего подполья. Он пригласил к себе на беседу члена бюро горкома партии Егорова (его намечалось оставить в подполье). Оказалось, что сделано пока немного: заложили только две базы оружия. Еще хуже обстояли дела с документами. А для подпольщика добротный документ — это его охранная грамота.

По указанию предсовнаркома начальник Симферопольской милиции Богданов распорядился срочно в весьма секретном порядке выдать Егорову для нужд партии 500 годичных паспортов с тушью, штампом и печатями.

Организация большевистского подполья проходила в чрезвычайно трудных условиях, зачастую без согласования между отдельными наркоматами. Наркомвоенмор П. Е. Дыбенко недостаточно был связан с обкомом партии и Совнаркомом. Обком партии и Совнарком также ряд вопросов будущей подпольной деятельности решали автономно. Подпольный обком формировался фактически в последние часы перед вступлением в Симферополь белогвардейских войск. В состав подпольного обкома партии был включен «пожелавший работать в подполье» член реввоенсовета Крымской Республики, бывший народный комиссар почт и телеграфа Украины Ахтырский, как впоследствии выяснилось, офицер деникинской контрразведки Мартьянов.

22 июня, когда белогвардейцы уже находились в Карасубазаре, Дмитрий Ильич успел встретиться с Егоровым и некоторыми другими будущими подпольщиками. Завершив работы по эвакуации, он с последним эшелоном выехал в Джанкой. Был вечер 24 июня…

Через двое суток после падения Симферополя весь Крымский полуостров был захвачен интервентами.

Фронт гражданской войны переместился в южноукраинские степи.

Железная дорога Симферополь — Лозовая — Харьков была уже перерезана. Деникинцы вышли к Днепру севернее Александровска. Крымский обком партии эвакуировался в Одессу, Совнарком — в Киев.

Крымская Советская Республика продержалась 75 дней.

ОТДЫХ В ГОРКАХ

Поезд шел на север. Деревянный, пропахший махоркой и потом вагон дергался, поскрипывал.

Подложив под голову видавшую виды шинель, Дмитрий Ильич лежал на полке.

Позади была страшная дорога от Симферополя через забитый эшелонами Никополь. Затем доклад на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины. Украинские товарищи С. В. Косиор, Н. И. Подвойский, В. П. Затонский с братской заботой и участием отнеслись к предложениям Ульянова и приняли постановление о немедленной чистке и переформировании воинских частей, отступающих из Крыма, о приведении в порядок эвакуированного имущества, об охране ценностей Крымской Республики…

В окно бойким сквозняком врывался ветер. Удивительно свежо пахли деснянские леса. Как давно он не дышал воздухом лесного края! Какой же тут сон, когда через несколько перегонов начнется настоящая Россия с ее влажными от росы полями и лугами. А затем Москва — встреча с Аней, Володей…

8 июля поезд подкатил под ажурный купол Киевского вокзала. На площади Дмитрия Ильича уже ждал автомобиль.

Двадцать минут езды — и вот Кремль. В сопровождении шофера Дмитрий Ильич подошел к дубовой двери, около которой стоял часовой с курсантскими петлицами.

Переступив порог кабинета, Дмитрий Ильич увидел довольно просторную комнату, обставленную полками с книгами, и идущего навстречу брата. Дмитрий Ильич заметил, что Владимир Ильич постарел, выглядел уставшим. Но глаза… глаза были те же, как в молодости, глубокие, ясные, с лукавинкой.

Владимир Ильич засыпал брата вопросами: как доехал, как ходят поезда? А потом сказал, что Дмитрий будет жить у него в Кремле в комнате Надежды Константиновны. Надежда Константиновна была в это время в агитпоездке по Волге.

— В субботу поедем на дачу, покажу очень хорошие места.

Спустя три дня Владимир Ильич, как старожил, знакомил брата с Горками. Он с восторгом говорил, что это лучшее подмосковное место. Лес. Река. Холмистая местность.

Братья спустились к старой сосне и увидели железнодорожный мост, за ним панораму Подольска.

Садилось солнце. Длинные тени ложились на траву. Спала жара.

Пока не стемнело, решили сыграть в городки. По дороге

захватили с собой игроков. Братья играли друг против друга. Игра шла с переменным успехом, но вскоре команда Дмитрия Ильича стала брать верх.

— Ну, бейте как следует, — горячился Владимир Ильич, входя в азарт. — Они на полдистанции бьют, а мы на всю дистанцию.

Партнер по команде размахивается — и мимо.

— Что же вы так плохо, товарищ Сорин?

— Владимир Ильич, я же плохо вижу, — оправдывается Сорин и показывает на очки.

Владимир Ильич притворно вздыхает, а глаза смеются: разве важно, кто проиграл, а кто выиграл?

Стемнело. Дальше играть было невозможно. Да и Анна Ильинична, приехавшая вместе с братьями на отдых, уже несколько раз зазывала на ужин.

Вечером вспоминали прожитые годы… Дмитрий Ильич рассказывал о Крыме.

Уже давно была убрана посуда, а братья все сидели, и, казалось, разговорам не будет конца-края.

— Володя, где же твой распорядок? — упрекала Анна Ильинична. — И Митю пощади. Пусть хоть у нас отоспится.

Дмитрий Ильич, как всегда, проснулся рано и, чтоб не разбудить брата, который спал в соседней комнате, взял сапоги в руку, спустился на нижний этаж. В большом зале под пальмой на легких нарах отдыхали, не раздеваясь, сменившиеся с дежурства чекисты. Чтобы их не беспокоить, Дмитрий Ильич на цыпочках вышел во двор и направился на маленький пруд, заросший осокой.

Начался долгожданный отдых.

Вскоре вернулась с Волги Надежда Константиновна. Всей семьей делали вылазки по грибы. В тот год грибов было много, и поэтому рюкзаки часто оказывались полными.

По утрам на маленьком пруду Дмитрий Ильич ловил карасей. Иной раз удавалось наловить больше десятка. Владимир Ильич нахваливал рыбака и удивлялся, что в таком маленьком пруду такие большие караси. Однажды он сам попытал счастья.

Поймал маленького карася.

— Стоит из-за этого сидеть!

Нет, он не любил удочку. Однажды на большом пруду устроили рыбную ловлю бреднем. Владимира Ильича разобрало любопытство, приехал посмотреть. Чекисты, возглавляемые Абрамом Беленьким, тащили бредень волоком, выловили мелочь. Владимир Ильич смеялся.

— Ну, печальный результат у вас, товарищ Беленький,

вытащили таких карасиков, на жаркое не хватит.

Вот охота — другое дело. Как-то в августе отправились за тетеревами. Миновав деревню Опаринки, братья углубились в лес. Было свежо и влажно. На посветлевшей к осени листве обильно лежала роса. Владимир Ильич левой рукой раздвигал ветки, а правой сжимал ружье. Под ногами трещали сучья. Рядом пробирался егерь Михаил Плешаков. Ему не нравилось, что слесарь (так ему представили Владимира Ильича) так неосторожно ступает, и недовольно ворчал:

— Рассчитывал, что Ленина приведут, а тут какой-то слесарь.

Вскоре собака егеря напала на выводок.

— Первым стреляй, — обратился Дмитрий Ильич к брату.

— Стрельну, когда птица полетит в мою сторону, — ответил Владимир Ильич, следя за собакой.

Выскочившая с резким шумом тетерка целой и невредимой прошмыгнула около Владимира Ильича, он только успел крикнуть:

— Тетерев!

Егерь сердито передразнил:

— Тетерев! Конечно, тетерев. Это же матка. Отчего не стрелял?

Владимир Ильич тоже сердито:

— А сам отчего не стрелял?

— Я подманываю, мне стрелять не полагается. Вы должны были стрелять, — сказал егерь и выругался.

Кто-то из охотников егерю шепотом:

— Не ругайся, это же сам Ленин! Егерь присел:

— Что же ты мне раньше не сказал, что это Ленин, а болтаете — слесарь. Эх, мать честная! Это, выходит, я самого Владимира Ильича обругал! Ей-богу, не знал. Извините, пожалуйста.

Охота оказалась неудачной, но это не испортило настроения Владимира Ильича. Накануне были получены добрые вести с фронтов, С конца августа Владимир Ильич почти все время проводил в Москве. А Дмитрия Ильича вскоре позвали крымские дела на Украину.

Из оккупированного деникинцами Крыма поступали неутешительные сведения. Наспех созданный подпольный обком партии распался.

Крымское подполье нужно было создавать заново. Дмитрий Ильич встречается со своим соратником по совместной работе в обкоме партии И. А. Назукиным. Он направлялся восстанавливать подполье в Феодосии. Назукин получил от Дмитрия Ильича адреса феодосийских явок. Предполагалось в Феодосии сколотить боевую группу, которая бы обеспечила высадку десанта Красной

Армии в устье реки Салгир.

Вслед за группой Назукина на Крымский полуостров перебрасываются отряды в Евпаторию (неудачно, почти все были схвачены и расстреляны), в Ялту, Керчь, Севастополь (также неудачно!). Вскоре был выдан провокатором Иван Назукин и после зверских пыток расстрелян.

И все же, несмотря на ряд крупных провалов, крымское подполье обрело новые силы. Повсеместно формировались боевые отряды для ударов по белогвардейцам с тыла. Наиболее энергичными оказались подпольные организации Феодосии и Симферополя.

Оккупированный Крым наводнили всякого рода миссии — итальянская, американская, французская. Иностранцы не просто наблюдали, как Деникин восстанавливает дореволюционные порядки (все дворцы, виллы, лечебницы были возвращены их владельцам), но и выбирали себе лучшие участки, покупая их в «вечное пользование». Генерал-лейтенант царской службы Титлинг лично заключал торговые сделки, открывал дорогу иностранному капиталу. И капиталисты спешили воспользоваться «дешевинкой».

Попадавшие из Крыма газеты пестрели именами новых «хозяев». Сообщения о дележе крымской земли болью отзывались в сердце Дмитрия Ильича. Телеграмма из Москвы, разыскавшая Дмитрия Ильича в Курске, требовала присутствия представителя Крымского ревкома Ульянова на коллегии Наркомздрава РСФСР.

Дмитрий Ильич срочно вернулся в столицу. На коллегии обсуждался «Проект положения о временном управлении Крымом как лечебной местностью общероссийского значения». Дмитрия Ильича приятно поразили уверенность и деловитость, с которыми обсуждался проект, как будто Крым представляет собой не поле боя ожесточеннейшей классовой битвы, а территорию, где уже воцарился мир и покой.

Коллегия Наркомздрава постановила: Крымское побережье, как курорт, должно иметь общероссийское значение и непосредственно подчиняться Наркомздраву. Наркомздрав брал на себя заботу о снабжении продовольствием, медицинским оборудованием, бельем и топливом курортов Крыма. На ближайший сезон 65 процентов мест предназначалось для РСФСР, 30 — для Украины, 5 — для Крыма. Д. И. Ульянов назначался представителем Наркомздрава по организации курортов на Крымском полуострове.

А на полуострове свирепствовала белогвардейская контрразведка. В Севастополе были арестованы В. В. Макаров, А. И. Бунаков, И. А. Севастьянов, С. С. Крючков — руководители

большевистского подполья. В ночь на 24 января 1920 года они были расстреляны.

ВОЗГЛАВЛЯЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ КОМИССИЮ…

В начале февраля 1920 года Дмитрий Ильич приехал в Харьков, где вместе с другими членами Крымского обкома партии вел напряженную организаторскую работу по развертыванию подпольной и партизанской борьбы на Крымском полуострове.

Приехавший с ним Юрий Петрович Гавен с возмущением говорил о процветании в Харькове частной торговли. Многие бывшие чиновники превратились в спекулянтов. Торговали всюду и всем. И это накладывало свой отпечаток на колорит города. В Харькове были страшные цены на все продовольственные и промышленные товары, и в первую очередь на товары первой необходимости.

Заводы и фабрики бездействовали. Большинство рабочих было мобилизовано в Красную Армию.

В Харькове и на всех участках Южного фронта ходили слухи о милитаризации народного хозяйства, о насильственном привлечении всех слоев населения к физическому труду.

Поездки Дмитрия Ильича по освобожденным городам Украины убедили его в том, что во многих советских организациях действует оппозиционная группировка так называемого демократического централизма. И когда 27 марта 1920 года Смирнов, один из лидеров этой группировки, опубликовал в «Правде» статью «Трудовая повинность и милитаризация», стало ясно, что оппозиционеры повели открытое наступление против ленинской линии Центрального Комитета.

2 апреля в письме Марии Ильиничне Дмитрий Ильич решительно высказался на этот счет: «Надеюсь, что на съезде позиция ЦК победит по всем основным пунктам». И тут же он уточняет, что не милитаризация народного хозяйства, а железная дисциплина в настоящее время — вот что решит исход борьбы. Настоящая революционная дисциплина масс достигается прежде всего искусной идеологической, разъяснительной работой коммунистов.

Митинги и собрания становятся для Дмитрия Ильича передним краем борьбы за укрепление Советской власти. Он знакомится с людьми, отбирает лучших для работы в Крымском ревкоме. В тот период в южных районах Украины широко распространился сыпной тиф. Как член ревкома и представитель Наркомздрава, Дмитрий Ильич с группой товарищей отправляется в прифронтовую зону. Всюду разруха. Наладить

лечение красноармейцев и населения оказывается чрезвычайно трудно. И он шлет телеграмму лично В. И. Ленину:

«Москва, Кремль. Ульянову. 14 февраля прибыли Александровск. Выезжаем Мелитополь, где предполагаем вести местную работу до продвижения месту назначения. Денег взяли мало. Чрезвычайно необходимо подкрепление. Здесь всюду ощущается острая нужда в денежных знаках, что задерживает подвоз топлива, борьбу тифом. Просим Наркомфин срочно выслать нам не менее ста миллионов. Все здоровы. Шлем привет. *Дмитрий Ульянов».*

В начале апреля, получив из Москвы 25 миллионов рублей на нужды Крыма, Дмитрий Ильич выехал в Мелитополь, где размещались крымские советские учреждения.

Узкие косые улочки с высокими каменными заборами были забиты обозами и снующим взад-вперед пешим и конным военным людом. Одноэтажные дома полны всякого рода постояльцами. Дворы напоминали цыганские таборы с шатрами на подводах, с казанками на кострах, с ворохами почерневшей соломы.

В городе, кроме Крымского ревкома и Временного бюро обкома партии, дислоцировался штаб 13-й армии, и, собственно, все это пестрое многочисленное военное хозяйство принадлежало ей. Наличие в таком маленьком городке крупных военных и гражданских организаций накладывало своеобразный отпечаток на работу ревкома и обкома партии. Члены обкома являлись одновременно политкомиссарами армии. Поэтому мероприятия, которые они проводили среди населения Мелитопольского и Берлинского уездов, в равной мере касались и красноармейцев.

Чуть ли не все недели объявлялись трудовыми — собирали средства для нужд фронта. В трудовых неделях участвовали сотни бойцов и командиров. Без них нельзя было обойтись: по степи еще гуляли бандитские отряды. Сводки, поступавшие из волостных Советов, сообщали о расправах над крестьянами, активно помогавшими Красной Армии. Бандиты делали все, чтобы в Приазовье не было Советской власти. И в первую очередь они уничтожали тех, кто занимался заготовкой хлеба.

Дмитрий Ильич, ведавший продовольственным и медицинским отделами, предложил членам Крымского ревкома привлечь к ликвидации банд регулярные воинские части. Ему возразили: дескать, не нужно преувеличивать значение бандитского сброда. Когда мы погоним беляков, бандиты сами разбегутся. На это Дмитрий Ильич привел свои аргументы: пока кулак не ликвидирован, бандитам есть на кого опираться. Ревком, Реввоенсовет и штаб 13-й армии располагали данными о

дислокации наиболее крупных банд. Вот с них и надо было начинать борьбу за безопасность прифронтового тыла.

Но члены ревкома еще надеялись, что с началом наступления Красной Армии волна бандитизма пойдет на убыль.

А из-за линии фронта, из оккупированного Крыма, поступали тревожные вести: белогвардейцы готовятся к новому походу на север.

Связная Крымского подпольного обкома партии Клавдия Даниленко передавала, что к Перекопу и Чонгару стянут конный корпус генерала Барбовича, офицерские полки Дроздова и Корнилова. Ходят слухи, что именно эти соединения и части намерены опрокинуть 13-ю армию.

Дмитрий Ильич слушал связную и восторгался ее смелостью. Маленькая, с румяным детским личиком, почти подросток, она никак не была похожа на бывалую подпольщицу. Ее подпольный стаж исчислялся несколькими месяцами, а она уже обошла почти все города Крыма, дважды пересекала линию фронта и приносила ценные сведения. Последний переход она совершила вчера. На моторной лодке проскочила между Геническом и островом Бирючьим, на котором установлены вражеские прожектора, и на рассвете была уже в расположении Красной Армии. При ней бумаг не было, докладывать пришлось по памяти. В Чонгаре три батальона и один кавалерийский полк. Полк называют рейдовым. За Чонгаром учебное поле. На нем почти каждый день белогвардейцы учатся штурмовать окопы. Ждут помощи англичан. Скоро белогвардейцам Антанта доставит аэропланы и броневики. Транспорты с техникой уже в пути. А потом связная попросила Дмитрия Ильича дать ей побольше свежих газет. Люди ждут вестей с севера, а еще больше — Красную Армию.

В пасмурную апрельскую ночь Клавдия Даниленко переправилась на полуостров, взяв с собой на всякий случай муку и сало. В случае ареста продукты не могли послужить уликой.

Вскоре Дмитрий Ильич был вызван в Александровск. Новая беда обрушилась на армию. Эпидемия сыпного тифа приняла катастрофические размеры. Крымский ревком и Реввоенсовет 13-й армии поручили Ульянову возглавить чрезвычайную комиссию по борьбе с сыпным тифом. Жизнь бойцов и их боеспособность теперь зависели от медиков.

В полевом штабе армии Дмитрию Ильичу сообщили, что тифом охвачены многие красноармейские подразделения. Командующий Роберт Эйдеман подчинил политкомиссару Ульянову почти весь медперсонал полков и дивизий.

На стареньком «бенце» с малочисленной охраной Дмитрий Ильич носился по пыльным шляхам Мелитопольщины и

Бердянщины, выступал перед рабочими александровских предприятий, перед днепровскими рыбаками, крестьянами Черниговки и интеллигенцией Токмака. Только население могло приостановить разбушевавшуюся эпидемию. И к нему Дмитрий Ильич обращается за помощью.

В Мелитополе и Александровске были развернуты противотифозные госпитали. Рабочие и крестьяне отдавала больным обувь, белье, одежду. В прифронтовой полосе, в степных балках день и ночь топились бани.

По просьбе санотдела армии Москва прислала медикаменты. Распространение сыпного тифа было приостановлено. Но в госпиталях находилось более десяти тысяч больных красноармейцев — для их успешного лечения крайне нужны были свежие продукты. Председатель чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом отдал распоряжение — все кулацкие хозяйства обложить молочным налогом. И госпитали получили молоко.

Пользуясь предоставленной ему властью, Дмитрий Ильич делал все, чтобы людей как можно быстрее поставить на ноги, и в этом находил полную поддержку со стороны Крымского ревкома и Реввоенсовета.

Встревоженные долгим молчанием Дмитрия Ильича, родные забеспокоились: Анна Ильинична телеграфирует в Харьков, просит установить местонахождение брата.

Узнав, что его разыскивают, Дмитрий Ильич пишет из Мелитополя: «Я вполне здоров, напрасно было запрашивать Раковского, прежде всего нужно было телеграфировать в штаб 13-й — мне».

В июне, прорвав на Сиваше тонкую нитку Юго-Западного фронта, перешли в наступление белогвардейские войска. Ими командовал генерал Врангель. Офицерские полки при поддержке английских броневиков и аэропланов устремились к Днепру в направлении Орехово-Александровска.

Весть о начавшемся наступлении вражеских войск застала Дмитрия Ильича в Пологах. Прибывший из Мелитополя связной штаба доложил, что белые уже на подходе к городу. Дмитрий Ильич попытался связаться по телефону с Мелитополем или Александровском, но линия была повреждена бандитами. Нужно было немедленно эвакуировать госпитали. И он, рискуя наскочить на махновцев, без охраны, вдвоем с шофером выезжает в штаб армии.

В Мелитополе бои шли уже на подступах к городу. В небе гудели аэропланы. Окопы бойцов обстреливались с броневиков. Штаб армии передислоцировался в Александровск. Военный комиссар полевого штаба Николаев лично руководил боевыми

действиями. К нему и направился Ульянов.

— Сколько нужно подвод? — тут же спросил военком.

— Хотя бы тысячу. Для вывоза раненых.

— А сколько потребуется времени на эвакуацию всех госпиталей?

— Трое суток. Если будет тысяча подвод. Комиссар на секунду задумался, оторвав взгляд от поля боя, усеянного наступающими вражескими броневиками.

— Силы слишком неравны, — ответил и пообещал: — Пока будем отбиваться, не покидая окопов. Только вы, пожалуйста, сделайте все, что возможно и невозможно.

И он показал Дмитрию Ильичу последнюю оперативную сводку, полученную со штаба армии. Сводка проясняла обстановку. Врангель, используя свое преимущество в технике и вооружении, рассекал Юго-Западный фронт, создавая угрозу Донбассу и Кривому Рогу.

Военный комиссар рассчитывал продержаться, по крайней мере, еще двое суток, но за это время нужно найти транспорт и вывезти раненых в Александровск.

И двое суток Дмитрий Ильич занимался отправкой раненых, выезжал в села, обращался к крестьянам за помощью и получил почти тысячу подвод.

Под пулеметным огнем мелитопольские крестьяне вывозили больных и раненых. Но советскому командованию уже было ясно, что вслед за Мелитополем падет и Александровск. Поэтому и ревком и Реввоенсовет принимают меры по эвакуации раненых в северные районы Украины. Новый командарм 13-й Иероним Уборевич принял решение: больных и раненых красноармейцев врагу не оставлять.

Дмитрий Ильич покинул Александровск с последними защитниками города. Стояла пыльная душная ночь. Уже саперы взрывали водокачку, когда стало известно, что железнодорожное сообщение на Синельниково прервано.

По единственному понтонному мосту через Днепр у села Кичкас двигались отступающие войска. Переправой руководил Уборевич. В отсвете вспышек разрывов он узнал шагавшего в пешем строю Дмитрия Ильича, окликнул его:

— А госпитали на Синельниково проскочили… Командующий дал возможность вывезти всех раненых.

Десять тысяч бойцов были спасены.

В начале июля 1920 года Дмитрий Ильич побывал в Москве, встретился с Владимиром Ильичем. И снова, как и год назад, он отдыхал в Горках, хотя почти каждый день выезжал в Москву: как у представителя Крымского ревкома, у него была масса дел в

партийных и государственных учреждениях.

В одну из таких поездок Владимир Ильич передал через него для Лидии Александровны Фотиевой записку, в которой просил прислать ему комплект «Коммунистического Интернационала» и книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма». «Дмитрий Ильич едет, — писал Владимир Ильич, — и он посмотрит у меня на квартире и в шкафу в кабинете»[44].

В Москве Дмитрий Ильич гостил недолго. В августе он снова был в действующей армии Южного фронта. Там шли ожесточенные бои на Каховском плацдарме…

ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ОРГАНИЗАТОР КРАСНОЙ ЗДРАВНИЦЫ

…Позади штурм Перекопа, освобождение Севастополя. Со станции Джанкой командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе телеграфировал в Москву: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

Это было 16 ноября 1920 года. В Симферополе шли дожди. Дождливая погода держалась долго, почти до самого декабря. От сырости и холода участились болезни.

О железную крышу товарного вагона монотонно стучали капли. Толстый войлочный тюфяк, брошенный на деревянные нары, был сырым и холодным. Уже неделю Дмитрий Ильич жил в столице Таврии. Забот было много.

Сразу же по приезде в Симферополь он был избран членом Крымского ревкома и президиума областного комитета партии. Приходилось писать много бумаг. В большинстве своем это были проекты постановлений и решений, обращения к рабочим, служащим, красноармейцам, статьи для только что созданной газеты «Красный Крым». Так получалось, что ночь предназначалась для написания документов, день — для работы в массах.

Холодный и сырой железнодорожный вагон стал для Дмитрия Ильича кабинетом и местом короткого отдыха. Как и прежде, спать удавалось три-четыре часа в сутки, не больше.

По утрам за Дмитрием Ильичом обычно заезжал Бела Кун, председатель только что образованного Крымского ревкома. Познакомились они задолго до освобождения Крыма в штабе Южного фронта. Уже при первой встрече Бела Кун нашел, что Дмитрий Ильич очень похож на брата, не только внешне, но и манерой вести разговор, умением убеждать собеседника, говорить словно заглядывая в душу. Они быстро подружились, вместе выезжали в войска, выступали на митингах, а во время штурма врангелевских укреплений были в полках и дивизиях, воодушевляя красноармейцев стройным большевистским словом.

Заезжая на станцию, Бела Кун всегда заставал Дмитрия Ильича работающим. Но в один из дней он увидел своего друга в постели.

Дмитрий Ильич лежал на деревянных нарах, укрывшись суконным солдатским одеялом. Поверх одеяла была наброшена шинель.

— Что с вами, Дмитрий Ильич? — удивленно спросил Бела Кун. — Заболели?

Черноволосый, широкоплечий, с черными, как терн, глазами,

председатель ревкома смотрел на Дмитрия Ильича с укоризной. Не раньше, как вчера, он предложил ему перебраться на зимнюю квартиру, в город. Но Дмитрий Ильич отказался, ссылаясь на то, что нужно сначала разместить в тепле больных и раненых, а уж потом и о себе подумать.

— И все же вам, Дмитрий Ильич, придется подняться. Поедем ко мне. Поставим еще одну койку. В тесноте не в обиде? Так, кажется, у вас говорят?

Бела Кун постелил Дмитрию Ильичу в своей крохотной комнатушке. И хотя их койки пустовали целыми сутками, работники ревкома и обкома партии знали, что товарищ Ульянов теперь имеет пристанище.

У друзей мало выдавалось свободного времени, но в минуты, когда они оказывались вместе и можно было передохнуть от ревкомовских дел, все равно говорили о делах, о том, чем жили, что их интересовало и волновало. Дмитрий Ильич расспрашивал друга о революционных событиях в Венгрии, о последних днях Венгерской советской республики. Бела Кун, в свою очередь, расспрашивал Дмитрия Ильича о Ленине. Потом, уже после гражданской войны, Бела Кун не однажды говорил, что он выучил русский язык и полюбил Россию благодаря Ленину. А еще Бела Кун интересовался спецификой работы местных большевиков, особенно в период Крымской Советской Республики, когда во главе Совета Народных Комиссаров стоял Дмитрий Ильич Ульянов. И хотя Крымская Советская Республика просуществовала менее трех месяцев, многие методы хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы, найденные и примененные тогда, могли пригодиться и сейчас, полтора года спустя. Бела Кун, как никто другой, неоднократно подчеркивал, что дела коммунистов двух предыдущих советских республик в Крыму дали хорошие всходы. Бела Кун имел в виду активное участие беднейших слоев населения в борьбе против белогвардейцев и иностранных интервентов. Но не только это. Уже в первые дни, как только контрреволюция была сброшена в Черное море, крестьяне степных районов вслед за рабочими Симферополя, Севастополя, Евпатории, Керчи, Ялты, Феодосии возобновили деятельность Советов. Именно они, Советы, руководимые местными большевиками, при содействии Красной Армии стали наводить железную революционную дисциплину и порядок. Опираясь на широкие массы рабочих, крестьян, революционно настроенной интеллигенции, Советы не допустили ни одного случая контрреволюционного выступления. А ведь Крым в отличие от других районов Советской России являлся, пожалуй, самым

неблагополучным по лояльности к рабоче-крестьянской власти. Не случайно, говоря об этом 6 декабря 1920 года в докладе на собрании партийного актива Москвы, Владимир Ильич Ленин подчеркивал: «…сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам»[45].

Но полтора года, минувшие после Крымской Советской Республики, внесли много нового. Существенно изменилась международная обстановка. Советская Россия победоносно заканчивала войну, и это накладывало особый отпечаток на деятельность Крымского ревкома и обкома партии. И Дмитрий Ильич, как знающий местные условия, вносит на рассмотрение президиума Крымского ревкома предложения о национализации имущества буржуазии, о дифференциальной политике по отношению к колонистам (как известно, многие из них решительно поддерживали Советскую власть, начиная с 1917 года), об открытии в Крыму школ с преподаванием на русском и татарском языках (уже в декабре 1920 года при ревкоме стали действовать краткосрочные курсы по подготовке учителей из числа коммунистов татарской национальности). По предложению Дмитрия Ильича были взяты на учет многие специалисты, в том числе врачи, агрономы, инженеры, и выделены для них военные красноармейские пайки.

Ко всем, или почти ко всем, документам, которые рассматривались на заседаниях президиума Крымского ревкома, Ульянов имел непосредственное отношение.

Дмитрий Ильич помогал наладить работу новому секретарю обкома партии Розалии Самойловне Землячке. 28 ноября 1920 года она вынесла на президиум областного комитета РКП(б) предложение — поручить Дмитрию Ильичу навести порядок в крымских профсоюзах. В местные профорганизации проникло много меньшевиков и националистов. Нужно было показать рабочим, кого они держат в своей профсоюзной семье. Это Дмитрий Ильич мог сделать лучше, чем кто-либо.

На заседании президиума областного комитета партии было принято постановление, которое обязало Ульянова руководить всей работой в профсоюзах. Землячка не ошиблась в выборе.

Трудности ожидали с первого шага на новой работе. Просматривая список членов профсоюза металлистов, Дмитрий Ильич обратил внимание, что многие из них — бывшие офицеры. Подобная картина и в других профорганизациях. С помощью рабочих быстро навели порядок.

30 ноября Ульянов выступает с докладом на собрании

партийной организации Симферополя. Говорит о том, что теперь, когда Красная Армия разгромила интервентов и белогвардейцев, настало время залечивать раны, нанесенные войнами, восстанавливать разрушенное народное хозяйство, беспощадно подавлять сопротивляющуюся контрреволюцию.

Однажды Дмитрия Ильича пригласил к себе Михаил Васильевич Фрунзе. Он только что вернулся из Керчи, где закончились последние бои с белогвардейцами.

Михаил Васильевич рассказал Дмитрию Ильичу, что штурм Сиваша стоил не только большой крови, но и здоровья тысячам красноармейцев. Этих людей надо лечить сейчас, немедленно.

Просьбу Михаила Васильевича Фрунзе Дмитрий Ильич принял близко к сердцу.

Он попросил у командующего врачей и топлива. Относительно топлива проблема решилась просто: уже был отдан приказ разобрать перекопские укрепления. Там все порубленные леса Крыма. Сеймур и Манжен[46] не жалели русского добра. А что касается врачей, из армии забирать их было еще рано: на очереди освобождение Дальнего Востока. Ведь война продолжалась…

И снова дороги Таврии, от Евпатории до Алушты, от Симферополя до Феодосии. Тысячи бойцов, промерзших при форсировании Сиваша, нашли теплые палаты в дворцах и виллах, еще недавно принадлежавших именитым особам.

Полевые госпитали были разгружены. Эта работа отобрала у Дмитрия Ильича много сил. Ложился спать в час ночи, а в четыре утра спешил в обком или же начинал объезд санаториев.

В тот раз он тоже поднялся рано и через темный сквер пошел в ревком. Внезапно сквер пошатнулся, исчез. Горячая волна пламени ударила в лицо.

— Вам плохо, товарищ?

Дмитрий Ильич открыл глаза. Спиной он упирался в каменную ограду. Перед ним стоял незнакомый красноармеец. У Дмитрия Ильича начался жар, и, пока не потерял сознание, попросил:

— Помогите мне, до ревкома…

Двое суток врачи не отходили от постели больного. Температура постепенно спала, но слабость во всем теле не давала возможности подняться на ноги.

Бела Кун, справляясь о здоровье друга, понимал, что больному нужен длительный покой и отдых. Но Дмитрий Ильич считал, что быть не у дел для него худшее наказание…

Выздоровление шло медленно. Как только стало лучше, он тотчас же приступил к своим обязанностям. К этому времени в

Москву уехал Бела Кун. На крымскую землю он больше не вернулся.

Вскоре приехал нарком здравоохранения РСФСР Николай Александрович Семашко. В Крыму он возглавил государственную комиссию по обследованию курортов. Семашко убедился, что Дмитрий Ильич в считанные недели успел сделать многое. 16 марта 1920 года бюро обкома партии заслушало доклад Ульянова «О постановке курортного дела в Крыму».

По возвращении в Москву Николай Александрович посетил Владимира Ильича и высказал мнение, что Дмитрию Ильичу было бы целесообразно возглавить все крымские курорты. С санкции Председателя Совнаркома РСФСР Дмитрий Ильич был назначен особоуполномоченным Наркомздрава и начальником Центрального управления курортов Крыма (ЦУКК).

Владимир Ильич попросил Семашко срочно подготовить проект декрета СНК об использовании Крыма для лечения трудящихся.

— Напишите в приподнятом духе, такой, чтоб каждая фраза пела. II сразу же приносите мне. Этот документ мариновать нельзя.

Буквально через несколько часов проект декрета был подготовлен. Владимир Ильич с карандашом в руках внимательно прочитал текст.

— Все правильно, — сказал он. — Только мне кажется, целесообразно добавить после «всех трудящихся всех советских республик» слова «также для рабочих других стран, направляемых советом профсоюзов».

— Не рано ли? — возразил Семашко.

— Это будет иметь большое политическое значение, — подчеркнул Владимир Ильич, — эта фраза особенно запоет…

Из заснеженной, голодной и холодной Москвы весенним ветром торопился ленинский декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». По прямому проводу передавали: «Симферополь. Ульянову». И дальше следовал текст: «Благодаря освобождению Крыма Красной Армией от господства Врангеля и белогвардейцев открылась возможность использовать целебные свойства Крымского побережья для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся всех советских республик, а также для рабочих других стран, направляемых Международным советом профсоюзов.

Санатории и курорты Крыма, бывшие раньше привилегией крупной буржуазии, прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под

санатории и здравницы рабочих и крестьян…»

После этого декрета руководители Крымского полуострова, допускавшие местничество, должны были понять, что лечение рабочих, крестьян, красноармейцев — одна из важнейших революционных задач. Для строительства социализма и его защиты нужны сильные, здоровые и жизнедеятельные люди.

Дмитрий Ильич побывал в обкоме партии, в Крымревкоме, посетил заведующего губздравотделом. РІ если в обкоме партии и ревкоме отнеслись к ленинскому декрету с пониманием, то в здравотделе опять натолкнулся на чиновничью рутину. («Нам бы вылечить хотя бы своих трудящихся, а москвичи и питерцы пусть заботятся о себе сами».)

С таким мнением Дмитрий Ильич согласиться не мог. 10 января 1921 года он направил Николаю Александровичу Семашко телеграмму (копия Ленину): «Получил декрет Совнаркома от 24 декабря, который разъясняет дело и укрепляет наше положение. Необходимым считаю, чтобы Вы в развитие этого декрета подчинили мне местный Губздравотдел, потому что несмотря даже на этот декрет они продолжают смотреть на дело с высоты своей крымской колокольни. Это нужно сделать немедленно в самой категорической форме, иначе на каждом шагу мы будем встречать недопустимые помехи со стороны местных властей, не охватывающих вопрос в том объеме, как этого требуют интересы дела и определенное и ясное указание Центра. Параллельно с этим необходимы директивы Наркомздрава местным крымским органам о безусловном подчинении их интересов общим заданиям Республики…

Ульянов».

На копии телеграммы В. И. Ленин сделал пометку: «Запросите от Семашки копию его ответа для меня»[47].

12 января 1921 года Наркомздрав передал Владимиру Ильичу копию телеграммы, посланной в Крымский ревком и областной комитет партии. В телеграмме говорилось:

«Прошу строжайше предложить заведующему здравотделом всячески помогать Управлению курортами по подготовке приема, размещению, лечению прибывающих больных рабочих Москвы и Петрограда. Необходимо принять самые срочные меры, ибо больные прибудут 20 января. Нужно обеспечить автотранспортом, помещением, продовольствием, топливом согласно декрета СНК. Если заведующий здравотделом не понимает этих основных общегосударственных обязанностей перед трудящимися Республики, очень прошу назначить другого».

Ознакомившись с текстами телеграмм, Владимир Ильич на следующий же день передал брату: «Получил копию твоей

телеграммы Семашке и копию его ответа тебе. Прошу сообщить, заметно ли улучшение»[48].

Да, улучшение наступило, но не скоро. Пришлось убеждать, доказывать и прежде всего вникать в дело самому, разбираться на месте.

Начал с поездки на Сакские грязевые источники. И надо ж было такому случиться — в нескольких километрах от поселка машина сломалась. Пока шофер копался в моторе, Дмитрий Ильич решил немного пройтись. Его внимание привлек старик, собиравший у обочины дороги какие-то коренья. Когда тот поднял голову, он узнал… Дзевановского. С нескрываемой радостью Дмитрий Ильич рассматривал старого товарища. Друзья разговорились. Дмитрий Ильич предложил заниматься не сбором лекарственных трав (это могут делать другие!), а серьезной врачебной работой. В ЦУККе врачей не хватает. Их приходится собирать по всей России. А здесь опытнейший специалист не у дел.

Весь день из головы не выходила встреча с Дзевановским. Сколько раз проезжал по Сакской дороге и не думал, не гадал, что рядом живет человек, которому он так многим обязан. А теперь он сам нуждался в помощи и поддержке. Порядочность Дзевановского как врача и человека для Дмитрия Ильича оставалась неоспоримой.

Постепенно под крышу ЦУККа собирались врачи. Если в январе их было только 70, то теперь, к лету 1921 года, в штатах управления насчитывалось уже 450 человек. Однако главной своей задачей Дмитрий Ильич считал не формальное объединение разных медицинских специалистов, а создание стойкого, идейно убежденного коллектива. И Дмитрий Ильич поставил перед обкомом партии и ревкомом вопрос о создании при ЦУККе политчасти и об укомплектовании ее комиссарами, демобилизованными из Красной Армии. Обком и ревком согласились с доводами особоуполномоченного. Дмитрий Ильич разработал положение, в котором определил роль и место политчасти в работе курортного управления. «Ни одно требование или указание политчасти, — подчеркивалось в положении, — не может быть отменено на местах, обжалование не должно задерживать исполнения…»

Были трудности и иного порядка.

Некоторые обвиняли Дмитрия Ильича в том, что он якобы берет под свое покровительство буржуазную интеллигенцию. Иные не в меру ретивые работники обкома требовали ни под каким предлогом не допускать к службе в ЦУККе спецов, а к старым, испытанным товарищам выдвигали необоснованные

обвинения, навешивая ярлыки контрреволюционеров. Это создавало в управлении курортов нервную, неустойчивую обстановку, мешало работе.

Будучи в Москве в феврале 1921 года, Дмитрий Ильич поделился своими неприятностями с братом, добавив при этом, что при том скудном продовольственном пайке, который сейчас отпущен курортам Крыма, вряд ли можно ожидать эффективных результатов от лечения.

Владимир Ильич включил в повестку дня заседания Совета Труда и Обороны сообщение начальника ЦУККа.

Дмитрий Ильич выступил с докладом «О снабжении курортов Крыма». По докладу было принято решение, и ввиду «важного государственного значения курортов Крыма для трудящихся масс Республики» Центральная Россия направляла в санатории 600 пудов картофеля, 2 тысячи пудов мясных консервов, 3 тысячи пудов риса, 500 пудов сгущенного молока…

Еще до февральской поездки в Москву Дмитрий Ильич почувствовал, что Владимир Ильич взял персональное шефство над курортами Крыма. Получив информацию от Белы Куна и Семашко об условиях, в которых приходится работать особоуполномоченному, Владимир Ильич в телеграмме, посланной в Симферополь, просил выяснить, какое и откуда продовольствие поступает в ЦУКК.

Радовать Владимира Ильича было нечем. Продукты, которые выделила Москва, оказались израсходованными. А то, что удалось добыть в Крыму, погоды не делало.

В. И. Ленин телеграфирует в Харьков наркому продовольствия Украины М. К. Владимирову: «Продовольственное положение больных Крымской здравницы, согласно сообщению Симферополя, чрезвычайно тяжко, особенно в отношении хлеба. Подать помощь может только Украина. Найдите возможность в самом срочном порядке выслать в Симферополь ЦУКУ десять вагонов зернохлеба, частью мукой, два вагона фуража. О принятых мерах сообщите Брюханову, мне.

Председатель Совнаркома»[49].

Ввиду чрезвычайного положения с продовольствием в ЦУККе Владимир Ильич вынужден дать указание члену коллегии Наркомпрода Н. IL Брюханову: «Необходимо ограничить количество больных в Крыму соответственно вполне обеспеченному продовольствию. По-видимому, медицинские власти с этим не считаются, но Наркомпрод должен урезать их безусловно свирепо.

Ленин»[50].

Шел август 1921 года. В этом сезоне в Крыму лечилось 7445

человек, из них 3235 рабочих, 1114 воинов Красной Армии и инвалидов гражданской войны, 400 детей. По тем возможностям это был подвиг коллектива ЦУККа. В Поволжье продолжался голод. Вся республика была на голодном пайке.

Больные и раненые понимают сложность положения. Но одним пониманием физически не окрепнешь. Требуется витаминное и калорийное питание. А взять негде.

С этими тяжелыми мыслями Дмитрий Ильич возвращался на Салгирскую улицу, в свой штаб. И вдруг… Да, это было вдруг. Секретарь ЦУККа Раевская выбежала навстречу, сияющая от восторга, вручила телеграмму Наркомпрода Украины. Согласно личному распоряжению Владимира Ильича Украинский комиссариат продовольствия выслал ЦУККу в самом срочном порядке десять вагонов хлебопродуктов и два вагона фуража. Хотелось в этот же момент сесть и написать брату благодарственное письмо. Помощь с Украины была как нельзя кстати. Но он знал брата: Владимир Ильич не любил принимать благодарностей, тем более от людей близких.

Было еще письмо от Марии Ильиничны. Она просила подыскать для Владимира Ильича место, где можно ему будет отдохнуть и полечиться. Не успел Дмитрий Ильич дочитать письмо, как раздался звонок. Звонил Иван Алексеевич Акулов, новый секретарь обкома партии, сменивший Землячку. Он просил зайти к нему по срочному делу.

В кабинете Акулова уже поджидал Дмитрия Ильича управляющий делами Крымского Совнаркома Аркадий Сергеевич Мазыкин.

— Совнарком получил письмо из Москвы, — сообщил Акулов. — Предвидится приезд в Крым Владимира Ильича. На отдых. Вам это известно?

— Да.

— Подумаем сообща. Вот товарищ Мазыкин предлагает обследовать Алупку.

На рассвете, взяв с собой Мазыкина и группу чекистов, Дмитрий Ильич отправился в Алупку.

Благополучно проскочили перевал, миновали Алушту. Высокое солнце жгло немилосердно, и люди в автомашине разомлели. Вел машину Мазыкин. Дмитрий Ильич охотно ему доверил руль, зная, что в водительском мастерстве тот мало кому уступит.

Зеленой глыбой быстро вырастала Медведь-гора, и вдруг с коротким свистом пули впились в машину, разбив ветровое стекло. Мазыкин резко затормозил. Чекисты залегли в кювете, открыли стрельбу. Последним из машины выбрался Дмитрий

Ильич, захватив с собой забытый кем-то из чекистов карабин.

По машине снова ударил залп. Пули, срикошетив, пронеслись над головой.

— Заметили, откуда стреляют? — спросил Дмитрий Ильич.

Чекисты приподняли головы, стали всматриваться в придорожные скалы. Раздался третий залп. Стреляли трое или четверо.

— Нам бы сейчас пулемет, мы бы их шуганули, — проговорил Мазыкин, глядя в сторону валунов.

— Я буду стрелять, а вы, товарищ, — обратился Дмитрий Ильич к старшему чекисту, — снимите с машины пулемет.

Так и сделали. Пока Дмитрий Ильич обстреливал засевших бандитов, чекист снял со станины пулемет и перетащил его в кювет. Бандиты разгадали замысел, но было уже поздно. Дмитрий Ильич передал карабин Мазыкину, а сам занял место у прицела пулемета. Пулеметные очереди заставили бандитов спрятаться в расщелины скал. Путники сели в машину, но не проехали и сотни метров, как снова защелкали выстрелы.

— Поворачивайте, товарищ Мазыкин, в Алушту, — распорядился Дмитрий Ильич.

В Алуштинском исполкоме рассказали о происшествии. Больше всех возмущался бандитской вылазкой председатель исполкома Сафу.

Вскоре по дороге в направлении Ялты ускакал конный татарский отряд.

— Теперь можете спокойно ехать, — сказал председатель исполкома.

На этот раз дорога до самой Алупки оказалась безопасной. Не знали тогда еще ни Дмитрий Ильич, ни Мазыкин, что председатель исполкома сам бандит и все дороги Южного берега Крыма контролировались его бандой.

Без приключений добрались до Алупки, а затем и до мыса Форос. Здесь находился роскошный особняк, национализированный у чайного фабриканта Кузнецова. В непосредственной близости от особняка размещалась погранзастава. А самое главное, здесь было тихо. Лучшего места, чем мыс Форос, для отдыха и желать не надо.

На обратном пути заехали к известному алупкинскому виноделу Гаске, давнему знакомому Дмитрия Ильича. Карл Иванович Гаске предложил гостям самое лучшее вино и тут же принялся жаловаться на свою старость, на то, что без него погибнут виноградники.

— А вы возьмите себе в помощники молодых виноградарей, — предложил Дмитрий Ильич, — передайте им

свой опыт.

— Они же комсомольцы…

— Вот именно. Комсомольцы и подхватят вашу славу.

— Нет уж… Как-то ко мне ночью нагрянули неизвестные. Требовали вина. Называли себя комсомольцами.

Не от первого Гаске Дмитрию Ильичу приходилось слышать, что ночные грабители именуют себя то коммунистами, то комсомольцами. Когда их изловили, они оказались недобитыми белогвардейцами.

Гости поблагодарили хозяина, сели в машину и тут под сиденьем обнаружили бутылки.

— Кто положил? — строго спросил Дмитрий Ильич.

— Это «Ля Криме», — сказал Гаске, — лучшее вино. Лечебное. Отошлите, пожалуйста, Владимиру Ильичу…

В Таврии наступила осень. Усилился поток санитарных эшелонов из Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска. На симферопольском вокзале гремела медь духового оркестра. Люди пересаживались на цукковские автомашины, разъезжались по санаториям.

Но самыми торжественными моментами для Дмитрия Ильича были проводы отдохнувших и выздоровевших красноармейцев, рабочих, крестьян. Поезда, полные оживленного, веселого люда, уходили на север.

В середине октября 1921 года Мария Ильинична сообщила, что здоровье Владимира Ильича резко ухудшилось. Дмитрий Ильич попросил наркомздрава Семашко предоставить ему возможность быть рядом с братом. Николай Александрович ответил телеграммой: «Не возражаю».

В день отъезда почти по-летнему светило солнце, щедро освещая город, голубые склоны гор, тихие степные просторы Таврии. К поезду Симферополь — Москва пришли многие друзья и товарищи.

Дмитрий Ильич покидал землю, ставшую ему родной, оставлял здесь частицу своего сердца.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ С ЛЕНИНЫМ

Ранним ноябрьским утром Дмитрий Ильич с женой приехал в Москву. Ночью выпала пороша, и город выглядел нарядным. Был легкий морозец.

Настоящая северная зима разбудила в сердце Дмитрия Ильича ощущение юности. И в самом деле, здесь, на московской земле, он себя вдруг почувствовал настолько молодым и бодрым, что, не удержавшись, сказал Александре Федоровне:

— Сегодня же махнем на Воробьевы горы. Если, конечно, дома все в порядке.

Говоря так, он имел в виду самочувствие Владимира Ильича. Тревожили последние письма сестер. Собственно, ни Анна Ильинична, ни Мария Ильинична не скрывали, что брат в последнее время часто жалуется на головные боли, лекарства помогают мало. Врачи единодушны в одном: Ленину требуется длительный отдых. Дмитрий Ильич ехал с намерением повлиять на брата как врач: без настоящего отдыха работать нельзя. Человек, каким бы здоровьем ни обладал, имеет свой запас прочности.

К вагону подошел С. Г. Гиль, личный шофер Ленина. Дмитрий Ильич, поздоровавшись с ним как со старым знакомым, сразу же спросил о самочувствии Владимира Ильича. Оказалось, Владимир Ильич чувствовал себя плохо.

Отправив вещи на квартиру Анны Ильиничны, Дмитрий Ильич с женой поехали к больному. Здесь с утра разговоры были только о крымчанах. Владимир Ильич несколько раз справлялся, поехал ли Гиль на вокзал, затем позвонил наркому Семашко, поинтересовался обязанностями брата и, получив ответ, что у заместителя заведующего отделом санитарного просвещения и издательства работы более чем достаточно, кажется, остался доволен.

Супруги Ульяновы и Анна Ильинична поспели к завтраку. Дома были Владимир Ильич и Мария Ильинична. Надежда Константиновна в Наркомате просвещения принимала какую-то делегацию. Встретив брата, Мария Ильинична шепнула:

— Ты, пожалуйста, не говори с Володей о политике. Ему врачи предложили воздерживаться от таких разговоров.

— Постараюсь. — И прошел в комнату брата. Владимир Ильич сидел в глубоком кресле, прикрыв ноги шерстяным пледом. Синяя рубашка-косоворотка застегнута на все пуговицы. Бледное лицо выражало смертельную усталость. Но когда они встретились взглядами, Дмитрий Ильич заметил в глазах брата

радостный блеск: Владимир Ильич не поддавался болезни. Но какого это стоило труда, одному ему, пожалуй, было известно.

Братья поздоровались, как будто расстались недавно, и Владимир Ильич сразу же засыпал Дмитрия Ильича вопросами: как там дела в Крыму? И первым был вопрос о курортах: все ли делается, чтобы трудящиеся лечились по-настоящему? Поинтересовался состоянием дел в детских санаториях. Многие бывшие беспризорные дети крайне нуждаются в санаторном лечении. Таково заключение товарища Дзержинского. А уж он-то знает…

Дмитрий Ильич рассказал, что два санатория уже действуют в Евпатории, один в Алуште. Кстати, все три открыты при содействии Крымской ЧК. Чекисты обратились к Дмитрию Ильичу с просьбой войти в комиссию по организации помощи беспризорным детям. Несмотря на загруженность в ревкоме и обкоме партии, Дмитрий Ильич охотно согласился. Он понимал, что только совместными усилиями Советов, ЧК и ЦУККа можно ликвидировать беспризорность на Крымском полуострове. Гражданская война загоняла сюда, особенно в зимние месяцы, десятки тысяч ребятишек. С потеплением большая часть, подобно перелетным птицам, возвращалась на Украину, в города Центральной России. Оставались малолетние да больные. За зиму и весну 1921 года на улицах крымских сел и городов чекисты подобрали около 15 тысяч больных и слабых детей. Их нужно было не просто накормить и обогреть, но и вернуть здоровье. Тогда Дмитрий Ильич как начальник ЦУККа «выколотил» у наркома здравоохранения 8 миллионов рублей на устройство детских здравниц. Чекисты помогли рабочей силой и материалами. Так появились в Крыму первые красные детские здравницы. Дмитрий Ильич внес предложение заложить детскую здравницу общего типа на берегу моря против Медведь-горы. Но на строительство денег не находилось. Цукковская смета, как известно, была до предела урезана в связи с голодом в Поволжье.

Голод коснулся и Крыма. При обкоме партии была создана Крымская центральная комиссия по борьбе с голодом и его последствиями, председателем которой стал Юрий Петрович Гавен, а членами Д. И. Ульянов, С. М. Поплавский, Г. А. Кереметчи и другие коммунисты. Часть средств, выделенных на устройство санаториев Крыма, была, естественно, передана в Помгол, как тогда называли комиссию.

Обо всем этом Дмитрий Ильич стал рассказывать брату и вдруг спохватился, вспомнил условие лечащих врачей Ленина: не говорить о политике. Вынужден был прервать себя, сославшись на довольно суровый запрет своих коллег по профессии.

— Чудаки, они представляют себе, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики.

Не забыл Владимир Ильич передать брату благодарность от Губкина. Помощь Дмитрия Ильича пришлась очень кстати.

Дело было еще в апреле 1921 года. К Владимиру Ильичу обратились профессора Губкин и Ломов с просьбой оказать содействие директору Петроградского горного института геологу Мушкетову: надо было вывезти его мать из Крыма, где она терпела большую нужду. Тотчас по получении от брата телеграммы Дмитрий Ильич поручил врачу Лялину разыскать Мушкетову и сообщить ей, что билет на московский поезд будет в ближайшие дни. Но Мушкетова была тяжело больна. О скором выезде в Петроград не могло быть и речи. Ее направили в больницу. Врачи с трудом отходили истощенную недоеданием женщину. Она смогла уехать к сыну только в июне.

С приездом брата Владимиру Ильичу стало лучше. Он позвонил Фотиевой, предупредил, что завтра будет на службе. Родные просили его повременить, тем более что лечащие врачи Минц и Обух не рекомендовали браться за дело до полного выздоровления. К рекомендации лечащих врачей присоединился и врач Ульянов. Но Владимир Ильич стоял на своем, ему нужно было работать как никогда. В партии, в госаппарате нашлись люди, которые навязывали стране дискуссию о профсоюзах. Но самое опасное могло произойти, если бы они оказались у руля партии и государства. А этого допустить было нельзя, иначе — гибель рабоче-крестьянской власти. Ленин не мог быть сторонним наблюдателем. Ему нужно было во все вникать самым тщательным образом, подбирать кадры, проверять их в практической работе… На старой большевистской гвардии лежала слишком большая ответственность.

Уже на второй день по приезде в Москву Дмитрий Ильич был в Наркомздраве, на своем новом месте службы.

Работа в Наркомздраве захлестнула Дмитрия Ильича. Бумаги, бумаги… Но от них зависела помощь голодающим Поволжья, санитарное дело Средней Азии, деятельность заводских амбулаторий в Донбассе и на Урале. Дмитрий Ильич едет в агитвагоне санитарно-просветительной выставки в Ростов, Ставрополь, Батуми. И каждый раз торопится в Москву, в квартиру Анны Ильиничны.

Квартира всем была хороша, за исключением одного: на отопление требовалось много дров, а дрова отпускались по норме — по количеству жильцов. Всю зиму Ульяновы прожили в комнатах с пониженной температурой. Особенно после Крыма

московская зима показалась настоящим севером. Ждали весны, чтобы отогреться, и безропотно переносили холод. Но с первым мартовским солнцем в квартире появилось маленькое существо по имени Оля. И Владимир Ильич, побывав у брата и сестры, обнаружил, что при таком скудном отоплении не уберечь ребенка от простуды. Семья Дмитрия Ильича согласно положению имела теперь право на дополнительное топливо, но хозяин за себя не умел ходатайствовать. И Владимир Ильич обратился к члену Президиума и секретарю ВЦИК А. С. Енукидзе с запиской:

«…Товарищ Енукидзе! Если можно, прошу Вас распорядиться насчет ускорения выдачи дров А. И. Елизаровой. С ней живет мой брат, у которого теперь приращение семейства, так что приходится позаботиться о большем тепле.

Черкните, если не затруднит, два слова об этом сестре, Марии Ильиничне, ибо я сейчас уезжаю в деревню…

Ваш Ленин»[51].

Заботясь о других, Владимир Ильич мало думал о своем здоровье.

Дмитрий Ильич был убежден, что брат нуждался в постоянном медицинском контроле. Несмотря на болезнь, Ленин всегда работал. В марте 1923 года, как вспоминала Мария Ильинична, Ульяновы всей семьей сидели у постели больного и перебирали в памяти минувшее. Владимир Ильич с грустью признавался: «В 1917 году я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам, в 1918 году — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было…»

По поводу этого признания стоит заметить: в шалаше у Сестрорецка Владимиром Ильичем написана книга «Государство и революция» — своего рода энциклопедия классовой борьбы. В 1918 году уже на восемнадцатый день после ранения (30 августа) он участвовал в заседании ЦК РКП(б), а 17 сентября председательствовал на заседании Совнаркома, месяц спустя писал важную теоретическую работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Однажды Владимира Ильича пригласили в совхоз «Костино». Поехали. Не заезжая в деревню, Владимир Ильич решил осмотреть скотный двор. Вышел из машины и по тропинке направился к коровнику. Рабочие совхоза еще не знали в лицо Владимира Ильича, и сторож его не пустил: на скотный двор посторонним вход был запрещен. Владимир Ильич не стал объяснять, кто он, извинившись, вернулся к машине. До деревни ехали молча, Владимир Ильич улыбался: сторож не пустил Предсовнаркома. Сторож на своем посту.

Дмитрий Ильич по этому поводу вспомнил случай, рассказанный когда-то отцом. Илья Николаевич инспектировал земскую школу. Молодая учительница проводила свое первое занятие. Директор школы не разрешил в этот день ее проверить — рано. И инспектор подчинился.

Огромный жизненный опыт, накопленный Дмитрием Ильичом за долгие годы работы с людьми, помогал ему видеть всю многогранность характера брата. Дмитрий Ильич как губка впитывал все, чем с ним делился Ленин, понимая, что он, знающий брата с детства по революционной деятельности и теперь как руководителя партии и первого рабоче-крестьянского государства, обязан будет рассказывать о нем как о вожде трудящихся. Со временем Дмитрий Ильич напишет: «У Ленина мы учимся по его литературным трудам, по его сочинениям, изучая различные вопросы ленинизма. У Ленина мы учимся на всей истории нашей партии — с ее основания до 1924 года. Мы должны также учиться у Ленина тому, как надо работать».

Владимира Ильича интересовали мысли и заботы всех граждан Советской Республики. Он не мог жить без общения, задыхался без живого человеческого слова. Он любил говорить с друзьями, знакомыми, а зачастую и с людьми, которых первый раз видел.

В последние месяцы жизни он не однажды возвращался к мысли о том, что надо чаще бывать у рабочих, у крестьян, красноармейцев. Часто говорил он о морально-политическом облике руководителя.

Как-то Дмитрий Ильич прочел ему заметку о взяточниках из уездного исполкома. Это сообщение очень взволновало Владимира Ильича. Но в заметке не было ни слова о наказании взяточников.

Пришлось звонить в редакцию. Оттуда ответили: виновников отстранили от должностей. Такую меру наказания Владимир Ильич расценил как издевательство над советскими законами[52].

После этого случая врачи не рекомендовали читать Владимиру Ильичу критические заметки. Всякое беззаконие должностных лиц он переживал как свою личную неприятность.

В середине января 1924 года Владимиру Ильичу стало совсем плохо. В эти дни и до последнего часа Дмитрий Ильич почти ни на шаг не отходил от брата. Он видел, как угасает его жизнь. Дмитрий Ильич терял не просто родного человека. Владимир Ильич был и оставался для него неизменным компасом в жизни.

СИЛЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ПОРОДЫ

Весна 1924 года. Отцветала черемуха и рябина. В пойме Пахры в зарослях осины белели колокольчики ландышей. Когда-то здесь любил бродить Владимир Ильич. Весенний цвет действовал на него успокаивающе, и он быстро забывал усталость. Шутил. Смеялся. Даже когда был болен, он оставался жизнерадостным. И вот весна без Ленина.

Чувство невосполнимой потери затмевало всю прелесть весенних красок. В Горках, в доме и в парке, все Дмитрию Ильичу напоминало брата: чудилось — вот сейчас за кустами лещины послышится веселый голос Володи. Но кругом было тихо. Опустел балкон, где летом в хорошую погоду обычно работал Владимир Ильич. Одиноко стояло кресло в зале — Володино кресло. В это кресло никто не решался сесть — как будто надеялись, что хозяин еще вернется…

Летом и осенью 1924 года Дмитрий Ильич получил множество писем. Товарищи просили рассказать о Владимире Ильиче, и прежде всего о его детских и юношеских годах. Как, в какой обстановке формировался ленинский характер. Наиболее полно и точно мог ответить на эти вопросы человек, близко знавший Ленина с первых лет его жизни. И Дмитрий Ильич садится писать воспоминания о брате. Появляются миниатюры «Как работал Ленин в молодые годы», «Из минувшего», «Детские годы Владимира Ильича». Многие очерки в двадцатых-тридцатых годах были написаны по просьбе работников музеев В. И. Ленина и появились в печати уже после смерти Дмитрия Ильича. Первая попытка обобщить эти воспоминания была предпринята Ольгой Дмитриевной Ульяновой совместно с Институтом марксизма-ленинизма[53].

С 1924 года из-под пера Дмитрия Ильича вышли десятки статей, рассказывающих о жизни и деятельности В. И. Ленина.

Дмитрий Ильич выступает в качестве консультанта при создании музеев В. И. Ленина в Москве, Куйбышеве, Ульяновске, Казани. С этой целью он выезжает на Волгу, в города Центральной России. В 1928 году рабочие Тулы приглашают его как делегата Второго съезда РСДРП от Тульской партийной организации на торжественное заседание городского партийного актива. Здесь Дмитрий Ильич выступает с докладом о создании большевистской партии.

Наряду с пропагандой ленинизма Дмитрий Ильич продолжает вести и активную медицинскую работу. Он является членом правления и заведует медицинской частью

Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, затем с 1933 года ведет научный сектор поликлиники по обслуживанию ученых, возглавляет отдел медицинской статистики Наркомздрава. В качестве делегата принимает участие в работе XVI и XVII съездов партии, встречается с партийными и государственными деятелями, с работниками Коминтерна. Со многими товарищами у него завязывается личная дружба. Дмитрия Ильича посещает Георгий Димитров, вырвавшийся из фашистских застенков гитлеровской Германии. Димитров и младший Ульянов были заочно знакомы давно, еще с 1902 года. Тогда молодой болгарский революционер помогал молодому русскому революционеру доставлять в Россию ленинскую «Искру». В те годы им не довелось увидеться. Дмитрий Ильич не забыл Димитрова, внимательно следил за его деятельностью. И вот теперь, спустя треть века, они встретились в Москве. Проговорили всю ночь до утра. Разговор шел главным образом о фашизме. Фашисты готовились к войне против первой социалистической державы, они не скрывали своей ненависти к коммунистам и СССР. Дмитрий Ильич вспомнил, что в свое время, в 1922 и 1923 годах, Владимир Ильич, уже будучи тяжело больным, просил товарищей снабжать его как можно более полной информацией о венгерских, итальянских, болгарских фашистах. Особое подозрение вызывали итальянские фашисты. Тревожась о безопасности советской делегации, отправившейся в Геную, В. И. Ленин в секретной записке членам Политбюро предложил, в частности: «Не потребовать ли особых гарантий против фашистов (напр., либо итальянское военное судно с радио в нашем распоряжении? имена ответственных лиц итальянских военных и полиции и т. п.)?»[54].

Осмысливая социальные процессы в послевоенном капиталистическом мире, Владимир Ильич предвидел возможность фашизации Европы. Опасения В. И. Ленина вскоре подтвердились. В лице германского фашизма человечество увидело своего смертельного врага.

Георгий Димитров с гневом рассказывал Дмитрию Ильичу, как германский обыватель с удивительной быстротой превращается в воинствующего фашиста, как миллионными тиражами издается «Майн кампф». В словах болгарского товарища были горечь и тревога за немецкий народ, давший миру Маркса и Энгельса.

Дмитрий Ильич тщательно следит за событиями в Европе и на Дальнем Востоке. Уже чувствовалось близкое дыхание войны. Об этом во всеуслышание говорилось с трибуны XVII съезда ВКП(б), делегатом которого был Ульянов. О предстоящей войне

писали газеты всего мира. И Дмитрий Ильич считал, что схватка с фашизмом неизбежна. Он получал письма от энергетиков Днепрогэса и тракторостроителей Челябинска, химиков Соликамска и железнодорожников Харькова. Молодые рабочие заверяли старого большевика, что сумеют достойно защитить свою Родину.

Следя за ударными делами молодых рабочих, он с гордостью называл их юной гвардией Ленина. Их письма, телеграммы, открытки были для него лучшим лекарством. Да, ему требовалось лекарство. Дело в том, что к нему незаметно подкралась беда — неизлечимая болезнь ног вызывала мучительные боли. Дмитрий Ильич проходит курс лечения в Мацесте, Кисловодске, Мухолатке. Болезнь прогрессировала. Центральный Комитет партии предложил выехать на лечение за границу. Дмитрий Ильич лечится у лучших европейских врачей. Но тщетно.

Радуют его успехи Советской Родины. Стахановское движение. Освоение Арктики. Новостройки Сибири и Средней Азии.

Особую любовь он по-прежнему питал к Крыму. Почти каждое лето выезжает в Евпаторию, пристально интересуется состоянием курортного дела. По его инициативе открыты детские санатории на западном побережье полуострова.

В 1935 году умирает старшая сестра, а два года спустя — младшая. Весть о смерти Марии Ильиничны застала его в санатории. Теперь из всей многочисленной семьи Ульяновых остался он один.

«Дорогой, родной Дмитрий Ильич! — писала ему Надежда Константиновна Крупская. — Умерла наша Маняша. Не звонила Вам потому, что было очень уж тяжело, да и врачи, по обыкновению, говорили по-разному…

Теперь надо составить ее биографию, собрать все воспоминания, составить сборник. Без Вас этого нельзя сделать, Вы лучше всех, ближе всех ее знаете. Глубокая партийка, опа отдавала себя всю работе, всю без остатка. Надо сохранить для истории ее образ, ее облик.

Надо все собрать; на Вас ложится сейчас большая задача. Поговорим об этом деле с Вами при свидании.

Крепко вас обнимаю. Берегите себя.

Ваша Н. К.».

Дмитрию Ильичу приходит много ободряющих писем. Друг юности Алексей Иванович Яковлев, в частности, писал:

«Милый Митя, только что узнал из газет о страшном ударе, Вас постигшем. Кончина Марии Ильиничны подкралась с такой молниеносной быстротой, что сразу не соберешься с мыслями…

Удар жесток, но и силы Вашей Ульяновской породы велики. Крепко тебя обнимаю и желаю тебе бодрости и твердости духа перенести ужасное несчастье… Да послужит Вам утешением то, что образ Марии Ильиничны неизгладимо врезан в летопись мировой революции возле имени ее великого брата.

Крепко тебя обнимаю.

Твой Ал. Яковлев».

Эти строки напомнили Дмитрию Ильичу его молодость. Нигде и никогда его не покидало мужество. Не покинуло его и теперь. Ведь силы ульяновской породы неисчерпаемы!

Не прерывалась дружба со старыми товарищами по партии, с друзьями детства и юности.

После многолетнего перерыва у Дмитрия Ильича возобновилась переписка с Андреем Гавриловичем Русановым. В 1938 году Дмитрий Ильич опубликовал в «Комсомольской правде» рецензию на роман Мариэтты Шагинян «Билет по истории». На эту рецензию откликнулся А. Г. Русанов, ставший уже хирургом, профессором Воронежского университета. Еще один друг юности подал о себе голос. А их осталось так мало! Но радовало, что поднялась и окрепла новая поросль, возмужали сыновья и внуки старых товарищей по партии. Многие из них уже занимали крупные государственные, партийные и военные посты.

На их плечи ложилась ответственность за судьбу пролетарской революции.

…Утром 22 июня 1941 года Дмитрий Ильич включил радиоприемник. Многоязыкий эфир был заполнен сообщениями о нападении фашистской Германии на СССР.

— Война!

Фронт продвигается к Москве. В небе висят фашистские бомбардировщики. Дымом пожаров покрылось Подмосковье.

Центральный Комитет партии предлагает Дмитрию Ильичу выехать в один из городов Поволжья. Выбор пал на Ульяновск. В сентябре с женой и дочерью Дмитрий Ильич приезжает в свой родной город, где не был тридцать пять лет. Он побывал на могиле Ильи Николаевич ча, на Старом Венце, снова увидел дорогой сердцу широкий волжский простор.

А с фронтов поступали неутешительные сводки. Враг рвался к Москве и Ленинграду, уже захватил Киев и Одессу, бои шли на Перекопе. Бомбы сыпались на приморские города, превращая в груды развалин крымские здравницы…

Не расставался Дмитрий Ильич с большим атласом командира РККА. По карте следил за изменением линии фронта. Сейчас фронт проходил через Донбасс, кольцом опоясывал город Ленина.

Дмитрий Ильич в эти дни много работает. Он пишет воспоминания о Владимире Ильиче, обращает внимание именно на такие черты ленинского характера, как стойкость, умение не теряться в трудной обстановке, неодолимая уверенность в грядущей победе. Сегодня эти черты были так нужны ленинцам!

Дмитрий Ильич ездит в местный госпиталь на встречу с воинами. Он им рассказывает о Ленине, интересуется лечением раненых.

В декабрьских боях за Калинин был тяжело ранен боец В. С. Андреев. Из беседы с ним Дмитрий Ильич узнал, что врачи готовятся ампутировать ему ногу. Пришлось лично осмотреть раненого. Оказалось, что ампутации можно избежать, если оперировать немедленно. Так и сделали. В. С. Андреев снова оказался в боевом строю. Закончив войну, он вернулся домой в Воронеж. Там до сих пор живет и работает. В день 100-летия со дня рождения Дмитрия Ильича он прислал Ольге Дмитриевне задушевное письмо, в котором признался: «Все, что для меня сделал Дмитрий Ильич, забыть нельзя. Ровно 32 года назад произошла моя встреча с самым обаятельным, чудесным человеком — Дмитрием Ильичом. Его личное внимание и вмешательство воскресили меня к жизни, труду…»

Еще одного человека, в судьбе которого принимал участие Дмитрий Ильич, хочется упомянуть. Это политработник В. А. Мельников. В марте 1942 года его привезли в тяжелом состоянии в ульяновский гарнизонный госпиталь. Перед операцией его консультировал Дмитрий Ильич. По выздоровлении В. А. Мельников воевал в должности комиссара артиллерийского дивизиона. После войны много лет работал секретарем райкома партии, сейчас он лектор общества «Знание» в городе Бендеры, ведет переписку с дочерью Дмитрия Ильича, выступает с рассказами о семье Ульяновых и, конечно же, всякий раз вспоминает о своей встрече с братом Ленина.

В апреле 1942 года Дмитрий Ильич получил приглашение принять участие в первомайском митинге молодежи города Ульяновска. И он пишет обращение к молодежи:

«Дорогие товарищи! Молодая гвардия Ленина!

Вам предстоят в это тяжелое, трудное время великие подвиги, великие дела. Дерзайте смелее, беззаветнее в боях, на фронтах, на самоотверженной работе в тылу. Берите пример с нашего учителя — великого Ильича. Он так верил в силы молодежи, в ее незапятнанную чистую душу. Беритесь за работу по вашей склонности. Интуиция не обманет вас. Пока гитлеровцы, эти враги всего человеческого, эти ненавистные проклятые звери, в России, первой задачей нашей является истребление их всех до

последнего человека или изгнание за пределы своей страны.

Вперед на врага! Уничтожить это страшное зло, и тогда наш родной Советский Союз опять расцветет, как прежде, и станет еще величественнее, еще прекраснее!

В колхозах, на фабриках и заводах вступайте энергичнее в предмайское соревнование за оказание помощи фронту!

Да здравствует Ленинский комсомол!

Да здравствует великий советский народ!

Да здравствует наша победа над врагом!

С коммунистическим приветом Дм. Ульянов».

Это послание он направил в Ульяновск уже из Куйбышева. Врачи рекомендовали ему переехать сюда, так как здесь в то время находилось Лечебно-санитарное управление Кремля. Переезд был кстати. Лечение принесло свои плоды. Дмитрий Ильич стал выглядеть лучше. Он снова мог ездить по госпиталям, выступать перед ранеными.

Летом ему удалось посетить Алакаевку, он вспомнил здесь проведенные годы в кругу семьи, вспомнил дорогу, по которой выезжал на Буланке встречать брата. Здесь уже не было дома, в котором они жили. Но была школа, носившая имя Ленина. Позже своп впечатления Дмитрий Ильич изложил в письме к Андрею Гавриловичу Русанову. Кстати, профессор Русанов работал теперь в Ульяновском медицинском институте, в госпитале оперировал раненых. Не скоро старый друг откликнулся на письмо: каждая минута у профессора была расписана — и все это время предназначалось раненым. И только в конце декабря 1942 года он сел за ответ. В нем он описывал посещение Музея Ленина.

«Вы помните, как я видел «Володю», — писал А. Г. Русанов, — чай за скромным дубовым столом в Москве, невысокая фигура, сосредоточенный взгляд проницательных глаз, чуть заметная спокойная улыбка. У меня осталось впечатление, что и тогда уже все Вы видели в нем особенного человека. Помните, Вы сказали: «Володя приехал», понизив голос».

Далее Андрей Гаврилович рассказывал о себе, о том, что у него в Воронеже была книжка, были и письма родных Владимира Ильича, воспоминания о нем, его книги — все это погибло. Вырвался он из-под бомбежки, а с ним, кто в чем были, жена, дочь и двое внучат. Теперь на его плечах серая шинель с тремя шпалами и в сердце вера в то, что «новое, созданное Владимиром Ильичем, победит, победило уже, и хочется видеть полный разгром фашизма своими глазами…».

А. Г. Русанов сообщил, что он написал книгу «Лечение ран». Но книга, к сожалению, осталась в оккупированном Воронеже.

Ответ Андрея Гавриловича требовал действия, горячего

участия в судьбе старого друга. Дмитрий Ильич обращается к А. И. Яковлеву:

«…У меня к тебе опять просьба: переехал из Воронежа в Симбирск мой университетский товарищ Русанов А. Г. Он профессор-хирург. Мединститут переведен временно в Ульяновск из Воронежа. Русанов вынужден был бросить весь свой дом на разграбление немцев и уйти пешком, в чем был, с женой и парой внучат… У него есть книга «Лечение ран» 1940 года, которую он собирался послать мне, но не успел. Если это московское издание Медгосиздата, то нельзя ли, чтобы выслать ему пару экземпляров ввиду постигшего его несчастья. Может быть, тебя не затруднило бы позвонить куда нужно, я был бы тебе очень благодарен…»

Друг оказался в беде. И Дмитрий Ильич своим первым долгом считал прийти к нему на помощь.

В январе 1943 года радио на весь мир огласило радостную весть: трехсоттысячная группировка фашистов под Сталинградом разгромлена! Уверенной рукой Дмитрий Ильич вывел текст телеграммы Верховному Главнокомандующему: «Желаю от всего сердца дальнейших успехов до полной ликвидации гитлеризма».

Весна 1943 года неудержимо потянула в места, где проведены были многие годы жизни, — в Москву. В апреле он с семьей возвращается в Москву. Он просит: пусть его чаще посещают бойцы и командиры. Они были для него силой, которая помогала жить. Сколько мыслей и опыта он мог бы передать каждому из них!

Он восхищался подвигами Н. Гастелло, В. Талалихина. Щитом и мечом революции называл Красную Армию. Она и только она могла разгромить гитлеровские полчища…

16 июля 1943 года Дмитрий Ильич посетил Горки. Там с ним случился приступ стенокардии, от которого он скончался.

В некрологе Центрального Комитета партии и Советского правительства Дмитрий Ильич Ульянов по праву назван старейшим революционером ленинской гвардии, отдавшим всю свою жизнь делу коммунизма.

Себя он не без гордости называл рабочим человечества…

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. И. УЛЬЯНОВА

1874, 4 августа — В Симбирске в семье директора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова родился сын Дмитрий.

1883 — Поступил в Симбирскую гимназию.

1887 — После казни старшего брата Александра вместе с семьей переезжает в Казань и продолжает учебу в Казанской гимназии. Зимой живет в Кокушкине. Знакомится с марксистской литературой.

1899 — Вместе с семьей переезжает в Самару, учится в Самарской гимназии. Летом живет на хуторе около деревни Алакаевки.

1893, весна — Заканчивает Самарскую гимназию.

1893, август — Поступает на медицинский факультет Московского университета.

1893, сентябрь — Вошел в нелегальный студенческий кружок.

1894, весна — Принимает участие в марксистском кружке А. Н. Елагина.

1896–1897 — Ведет пропагандистскую работу в рабочих кружках, в частности на заводе «Гужон».

1897, весна — Вступает в члены московского «Рабочего союза».

1897, ноябрь — Арестован по делу московского «Рабочего союза». Заключен в Таганскую тюрьму. Исключен из университета.

1898 — Освобожден из тюрьмы, выслан в Тулу, затем в Подольск.

1899–1900 — Проживая в Подольске, самостоятельно учится по университетской программе, помогает В. И. Ленину в издательских делах.

1900, февраль — По возвращении В. И. Ленина из ссылки вошел в организацию «Искры».

1900, октябрь — Поступает на 5-й курс Юрьевского университета и в декабре 1902 года оканчивает его.

1902, март — В Самаре работает врачом, избирается в искровский руководящий центр.

1902, март — По поручению искровского центра выезжает в Одессу для создания пункта по транспортировке революционной литературы.

1902, май — 1903, август — Работает врачом в селе Холодная

Балка под Одессой, выполняет задания искровского центра.

1902, 25 августа — Арестован по обвинению в распространении прокламаций. Заключен в Одесскую тюрьму. Освобожден в сентябре 1902 года.

1902, декабрь — Переезжает в Самару, временно работает врачом в селе Тимашеве.

1903, весна — По поручению искровского центра выезжает в Тулу в качестве агента «Искры». Тульским комитетом РСДРП избирается делегатом на II съезд партии.

1903 июль — август — Принимает активное участие в работе II съезда РСДРП (под псевдонимом Герц).

1903, вторая половина — Выступает с докладами о II съезде РСДРП в Киеве, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде.

1904, январь — Арестован по делу Центрального и Киевского комитетов и заключен в Лукьяновскую тюрьму (г. Киев). Благодаря революционным событиям в декабре выпущен на свободу.

1905–1906 — Работает в Симбирском земстве санитарным врачом, в качестве одного из руководителей возглавляет Симбирский комитет РСДРП.

1906–1911 — Работает земским врачом в селе Липитино Московской губернии.

1911–1914 — Работает санитарным врачом в Феодосийском уезде. Руководит большевистскими организациями Крыма. Принимает участие в съездах бактериологов и эпидемиологов в Москве.

1914, август — Мобилизован на воинскую службу.

1914–1917 — Служит врачом в Севастополе, является одним из руководителей местной большевистской организации.

1917, лето — осень — Проходит службу в Одессе.

1917, ноябрь — Избирается членом Таврического областного комитета партии.

1918, январь — Избирается членом редколлегии газеты «Таврическая правда».

1918, март — Назначается наркомом здравоохранения Советской Республики Тавриды.

1918, май — 1919, апрель — Руководит большевистским подпольным центром в Евпатории, член Евпаторийского комитета партии и ревкома.

1919, май — 1919, июль — Возглавляет правительство Крымской Советской Республики, нарком здравоохранения.

1919, июль — Встречается с В. И. Лениным.

1919, август — 1920, ноябрь — Назначается политическим комиссаром 13-й армии, затем Южного фронта, член Крымского

ревкома.

1920, ноябрь — В качестве члена ревкома и члена обкома партии организует восстановление народного хозяйства Крыма.

1920, ноябрь — Декретом Совнаркома РСФСР назначен особоуполномоченным Наркомздрава и начальником центрального управления курортов Крыма (ЦУКК).

1921, декабрь — 1941 — Работает в Москве в Народном комиссариате здравоохранения, в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, в научном секторе комиссии содействия ученым, принимает участие в организации музеев В. И. Ленина.

1930 — Избирается делегатом XVI съезда КПСС.

1934 — Избирается делегатом XVII съезда КПСС.

1941–1943 — Ведет активную военно-пропагандистскую работу в Москве, Ульяновске, Куйбышеве.

1943, 16 шоля — Умер в Горках Ленинских. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., тт. 3, 8, 10, 12, 26, 36, 46, 53, 54, 55.

Ленинские сборники, тт. I–XXXVIII. М., Политиздат.

Д. И. Ульянов. Воспоминания о В. И. Ленине. 1956.

Д. И. Ульянов. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., Политиздат, 1971.

Д. И. Ульянов. Очерки разных лет. М., Политиздат, 1974.

Н. К. Крупская. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., Госиздат, 1933.

А. И. Елизарова-Ульянова. Воспоминания об Ильиче. М. 1934.

М. И. Ульянова. О Ленине. М., Политиздат, 1966.

Переписка семьи Ульяновых. М., Политиздат, 1969.

Владимир Ильич Ленин. Биография. М., Политиздат, 1972.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. М., Политиздат, 1970–1976.

II

А. А. Алексеев. Всесоюзная здравница. Симферополь, 1952.

Н. С. Барсамов. Феодосия. Симферополь, 1958.

Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. 1 и 2. Симферополь, 1961.

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год быв. Московского охранного отделения. М., 1919.

В. Н. Бынкина. Из истории возникновения большевистской организации Тулы (1894–1904). Тула, 1963.

Л. И. Волошинов. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симферополь, 1960.

Великим путем Октября. Из истории Крымской партийной организации. Симферополь, 1967.

Б. М. Вольфсон. Д. И. Ульянов. Анналы истории медицины. М., Медгиз, 1963.

Воспоминания о II съезде партии. М., Политиздат, 1955.

В огне революционных боев. Воспоминания. Сборник. Симферополь, 1957.

В. П. Волков. За власть Советов! Симферополь, 1963.

М. З. Грин. Пламенные сердца. М., Политиздат, 1982.

Десять лет Советского Крыма. Сборник. Симферополь, 1930.

Два месяца работы В. И. Ленина. М., Госиздат, 1931.

Д. Драбкина. А. И. Ульянова-Елизарова. М., Политиздат, 1970.

П. П. Елизаров. Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., Политиздат, 1967.

Ф. С. Загородских. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь, 1940.

М. Озеров. По следам героев революции. Симферополь, 1967. Очерки истории Тульской организации КПСС. Тула, 1967.

Г. Я. Лозгачев-Елизаров. Неаабываемое. Саратов, 1957.

А. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, т. 2. Симферополь. 1957.

А. Н. Надинский. Победа Октябрьской революции в Крыму. Симферополь, 1957.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными парторганизациямл (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). Сборник документов. М., Политиздат, 1957.

Д. Руднев. Дмитрий Ильич Ульянов в Тарту. Таллин, 1959.

Н. А. Семашко. Прожитое и пережитое. М., Политиздат, 1900.

Г. Семин, А. Никитина. Посланец Ленина. Симферополь, 1967.

О. Д. Ульянова. История одной визы. — «Известия», 1966, 7 декабря.

О. Д. Ульянова. Неистребимая вера. — «Известия», 1975, 5 мая.

О. Д. Ульянова. Мать. — «Неделя», 1975, № 12 (524).

Хроника революционных событий в Крыму. Симферополь, 1969.

С. Я. Чикин. Ульянов. М., «Медицина», 1974.

И. Чирва. Крым революционный. Киев, Политиздат УССР, 1963.

М. М. Эссен. Первый штурм. М., Политиздат, 1957.

Иллюстрации

Семья Ульяновых. 1879 год. Симбирск.

Митя и Маняша. 1880 год. Симбирск.

Студент Александр Ульянов. 1887 год. Петербург.

Гимназист Володя Ульянов.

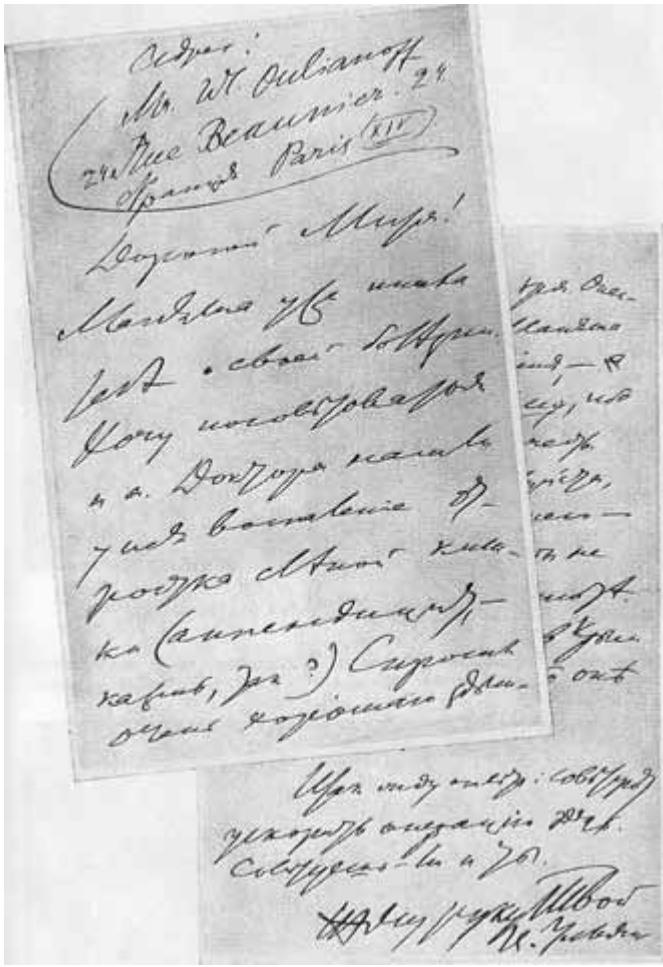
Митя Ульянов, учащийся Самарской гимназии.

М. А. Ульянова, М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов и А. Т. Елизаров. 1902 год. Самара.

Симбирские большевики. 1905 год. Д. И. Ульянов — *сидит первый слева, первый справа* — З. П. Соловьев.

АЛ. И. Ульянова, Д. И. Ульянов и М. Т. Елизаров. Москва.

Дом в Симбирске, где жил Д. И. Ульянов в 1905–1906 годах.



Письмо В, И. Ленина Д. И. Ульянову. 1909 год.

Д. И. Ульянов и А. А. Дзевановский. 1912 год. Крым.

Дом-музей Ульяновых в Бердянске. В этом доме жили М. А. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова в 1911 году.

Военврач Д. И. Ульянов. Севастополь.

Севастополь в годы первой мировой войны.

Д. И. Ульянов в крепостном госпитале. 1915 год. Севастополь.

Дмитрий Ильич и Александра Федоровна Ульяновы. 1917 год. Севастополь.

Российская Социалъ Демократическая Рабочая Партія. Цѣна отд. номера 20 коп.

ТАВРИЧЕСКАЯ ПРАВДА

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Редакція.

Органъ Таврическаго Губернскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. (большевиковъ)

№ 1. Ежедневная газета Среда 24-го Января 1918 г. № 1.

Севастопольскій Совѣтъ Учёныхъ Воиновъ

Въ Германіи и Австріи сильныя рабочія движенія подъ лозунгами: миръ безъ аннексій и контрибуцій, какъ предлагаетъ Россія.

Мы стоимъ теперь передъ фактомъ Революціи въ Германіи.

Въ Кіевѣ всеобщая забастовка—съ требованіемъ мира.

Въ Ирландіи идетъ движеніе

Наша задача.

Пролетарская печать.

Товарищи, матросы, солдаты и рабочіе!

ОТЪ РЕДАКЦІИ ГАЗЕТЫ „КРЫМСКАЯ ПРАВДА".

Это—копія перваго номера предшественницы „Крымской правды"—„Таврической правды". Дорогой товарищъ! Сохрани этотъ номеръ газеты какъ цѣнную реликвію героическаго прошлаго Крыма.

«Таврическая правда» — газета, которую редактировал Д. И. Ульянов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Цена № 5 р. советск.

КРАСНЫЙ КРЫМ

Орган Губернского Военно-Революционного Комитета и Крымского областного Комитета Российской Коммунистической партии.

№ 1 Симферополь, Среда 17 ноября 1920 года № 1

Известия дня:

ПРИКАЗЫ.

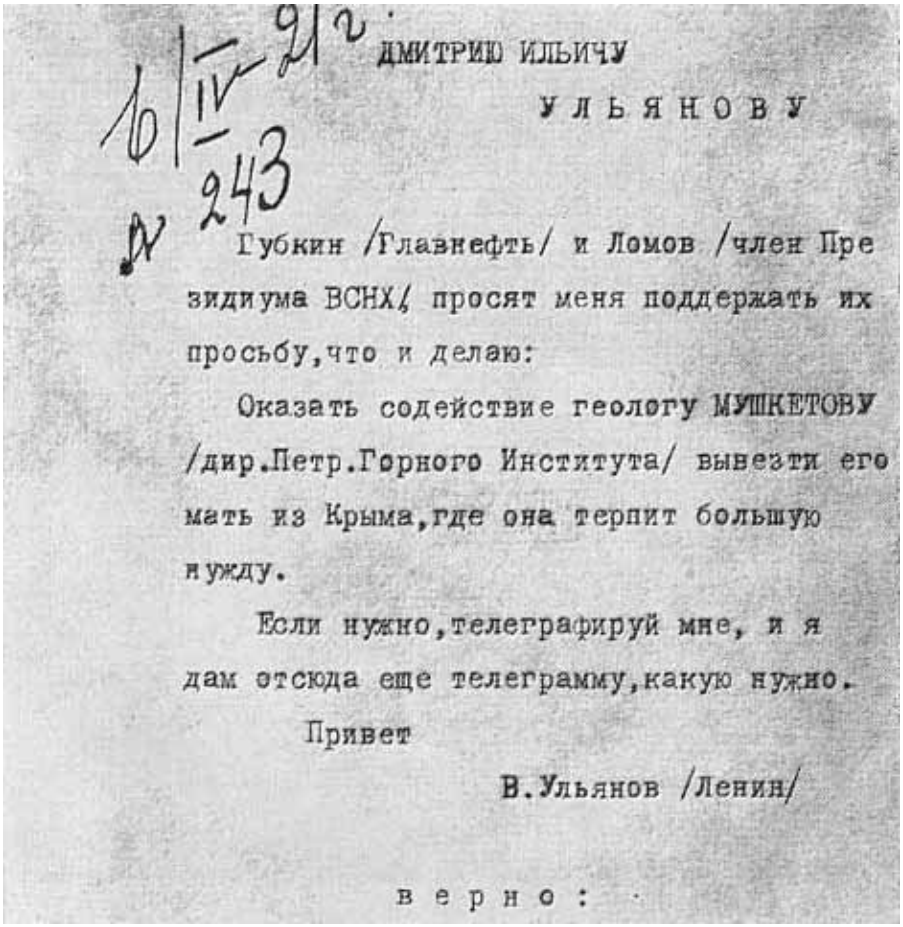
ПРИКАЗ

Страница человеческой истории

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Памяти павших.

«Красный Крым» — первая газета, вышедшая в освобожденном Симферополе в ноябре 1920 года.



16/IV 21 г.
№ 243

ДМИТРИЮ ИЛЬИЧУ

УЛЬЯНОВУ

Губкин /Главнефть/ и Ломов /член Президиума ВСНХ/ просят меня поддержать их просьбу, что и делаю:

Оказать содействие геологу МУШКЕТОВУ /дир. Петр. Горного Института/ вывезти его мать из Крыма, где она терпит большую нужду.

Если нужно, телеграфируй мне, и я дам отсюда еще телеграмму, какую нужно.

Привет

В. Ульянов /Ленин/

верно:

Телеграмма В. И. Ленина Д. И. Ульянову в Крым. 1921 год.

М. И. Ульянова, Н. К. Крупская, Д. И. Ульянов, А. Ф. Ульянова, В. Д. Ульянов, О. Д. Ульянова. 1936 год.

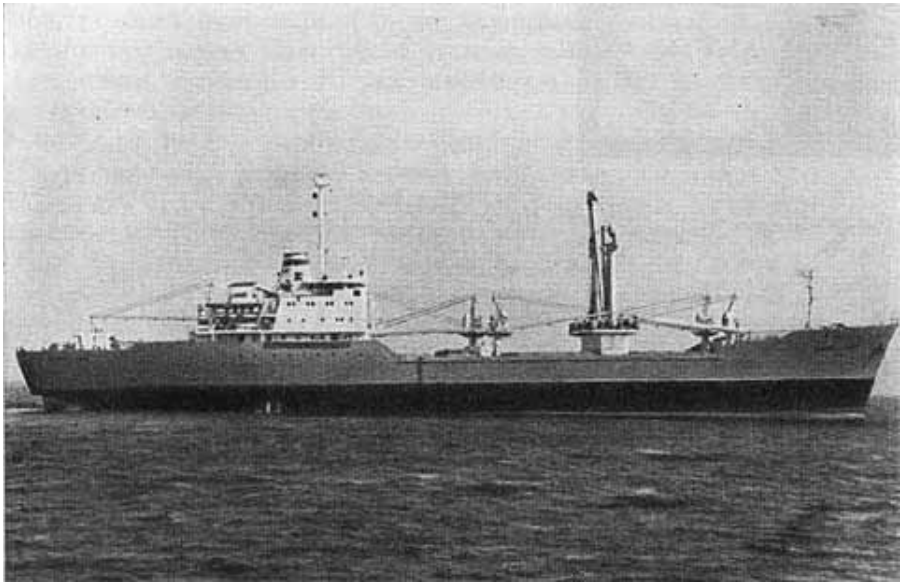
Д. И. Ульянов среди молодежи. 1936 год. Горки.

Дмитрий Ильич, Александра Федоровна и Ольга Дмитриевна Ульяновы среди сотрудников Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске. Лето 1941 года.

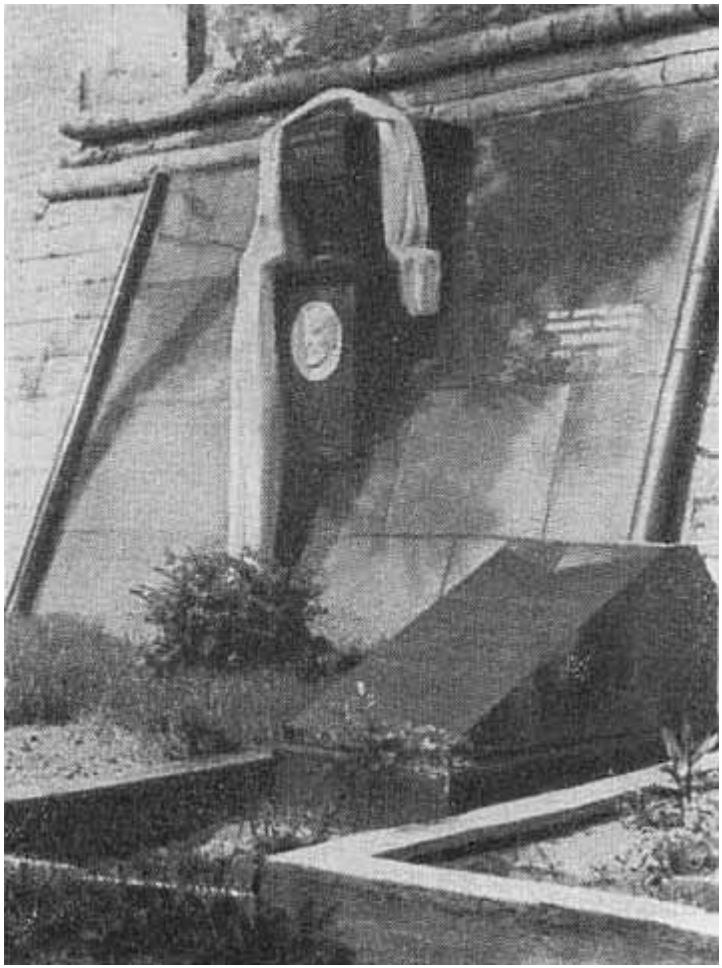
Медицинский институт имени Д. И. Ульянова в Куйбышеве.

Здравница, Крым.

Экскурсия в музее Д. И. Ульянова. Средняя школа № 2. Феодосия.



Теплоход «Дмитрий Ульянов».



Новодевичье кладбище. Здесь похоронен Д. И. Ульянов.

Улица имени Дмитрия Ульянова в Москве.

Улица имени Дмитрия Ульянова в Москве.

notes

Примечания

1

По ходатайству матери ей было разрешено отбывать ссылку в Казанской губернии.

2

После революции в Алакаевке был организован колхоз. Стал он называться «Уголок Ленина». А на месте, где стоял деревянный одноэтажный домик, колхозники построили школу, а затем создали музей. — *Прим. автора.*

3

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 55, с. 94.

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 55, с. 99.

5

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 166.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 55, с. 191.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 455.

Днестровская — хозяйка явочной квартиры. — *Прим. автора.*

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 274–275.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 275.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 275.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 308.

13

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 423–424.

14

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 336.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 182.

16

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 234

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 235.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 235.

19

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 344.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 83.

21

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 238.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 255.

23

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 293.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 294.

25

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., с. 55, с. 306–307.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 308–311.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 318–319.

28

Медведев на контрабандистской шхуне пытался добраться до Стамбула. Но в Стамбул шхуна не дошла, и след Медведева потерялся. По рассказам А. И. Нещеретовой, Д. И. Ульянову в 1919 году удалось разыскать семью Медведева и оказать ей материальную помощь. — *Прим. автора.*

29

Дед — кличка Егора Афанасьевича Афанасьева, руководителя керченских большевиков. — *Прим. автора.*

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 345.

31

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 345.

32

Только после 1934 года советским органам удалось разоблачить Крылова как платного полицейского агента. Провокатор понес заслуженное наказание. — *Прим автора.*

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 328.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 338.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 338.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 31–32.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 356–357.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, с. 364–365,

39

Так называли севастопольцы здание городского театра. — *Прим. автора.*

40

В начале 1918 года буржуазная Украинская Рада объявила Черноморский военный флот принадлежностью Украины. — *Прим. автора.*

41

И. Г. Хмельницкий (Хмелько), впоследствии председатель Феодосийского подпольного горкома КП(б)У, в мае 1920 года был выдан белогвардейской контрразведке провокатором Ахтырским. Перед казнью принял смертельную дозу морфия, который передала ему подпольщица. — *Прим. автора.*

42

Ленинский сборник, т. XXXVIII, с. 265.

43

Ленинский сборник, т. XXXIV, с. 176.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 229.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 74.

46

Сеймур и Манжен — французские военные инженеры-фортификаторы. Под их руководством создавались оборонительные рубежи для врангелевских войск. — *Прим. автора.*

Ленинский сборник, т. XXXV, с. 206–207.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 47.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, с. 127–128.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, с. 128.

51

Ленинский сборник, т. XXXVIII, с. 417.

52

Еще в 1918 году В. И. Ленин, возмущенный действиями судей по поводу подобного приговора, писал: «Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры (6 месяцев тюрьмы. — *Б. Я.*) есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера» (Полн. собр соч… т. 36, с. 282).

53

В 1964 году были опубликованы «Воспоминания о Владимире Ильиче». Затем они дважды переиздавались. Существенно дополненным и пересмотренным явилось издание к 100-летию со дня рождения Дмитрия Ильича «Очерков разных лет». Но и это издание, несмотря на его фундаментальность, представляет собой только незначительную часть литературного и эпистолярного наследия младшего брата Ленина.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 117.